

О. Логинов

**ЮМОР
В МИЛИЦЕЙСКОМ
МУНДИРЕ**

Тема борьбы с преступностью во все времена была актуальна для людей. А потому устное народное творчество всегда с особым вниманием относилось к стражам порядка, которые с этой преступностью борются. И тем самым оно невольно донесло до нас отдельные нюансы работы правоохранительных органов в разное время. Правда, есть риск, что если попытаться сложить из них, словно из мозаики, картину, отображающую прошлое и настоящее милиции, то она получится кривой. Во-первых, сам жанр анекдота ориентирован больше на сатиру, т. е. на выявление каких-то негативных моментов и высмеивание их. А во-вторых, народ обычно не питает особой симпатии к тем, кто его охраняет, дает им обидные прозвища и в своем творчестве безжалостно припоминает стражам порядка все нанесенные ему обиды. Что лукавить, в большинстве анекдотов служба в милиции представляется отнюдь не опасной и трудной, как в известной песне, а сотрудники изображаются бездельниками, дураками и взяточниками. Однако признак настоящего дурака — это не его профессиональная принадлежность, а свойство обижаться на анекдоты. Если уж повлиять на звательность народного творчества не смогли даже большие сроки суровых сталинских лагерей, то обижаться на него — просто глупо. Впрочем, большинство сотрудников милиции относятся к анекдотам про ментов с юмором, сами любят их слушать и рассказывать. Думается, что и данная книга будет воспринята с юмором и не повредит авторитету наших доблестных стражей правопорядка.

- [О. Логинов](#)

- [Часть I](#)

-

- [ПОЛИЦИЯ](#)

- [ПЕТР I И ПТЕНЦЫ ЕГО ГНЕЗДА](#)

- [РЕФОРМАТОР ЕКАТЕРИНА](#)

- [МВД — НАДЕЖА И ОПОРА](#)

- [ПОЛИЦИЯ И ПОЛИЦМЕЙСТЕРЫ](#)

- [ЧАСТНЫЕ ПРИСТАВЫ, КВАРТАЛЬНЫЕ НАДЗИРАТЕЛИ, УРЯДНИКИ, ГОРОДОВЫЕ И ДРУГИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ЧИНЫ](#)

- [ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН](#)

- [ЛЕГЕНДЫ РОССИЙСКОГО СЫСКА](#)

- [ВЕТРЫ РЕВОЛЮЦИИ С ДОЖДЕМ ИЗ ПУЛЬ И ГРАДОМ ИЗ БОМБ](#)

- [НАЧАЛО XX ВЕКА — НЕВЕСЕЛАЯ ПОРА](#)

- [НАСТАЛИ ВЕСЕЛЫЕ ВРЕМЕНА](#)

- [ВЕСЕЛЫЕ ЛЮДИ В ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ](#)

- [ОХ, КАК МНОГО ВРАГОВ НАРОДА](#)

- [МИЛИЦИЯ ОТ ХРУЩЕВА ДО ЕЛЬЦИНА](#)

О. Логинов

ЮМОР В МИЛИЦЕЙСКОМ МУНДИРЕ

(Веселые стражи порядка)

Часть I

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Правоохранительные органы, в том числе и милиция, неотделимы от времени и от среды, в которых они существуют и работают. Поэтому наша российская милиция в разные годы была разной. Даже названия ее говорят сами за себя. Начиная с 1917 года, она побывала народной, рабочей, рабоче-крестьянской, советской и вот теперь стала российской. И возможно, лучше всего ее различные образы в тот или иной период времени запечатлело устное народное творчество — анекдоты и байки. Причем, эти короткие рассказы удивительным образом через едкое отражение отдельных частностей в жизни страны дают панорамную картину развития государства и его правоохранительных органов.

Тема борьбы с преступностью во все времена была актуальна для людей. А потому устное народное творчество всегда с особым вниманием относилось к стражам порядка, которые с этой преступностью борются. И тем самым оно невольно донесло до нас отдельные нюансы работы правоохранительных органов в разное время. Правда, есть риск, что если попытаться сложить из них, словно из мозаики, картину, отображающую прошлое и настоящее милиции, то она получится кривой. Во-первых, сам жанр анекдота ориентирован больше на сатиру, т. е. на выявление каких-то негативных моментов и высмеивание их. А во-вторых, народ обычно не питает особой симпатии к тем, кто его охраняет, дает им обидные прозвища и в своем творчестве безжалостно припоминает стражам порядка все нанесенные ему обиды. Что лукавить, в большинстве анекдотов служба в милиции представляется отнюдь не опасной и трудной, как в известной песне, а сотрудники изображаются бездельниками, дураками и взяточниками. Однако признак настоящего дурака — это не его профессиональная принадлежность, а свойство обижаться на анекдоты. Если уж повлиять на язвительность народного творчества не смогли даже большие сроки суровых сталинских лагерей, то обижаться на него — просто глупо. Впрочем, большинство сотрудников милиции относятся к анекдотам про ментов с юмором, сами любят их слушать и рассказывать. Думается, что и данная книга будет воспринята с юмором и не повредит авторитету наших доблестных стражей правопорядка.

Полиция в жизни каждого государства есть.

(Козьма Прутков. «Плоды раздумья»)

В России П. как самостоятельная организация была учреждена Петром I в 1718 и делилась на общую, наблюдавшую за порядком (её сыскные отделения вели расследования по уголовным делам), и политическую (информация и охранные отделения). Имелись также специальные службы П. (дворцовая, портовая, ярмарочная и т. д.). Руководство П. осуществляло Министерство внутренних дел, где существовал специальный департамент полиции. В её систему входили городские полицейские управления во главе с полицмейстером; полицейские части и участки, возглавлявшиеся частными и участковыми приставами (надзирателями); околотки и низшее звено — посты городовых. В уездных городах и уездах органы П. входили в полицейские управления (во главе с исправником), подчинявшиеся губернатору. Вся эта иерархическая система была наделена широкими полномочиями, в связи с чем В. И. Ленин отмечал, что «царское самодержавие есть самодержавие полиции» (Полное собрание соч., 5 изд., т. 7, с. 137).

(Из Большой Советской Энциклопедии)

ПЕТР I И ПТЕНЦЫ ЕГО ГНЕЗДА

Днем рождения российской полиции — прародителя российской милиции можно назвать 25 мая 1718 года, когда великим реформатором царем Петром I была утверждена с собственноручным его дополнением инструкция, привычно названная «Пунктами», которой утверждалась должность генерал-полицмейстера.

Первым генерал-полицмейстером стал Антон Девиер, португалец по происхождению. Он родился в семье бедного еврея-оружейника, приехавшего на заработки из Португалии в Голландию. В юности лишился отца и был вынужден сам зарабатывать себе на жизнь, поступив юнгой во флот. В 1697 г. во время морских маневров в гавани Амстердама молодой моряк обратил на себя внимание Петра I. Государь предложил ему стать своим пажом и отправиться в Россию, на что тот с радостью согласился. Имея живой и веселый характер, Девиер скоро приобрел расположение царя, дружбу царицы, через некоторое время бывший юнга стал денщиком русского царя, а потом и генерал-адъютантом его императорского величества.

Однако даже находиться в любимчиках у Петра I было непросто. Царь не жаловал нерадивость и чуть-что был скор на расправу. Однако при этом отличался отходчивостью и зла долго не таил. В чем не раз имел возможность убедиться и генерал-полицмейстер.

Однажды Петр ехал с ним в одноколке. Им нужно было переехать мост, но мост оказался неисправным. Петр велел мост немедленно починить, а сам, рассердившись на Девиера, в обязанности которого входил надзор за состоянием улиц и мостов, прогулялся по его спине дубиной. Когда мост исправили, Петр как ни в чем ни бывало пригласил Девиера в одноколку.

— Садись, брат! — весело крикнул он.

* * *

Цели и задачи нового органа охраны порядка были сформулированы в Уставе Главного магистрата и гласили: «Оная (имеется в виду полиция) споспешествует в правах и правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, принуждает каждого к трудам и честному промыслу, чинит добрых домостроителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные пригрешения, призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной частоте и честных науках; вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства».

Эта декларация и тогда, и ныне представлялась своеобразным идеальным ориентиром для полиции, однако в ее деятельность вносило коррективы несовершенство человеческой природы. Не хочется проводить параллели с сегодняшним днем, однако проблемы полиции петровской эпохи легко узнаваемы и сейчас.

Служба в полиции никогда не была особо почетна и доходна. А потому с комплектованием штата у Девиера сразу возникли проблемы. Доходило до смешного. Некий дьяк, определенный в июне 1718 г. на службу в полицмейстерскую канцелярию, трудился в Москве, в расправной палате, и никак не желал ехать в Петербург на службу в полицию. Думается, что дьячку совсем не улыбалось покидать насиженную Москву, чтобы оказаться на болотистой стройке града Петра. Вопрос его отправкой решался на самом высоком уровне. Генерал-полицмейстер ходатайствовал об этом Сенат. За дьяком посылались гонцы из Сената и полицмейстерской канцелярии, его предписывалось взять под караул немедленно и силой доставить в Петербург. Но наступил уже 1719 год, а Девиер продолжал писать в Сенат, что «онный дьяк из Москвы не бывал».

* * *

Занимался Петр I и реформированием уголовного законодательства. Для начала он выяснил как решается проблема «преступления и наказания» в странах западной Европы. И признал их законодательство чрезмерно жестоким. В Пруссии, например, смертной казнью каралось даже прелюбодеяние с женщиной. Царь Петр отозвался на это так: «Видимо у Карла в его государстве более лишнего народа, нежели в Москве. На беспорядки и преступления надлежит, конечно, налагать наказания, однако же и сберечь жизнь подданных, сколько возможно». Он отменил смертную казнь за «малые вины» и ввел взамен каторгу. Именно эти самые каторжники вскоре возвели среди болот Петербург и многие уральские города-заводы.

* * *

Петру I, как известно, досталось незавидное наследство. Ворovali тогда на Руси (впрочем, как и сейчас) со страшной силой. Недаром в народе появилось множество поговорок: «Судьям то и полезно, что в карман полезло», «Всякий подъячий любит калач горячий», «Приказный проказлив: руки крюки, пальцы грабли, вся подкладка — один карман». Свояк Петра князь Б. Куракин в своих записках отмечал, что зародившееся в правление царицы Натальи Кирилловны «мздоимство великое и кража государственная, что доньше (писано в 1727 году) продолжается с умножением, а вывести сию язву трудно».

Царь Петр потратил немало сил, чтобы вывести эту язву, да все без толку. Многих виднейших сановников государства самолично дубинкой отхаживал, особо зарвавшихся без жалости отдавал под суд. Сибирский губернатор князь Гагарин был повешен, Петербургский вице-губернатор Корсаков публично высечен кнутом, вице-канцлер барон Шафиров снят с плахи и отправлен в ссылку. Но чужое наказание слабо пугало остальных чиновников. Наконец Петр I, выведенный из себя повальным воровством государевых людей пригрозил в Сенате вешать всякого чиновника, укравшего настолько, сколько нужно на покупку веревки. Однако известно, что главный блюститель закона генерал-прокурор Ягужинский остудил тогда праведный гнев царя знаменитой фразой: «Разве ваше величество хотите царствовать один, без слуг и без подданных. Мы все ворует, только один больше и приметнее другого».

Понятно, что в таких условиях полицию трудно было сделать идеальной. Она также стала отражением своего времени. Жестоко наказывая людей за всякое неисполнение или промедление в исполнении многочисленных предписаний правительства, некоторые полицейские чиновники сами погрязли в казнокрадстве и служебных злоупотреблениях.

Подчиненный перед лицом начальствующим
должен иметь вид лихой и придурковатый,
дабы разумнее своим не смущать начальство...
Указ Петра I от 09.12.1703

Конечно, воровство и мздоимство — лишь одна из составляющих государственной жизни России эпохи Петра I. Наряду с этим явлением присутствовали и потрясающие достижения: прорубленное окно в Европу, мощнейший прорыв в развитии металлургической промышленности и судостроения, строительство Северной Пальмиры и многих других городов. Да и очень плохо, если бы птенцы гнезда Петрова остались в истории пьяницами и корыстолюбцами. Это были яркие личности которые, не жалея живота своего, дрались под Полтавой и в других сражениях, самоотверженно трудились на благо Отечества. Первым полицейским тоже не раз пришлось рисковать жизнью, когда они бесстрашно вступали в схватку с убийцами и разбойниками, которым нечего было терять, в случае задержания их ожидала виселица или плаха. Однако, оставив великие свершения для учебников истории, устное народное творчество едко высмеяло такой порок петровской эпохи, как мздоимство. Причем во многих анекдотах фигурировал сам Петр I, в качестве мудрого и строгого государя, а царские шуты Балакирев и Д'Акоста — его лучших советчиков.

Однажды Петру I донесли, что в Москве живет очень ловкий стряпчий, прекрасно знающий все законы и даже дающий за деньги советы московским судьям в особо трудных случаях. Петр решил с ним познакомиться, и тот так ему понравился, что царь назначил его судьей в Новгород. Отправляя на место службы нового судью, Петр сказал, что верит в него и надеется, что он будет справедливо судить и ничем себя не запятнает.

А между тем вскоре дошло до царя, что его ставленник берет взятки и решает дела в пользу тех, кто подносит ему подарки и деньги. Петр произвел строгую проверку, убедился в виновности судьи и только после этого призвал его к себе.

— Что за причина, что ты нарушил данное мне слово и стал взяточником? — спросил он судью.

— Мне не хватало твоего жалованья, государь, — ответил судья. — И я, чтобы не залезать в долги, стал брать взятки.

— Так сколько же тебе нужно, чтоб ты оставался честным и неподкупным судьей? — спросил Петр.

— По крайней мере вдвое против того, сколько получаю я теперь.

— Хорошо, — сказал царь, — я прощаю тебя. Ты будешь получать втрое против нынешнего, но если я узнаю, что ты принялся за старое, то я тебя повешу.

Судья вернулся в Новгород и несколько лет не брал ни копейки, а потом решил, что царь уже обо всем забыл, и по-прежнему стал брать подношения. Узнав о его новых прегрешениях, Петр призвал виновного к себе, изобличил в содеянном и сказал:

— Если ты не сдержал данного мне, твоему государю, слова, то я сдержу свое.
И приказал судью повесить.

* * *

Однажды, в присутствии царской свиты, Балакирев обратился к Петру I:

— Знаешь ли ты, Алексеич, какая разница между колесом и стряпчим, то есть вечным приказным?

Царь рассмеялся:

— Разница большая, но если ты знаешь что-нибудь особенное, говори!

Балакирев продолжил:

— А разница, вот видишь какая: одно — криво, а другое — кругло, однако это не диво, а то диво, что они, как братья родные, друг на друга походят.

Петр начал сердиться:

— Ты совсем заврался, Балакирев! Никакого сходства между колесом и стряпчим нет и быть не может!

Балакирев же невозмутимо продолжал:

— Есть, да и очень большое.

Петр полюбопытствовал:

— Какое же это?

Балакирев ответил:

— И то и другое надобно почаще смазывать...

* * *

Петр I ненавидел льстецов и часто просил говорить о нем самую правду, какой бы горькой она ни была. Однажды в Москве подали ему жалобу на судей-взяточников, и он очень разъярился, сетуя на то, что взятки есть зло и надобно их решительно искоренять. При этом оказался возле Петра генерал-лейтенант Иван Иванович Бутурлин и, услышав грозные и горькие слова Петра, сказал ему:

— Ты, государь, гневаешься на взяточников, но ведь пока сам не перестанешь их брать, то никогда не истребишь этот порок в своих подданных. Твой пример действует на них сильнее всех твоих указов об истреблении взяток.

— Что ты мелешь, Иван?! — возмутился Петр. — Разве я беру взятки? Как ты смеешь возводить на меня такую ложь?

— Не ложь, а правду, — возразил Петр Бутурлин. — Вот послушай. Только что я с тобой, государь, проезжал через Тверь и остановился переночевать в доме у знакомого купца. А его самого дома не оказалось — был он в отъезде. Дома же осталась его жена с детьми. И случилось, что в день нашего приезда были у купчихи именины и она созвала к себе гостей. Только сели мы за стол, как вошел в дом староста из магистрата и сказал, что городской магистрат определил с общего совета собрать со всех горожан деньги, чтобы

утром поднести тебе, государь, подарок, и что по доходам ее мужа надобно ей дать на подарок сто рублей. А у нее дома таких денег не оказалось, и она стала старосту просить, чтобы подождал до утра, когда должен был вернуться из поездки ее муж. Однако же староста ждать не мог, потому что было ему ведено к ночи все деньги собрать, и тогда я отдал ей бывшие у меня сто рублей, так как все гости тут же разбежались по домам, чтоб внести свою долю, как только к ним в дома пожалуют люди из магистрата. И когда я дал купчихе деньги, то она мне от радости в ноги пала. Вот они какие добровольные

* * *

Царский шут Д'Акоста вел по какому-то делу длительную тяжбу в суде. После множества хождений в суд, проволочек и разбирательств судья сказал д'Акосте:

— Признаюсь, что в твоём деле я не вижу хорошего конца.

Д'Акоста тут же протянул ему две золотые монеты со словами:

— Вот вам, сударь, отличные очки!

* * *

Когда Балакирев однажды вез Петра I в одноколке, лошадь вдруг остановилась посреди лужи для обычной надобности. Балакирев хлестнул ее кнутом и проворчал:

— Ну, точь-в-точь как ты, Алексеич!

Петр удивился:

— Кто?

Балакирев указал:

— Да вот эта кляча, совсем как ты!

Петр вспыхнул:

— Почему так?

Балакирев ответил:

— Да так вот. Мало ли в этой луже всякой дряни, а она и еще добавляет. Мало ли у Меншикова всякого богатства, а ты еще ему пичкаешь.

* * *

Богатство светлейшего князя Меншикова действительно росло не по дням, а по часам и быстро стало притчей во языцах. Александр Данилыч был «породы самой низкой, ниже шляхтества», однако благодаря близости к царю быстро сколотил умопомрачительное состояние. Но надо сказать, что даже особо приближенное к трону положение не сделало Меншикова неприкасаемым для закона. Специальная комиссия расследовала его злоупотребления и наложила на светлейшего князя начет более миллиона рублей.

Петр I за мздоимство нередко самолично отхаживал дубинкой или кулаками своего ближайшего помощника. Но сердиться на него долго не мог.

Однажды, когда царю в очередной раз пожаловались на бессовестные поборы со стороны Меншикова, Петр I в гневе поколотил светлейшего князя палкой. Александр Данилович крепко пострадал — царь разбил ему нос и поставил под глазом здоровенный фонарь. А после чего выгнал со словами:

— Ступай вон, щучий сын, и чтоб ноги твоей у меня больше не было! Меншиков послушаться не смел, исчез, но через минуту снова вошел в кабинет... на руках!

* * *

Царская дубинка, конечно, была сильным лекарством, однако надолго ее действия не хватало. Едва у светлейшего князя притуплялись воспоминания о ней, как он снова брался за старое. О богатстве Меншикова может свидетельствовать хотя бы его дворец в Петербурге, сохранившийся до наших дней и ставший музеем. С ним связана одна из питерских легенд.

Как-то покидая столицу, поручил Меншикову, как градоначальнику, контролировать строительство здания 12-ти коллегий. А чтобы, тот исправнее выполнил поручение, посулил ему подарить в личное пользование всю землю, что останется свободной на набережной Невы после постройки. Приехавший на место, выделенное под застройку, градоначальник Меншиков вскоре понял, что щедрый царский подарок — фикция, свободно места не оставалось. И тогда он, с присущей ему смекалкой, сообразил, как и поручение выполнить, и себя не обидеть. Александр Данилович развернул чертеж, отчего длинное здание оказалось к Неве торцом. Так и начал строительство. Когда вернувшийся Петр увидел, как заложен фундамент, он в бешенстве поволок Меншикова вдоль будущего фасада и молотил его дубинкой у каждой коллегии. Но царское слово свое сдержал и землю «Алексахке» подарил.

* * *

Александр Меншиков частенько конфликтовал не только с Законом, но и с генерал-полицмейстером Антоном Девиером. Правда, в их вражде присутствовали во многом личные мотивы. Женившись на сестре А. Д. Меншикова без согласия последнего, Девиер приобрел в его лице смертельного врага. На сайте «Наш Питер» рассказывается об этом так:

«Девиер имел неосторожность влюбиться в Анну Даниловну Меншикову, и начался роман, превративший двух сподвижников царя в лютых врагов. Девиер попросил у Меншикова руки его сестры, а тот с помощью слуг избил жениха до полусмерти. Неудачливый жених обратился за помощью к Петру. Царь, узнав, что Анна Даниловна любит Девиера, приказал Меншикову сыграть свадьбу через три дня».

Пока Петр I был жив, он не позволял Меншикову и Девиеру открыто проявлять свою вражду. Главные руководители армии и полиции, фактические начальники столичной губернии и столицы, повинувшись крутому нраву и тяжелой руке Петра I, демонстрировали внешнее миролюбие.

После смерти царя от нападков Меншикова Девиера оберегала императрица Екатерина I. Тем более, что она доверяла своему генерал-полицмейстеру. Однажды она дала ему деликатное дипломатическое поручение — отговорить Анну Иоанновну, герцогиню Курляндскую, выходить замуж за Морица Саксонского, в которого та была влюблена. Какие ухищрения предпринял Девиер — осталось тайной, но он не только отговорил Анну от брака, но и снискал ее расположение. Но, как только Екатерина умерла, Александр Данилович, улучив момент, сверг противника в опалу.

С подачи светлейшего князя Девиер был обвинен в том, что 16 апреля 1727 года во время тяжелой болезни императрицы Екатерины, он вел себя непристойно — шутил и смеялся. При допросе о причине смеха Девиер показал: «Сего апреля 16-го числа в бытность свою в доме ее императорского величества, в покоях, где девицы едят, попросил он у лакея пить, а помнится, зовут его Алексеем, а он назвал Егором; князя Никиту Трубецкого называли шутя товарищи Егором, и когда он, Девиер, у лакея попросил пить и назвал его Егором, а он Трубецкой на то словно поворотился к нему, где он сидел с великим князем, все смеялись;»

Такая вот на первый взгляд никчемная ситуация имела самые серьезные последствия. Антон Девиер был пытан, наказан кнутом «нещадно», лишен всех должностей и чинов, дарованного Екатериной I графского титула, имений и сослан в Восточную Сибирь. Меншиков не позволил своей сестре последовать за изгнанником. Но, надо полагать, что, оставшись в Петербурге, Анна Даниловна нашла способ похлопотать о судьбе мужа. И сумела облегчить его положение. Сначала императрица Анна Иоанновна оказала милость и сделала ссыльного губернатором Охотска. А позднее в 1743 г. другая императрица Елизавета Петровна вернула Девиера из ссылки, возвратила ему имения, титул, ордена, чины, должность генерал-полицмейстера, на которой он находился до вскоре наступившей смерти.

* * *

Насколько все-таки Петр I обладал способностью находить и выделять людей неординарных, талантливых, насколько высоко сумели взлететь в своих делах и помыслах птенцы его гнезда, можно судить хотя бы по людям пришедшим им на смену.

Одним из последователей Антона Девиера на посту генерал-полицмейстера стал Алексей Данилович Татищев, про которого писали: «Прошел невредимым через все перевороты. Был угоден Екатерине I, Анне Иоанновне, Бирону, Анне Леопольдовне, Елизавете Петровне, и только при Петре II был на время удален от двора». Грубость с низестоящими и раболепство перед сильными мира сего помогли ему преуспеть, а энергия и фантазия — войти в учебники истории. При Анне Иоанновне Татищева ценили за то, что он устраивал всевозможные празднества, фейерверки и маскарады. «Ледяной дом», в котором состоялась свадьба шута Голицына с шутихой Бужениновой, — это его изуверская затея. За нее Татищев получил придворный чин камергера в ранге генерал-майора. Вступившая на престол Елизавета, тоже любившая веселиться, тут же осыпала Татищева милостями и не нашла никого лучше на должность генерал-полицмейстера Петербурга. На этом посту находчивый Татищев ввел новшество по клеймению преступников, такое же варварское и жестокое, как и его затея с Ледяным домом. Раньше пойманных преступников клеймили литерой «В», что означало «вор». Однако нередко случались судебные ошибки. И Татищев нашел простой способ их исправить: теперь при ошибке на лбу невиновного рядом с буквой «В» ставили клеймо «НЕ», получалось «НЕ ВОР». (с сайта «Наш Путь»)

РЕФОРМАТОР ЕКАТЕРИНА

Екатерина II была мудрой женщиной, не даром ее прозвали Великой. К формированию правоохранительной политики государства она подошла с умом и претворяла в жизнь принципы, что за преступления нужно жестко карать, но при этом придерживаться буквы закона. При восшествии на престол императрица столкнулась с двумя опасными проявлениями криминального характера. С одной стороны — на юге разгорался пугачевский бунт, передовые отряды самозванного Петра III уже достигли Симбирской и других центральных губерний. С другой стороны — дворянство — опора монархии само настраивало народ против себя, проявляя самодурство и изуверство по отношению к крепостным. Екатерина II преподнесла наглядный урок дворянству в виде показательного процесса над мучительницей крестьян Салтычихой, которая была осуждена на пожизненное заключение. И показала народу, что может быть одновременно и строгой, и справедливой. Восстание Пугачева было решительно подавлено, его предводитель был осужден по всем правилам и лишь только после этого жестоко казнен. Но в то же время его жену и дочь не тронули и поселили в монастыре, а 9 участников бунта оправдали.

Вот только при всей своей мудрости Екатерина II не нашла рецепта как разрешить проблему хищений и взяточничества государственных чиновников в России, которая порой приводила к весьма серьезным последствиям. Во всяком случае, знаменитый поэт, «благословивший» Пушкина, Гавриил Романович Державин считал, что одной из причин пугачевского бунта стало лихоимство помещиков и чиновного люда. Он писал казанскому губернатору фон Брандту: «Надобно остановить грабительство, или чтоб сказать яснее, беспрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощает людей. Сколько я мог

приметить, это лихоимство производит наиболее ропота в жителях, потому что всякий, кто имеет с ними малейшее дело, грабит их. Это делает левоверную и неразумную чернь недовольною, и, если смею говорить откровенно, это всего более поддерживает язву, которая свирепствует в нашем отечестве».

Державин знал, о чем говорил. Он принимал участие в расследовании пугачевского бунта, отчего самозванный государь Петр III назначил за его голову награду в 10 тысяч целковых. Причем эту награду Пугачев мог получить сам. Под Петровском Пугачев с отрядом казаков и башкир верст десять гнался за Державиным, но резвость лошади спасла последнего. Видно судьбе было угодно сохранить Гавриила Романовича для последующих важных дел. Он вошел в историю как выдающийся поэт и как первый министр юстиции России. А кроме того его имя сохранилось для потомков в некоторых веселых байках из жизни двора.

Например, известно, что Гавриил Державин контролировал расследование дела в отношении банкира Сутерланда. Банкир изрядно проворовался. Когда у него обнаружилась недостача двух миллионов казенных денег, он объявил себя банкротом, а потом отравился. В ходе расследования стало выясняться, что помогали Сутерланду тратить казенные деньги важные государственные сановники. О каждом новом открывшемся обстоятельстве Державин спешил доложить императрице Екатерине II и, кажется, своим усердием «достал» ее. Как-то во время его очередного доклада она совершенно не слушала о чем шла речь. Недовольный невнимательностью императрицы, Державин схватил ее за край мантильи. Это была очень серьезная вольность по отношению к царственной особе. Однако Екатерина II, понимая, что импульсивное движение Державина было вызвано не личным интересом, а служебным рвением, тактично обернула все в шутку.

— Эй, — окликнула она своего секретаря, — побудь уж здесь.... Этот господин, кажется, прибить меня хочет...»

* * *

Екатерина II извлекла уроки из бунта Пугачева и после его подавления занялась государственным переустройством. 7 ноября 1775 г. императрица утвердила губернскую реформу. Территория России разделилась на губернии, которые в свою очередь делились на уезды. Административная и хозяйственная власть в уездах возлагалась на городничих. Им же была определена и полицейская функция — «сохранять в уезде благочиние, добронравие и порядок».

Благодаря незабвенному «Ревизору» Николая Васильевича Гоголя наши представления о деятельности городничих представляются через призму сатиры. Поэтому при упоминании этой должности сразу перед глазами возникает образ изображенный Гоголем.

Из замечаний для господ актеров: «**Городничий**, уже постаревший на службе и очень не глупый, по-своему, человек. Хотя и взяточник, однако ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого, начинавшего тяжелую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, о; от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души.»

«Общественные отношения».

гравюры на дереве П. М. Боклевского. 1863 г.

«Ревизор», действие пятое, явление II.

Ч и й. ...Что, самоварники, аршинники, жаловаться?

Многие фразы этого персонажа уже давно стали нарицательными:

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор.

— Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете...

— Инкогнито проклятое! Вдруг заглянет, а вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья? — Ляпкин-Тяпкин. — А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

— Унтер-офицерская вдова нагала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла!

— Что самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувайлы мирские! Жаловаться?

— Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы были обворовать, поддевал на узду; трех губернаторов обманул!

* * *

В «Мертвых душах» Гоголя в описании одной из трапез есть интересное выражение тоже, касающееся городничих:

«— Да ведь и в церкви не было места, взошел городничий — нашлось. А была такая давка, что и яблоку негде было упасть. Вы только попробуйте: этот кусочек тот же городничий.

Попробовал Чичиков — действительно, кусок был вроде городничего. Нашлось ему место, а казалось, ничего нельзя было поместить».

* * *

А вот любопытная история из книги «Милиция Челябинской области» под редакцией Д. В. Смирнова, рисующая образ реального челябинского городничего:

«В августе 1828 года в г. Челябинске произошел инцидент, достойный быть описанным в гоголевском «Ревизоре». Возвращаясь поздним вечером, подвыпившие городничий Жуковский И. В. и его зять, уездный стряпичий Шамонин Ф. А., увидели свет в здании Городской Думы, открытую дверь и отсутствие сторожа, который выскочил на улицу по нужде. Разъяренный «беспорядком» городничий в порыве служебного рвения послал дежурного Челябинской казачьей станицы Т. Шелехова к Городскому голове Лаврову А. А. Последующие события детально были зафиксированы в журнале заседаний Городской Думы. Казак, прибыв к дому Городского головы, сообщил, что «им, господином судьей Жуковским, приказано тащить его за ворот, и действительно за оный взял, но Лавров сколько по таковому необыкновенному времени, столько по болезни глаз ево и по тому зная беспокойный характер господина Жуковского, неуместные и противозаконные его действия

последствием коих суть чинимые им многими из почетных граждан здешнего города несносные притеснения и обиды, с ним посланным не пошел, но вслед за тем прислали они за ним городского магистрата ратмана Шихова, дабы он, Лавров, шел в Думу для свидетельства денежной казны городского дохода, и которому он, Лавров также отозвался, что упомянутые чиновники могут сие сделать днем, а не ночью, после чего они, господа Жуковский и Шамонин, приехали к дому его Лаврова и ломались в ворота. По выходе его на улицу увидел он, что оба они были в нетрезвом виде и из них господин Шамонин в халате и капоте, без галстука и жилета. Господин Жуковский, вызвав через своего кучера квартирующего в соседствующем с Лавровым доме командующего сдешней инвалидной команды господина капитана Певцова для того, чтобы взять его, Лаврова, под стражу, а между тем он, Жуковский, взяв его, Голову, за ворот, хотел тащить с собой насильно, и при том толкнул в шею два раза, устрашивая привязать за шею веревку и в таком положении вести за собой. По приходе же капитана Певцова, когда позволено было ему, Лаврову, одеться, то господин Жуковский принудил его с прочими идти в сию Думу, ругал и поносил его всякими бранными словами, называл вором, грабителем какой-то лошади и общественной суммы, говоря, что он не Голова, а дерьмо, не только звания Городского головы, но и десятского не достоин, и если бы он был у него сим последним, то он наказывал бы его палками по двадцати пяти ударов, что все видели и слышали...»

* * *

Вслед за губернской реформой Екатерина осуществила и полицейскую. В 1782 г. императрица утвердила Устав Благочиния, определяющий устройство полицейского аппарата в государстве. Во всех городах создавались управы благочиния — коллегиальные органы административно-полицейского управления. Присутствие управы благочиния определялось из 3-х чиновников: городничего, двух приставов (уголовных и гражданских дел) и двух избираемых горожанами на 3 года ратманов (советников). В столице вместо городничего определялся полицмейстер, сохранялась должность обер-полицмейстера, который ставился над полицмейстером и практически — над столичной управой благочиния.

Как и Петр Великий, Екатерина Великая не смогла обойтись при составлении юридических документов без мудрых назиданий о том, что нужно творить добро ближнему. В Уставе имелся *«Наказ управе благочиния»*, который открывало *«Зерцало управы благочиния»*. В нем в качестве первого положения закреплялись *«Правила добронравия»*.

I. Не чини ближнему чего сам терпеть не хочешь.

II. Нетокмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро колике можешь.

III. Буде кто сотворил обиду личную, или в имении или добром звании да удовлетворит по возможности.

IV. В добром помогите друг другу, веди слепого, дай кровлю невинному, напой жаждущего.

V. Сжался над утопающим, протяни руку помощи падающему.

VI. Блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего споткнется — подыми ее.

VII. С пути сошедшему указывай путь».

Конечно, эти замечательные правила нарушались сплошь и рядом. В том числе далеко не всегда следовали им полицейские чины и сама императрица. И все же правление Екатерины II прочно утвердило за собой название «золотого века» в российской истории.

* * *

Известно, что Екатерина II умела ценить людей неоднозначных, талантливых. Одним из тех стражей порядка, которых она отличала, стал очень известный для своего времени сыщик — Николай Архаров. О его способностях раскрывать любые преступления ходили легенды, и не только в России. Руководитель французской полиции, любимец Людовика XV Сартин написал Николаю Петровичу письмо, в котором восторгался его методами работы. Получила широкую известность, например, такая история. Екатерина II направила из Петербурга Архарову срочную депешу с указанием отыскать серебряную утварь, похищенную в одном из петербургских соборов, которая предположительно была переправлена в Москву. Прочитав депешу, Архаров задумался, потом написал государыне ответ и приказал гонцу скакать обратно.

Ответ Николая Петровича казался дерзким. Он писал, что искать серебро в Москве не станет, поскольку оно спрятано в Петербурге в подвале дома обер-полицмейстера. Понятно, что императрица страшно разгневалась, прочитав его. Но, чуть успокоившись, приказала на всякий случай проверить в указанном месте. И там действительно обнаружили похищенную утварь.

После этого за Архаровым утвердилась слава ясновидца и чуть ли не колдуна. На воров он стал наводить поистине благоговейный ужас. А Николай Петрович еще не раз доказал свои удивительные способности. Так, как-то не выходя из кабинета, он раскрыл кражу мешка с медными деньгами у мясника Федотова. Об Архарове и этой истории рассказывается на сайте «Наш Питер»:

Николай Петрович Архаров не получил никакого образования, едва умел читать и писать, но природные дарования — сметливость, хитрость и завидное красноречие помогли ему сделать замечательную карьеру: начав служить рядовым лейб-гвардии Преображенского

полка, Архаров ушел в отставку в звании генерала от инфантерии. Его способности по достоинству оценила Екатерина II и сделала его генерал-губернатором Петербурга. Архаров наладил работу полиции и строгий надзор за городской казной, а на темных улицах Петербурга вновь зажглись фонари. Об Архарове известно немало историй, в которых Николай Петрович выступает как человек, наделенный острым умом и житейской мудростью. Однажды в мясной лавке у мясника пропал кошелек с деньгами. Мясник сказал, что деньги украл зашедший в лавку писарь. Полиция писаря схватила, но он стал утверждать, будто это его кошелек, и потащил в полицию мясника. Грозный Архаров, выслушав обоих, приказал принести котел с кипятком. Тут и мясник, и писарь испугались — вдруг учинит допрос с пристрастием? Архаров велел высыпать монеты в котел, внимательно посмотрел на воду и вынес свой приговор: «Деньги принадлежат мяснику». Пораженный прозорливостью Архарова, писарь в краже сознался и был взят под стражу. А Николай Петрович просто заметил на воде блески жира — значит, монеты принадлежат мяснику, это он пересчитывал деньги жирными пальцами, и уж никак не писарь!

Может быть, одним из секретов Николая Архарова было умение разговаривать с народом. В романе «Фаворит» В. Пикуля есть такой эпизод:

«... а в августе перед Зимним дворцом разразился бунт рабочих-строителей, которых обирали подрядчики.

Екатерина боялась подходить к окнам, чтобы в нее не запустили с площади булыжником. Бунтовали каменщики, занятые облицовкой Фонтанки в гранит. Рабочие требовали на императрицу, а графу Ангальту, который русского языка еще не постиг, они раскровенили лицо. Безбородко сказал, что надо призвать Архарова, генерала от полиции, давно уже славного умением говорить с простонародьем шуткама-прибаутками.

— Хороши шуточки, — отвечала Екатерина, — от самого Курска ты со мною наблюдал бедствия народного голода... Что мне Архаров с его юмором? Зови сюда Конную гвардию!

17 мужиков конногвардейцы взяли с площади под белые рученьки и повели туда, куда всех водят в таких случаях. Но, чтобы не усугублять недовольства в народе, Екатерина, человек практичный, арестованных велела тут же отпустить не наказывая, а подрядчиков отдала под суд».

Популярность Архарова была настолько высока, что все полицейские сыщики получили нарицательное прозвище «архаровцы». И в те времена оно звучало уважительно и не имело того иронического оттенка, которое обрело сейчас. А пример Архарова наглядно свидетельствует, что уже во второй половине XVIII века полиция в России работала совсем неплохо.

* * *

У Валентина Пикуля в «Фаворите» упоминаются и практически все генерал-полицеймейстеры екатерининской эпохи. Учитывая, что эту книгу рецензировало большое количество ученых дам и мужей, то можно полагать, что, описывая события и характеры своих героев, Валентин Саввич не погрешил против истины. И вот несколько веселых историй в его изложении:

«С тех пор как турниры кровавые, на которых рыцари убивали друг друга, из обихода Европы повывелись, вместо них возникли праздничные торжества — карусели... Главным судьей был назначен фельдмаршал Миних; в канун карусели Екатерина указала полицмейстеру Чичерину:

— Смотреть на забавы народу не возбраняется. Но которы в лаптях или заплаты на одеждах имеют, таковых близко к амфитеатру не пущать, без побоев подалее отпихивая.

Чичерин загодя вооружил полицию дубинами:

— Побоев простолюдству не учинять, но треснуть палкою можно. Олимпийское спокойствие суть благочиния нашего!»

* * *

В 1977 году в Петербурге случилось сильное наводнение. Подъем воды был на 310 сантиметров выше ординара.

«Екатерина велела ученым доложить о причинах неслыханного бедствия. Академия вкупе с инженерами-гидротехниками сделали неправильные выводы. Козла отпущения искали не в стихии, а в слабости полиции, доказывая: если бы Екатерининский канал не был заставлен баржами, наводнения не случилось бы. Екатерина призвала к себе Чичерина, зачитала сентенцию:

— «Суда стояли так неправильно, что они мешали невской воде выйти в море...» — Отбросив бумагу, императрица в пояс, нижайше поклонилась Чичерину: — Ну, удружил ты мне, Никита Иванович! Не по твоей ли милости тысячи людей и скота погибло, а люди с ног сбились, свои поленья разыскивая...

Чичерин не ожидал выговора. Но и доказать свою невиновность не мог. У Николая Ивановича тут ж, во дворце, случился «удар» (который ныне принято называть инсультом). Беднягу вынесли из дворца замертво».

Согласно легенде Чечерин не вынес удара и скончался, однако жизнь оказалась гуманнее. В действительности Николай Иванович не умер, а был отстранен от всех должностей. Он обратился за помощью к Потемкину. Потемкин, понимал несправедливость обвинения: полиция делал все, что могла. Он знал Чичерина, как храброго и толкового офицера, и добился у Екатерины II смягчения приговора. В должности сенатора Чичерин был восстановлен, а вот с постом генерал-полицмейстера распростился навсегда.

Кстати, с Чичериным была связана и одна достопримечательность Петербурга. В XIX веке четыре моста через Мойку петербуржцы называли «цветными», потому что были они тогда деревянными и выкрашенными в разные цвета. Зеленому мосту, что находился на Невском проспекте, не везло. Из-за соседства с домом обер-полицмейстера Петербурга Чичерина мост потихоньку потерял свое романтическое название и стал Полицейским.

* * *

«Никита Иванович Рылеев, столичный обер-полицмейстер, был дурак очевидный.

«Объявить домовладельцам с подпискою, — указывал он, — чтобы они заблаговременно, именно за три дня извещали полицию — у кого в доме имеет быть пожар».

Кстати запомнился Никита Рылеев еще и тем, что разрешил печатать крамольную по тем временам книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Цензура литературы в ту пору входила в обязанности полиции, только, вероятно, ни обер-полицмейстер, ни его подчиненные не были охочи до чтения. У Радищева они прочли заголовок и проштамповали рукопись, сочтя, что в ней описываются путевые заметки праздного путешественника. А не тут-то было. Скандал потом получился изрядный.

* * *

Еще об одном генерал-полицмейстере Екатерининской эпохи бароне Корфе Валентин Пикуль несколько раз упоминает в «Фаворите», но историй о нем не рассказывает, зато одна байка, связанная с ним, приводится на сайте «Наш Питер»:

Нынешний прекрасный Зимний дворец был достроен уже в царствование Петра III, в 1762 году. После завершения строительства вся прилегающая территория была захлавлена мусором до такой степени, что подъехать к дворцу было невозможно. Вокруг совершенного творения Растрелли громоздились сараи, временки строительных рабочих — до боли знакомая картина. И тогда остроумный выход из положения нашел генерал-полицмейстер Петербурга, барон Корф. Он предложил Петру III разрешить жителям Петербурга забрать с площади все, что им нужно. Было дано объявление в газете — и уже через день, к вечеру, перед Зимним дворцом не осталось ни одного сарая, ни одной временки, и даже весь строительный мусор был унесен...

* * *

В Екатерине II удивительным образом уживалась властная царица и вольнодумица, жесткий администратор и демократ. Это нашло отражение и в ее полицейской реформе. Присутствие созданных при Екатерине II управ благочиния в городах определялось из 3-х чиновников: городничего, двух приставов (уголовных и гражданских дел) и двух избираемых горожанами на 3 года ратманов (советников). Введение ратманов в состав управ благочиния стало настоящим прорывом в области демократии. Такой формы общественного контроля за полицией даже сегодня, вероятно, нет ни в одной стране.

По Уставу благочиния все крупные города (свыше 400 дворов) в административно-полицейском отношении делились на части. Охраной правопорядка в них ведали частные приставы. Им помогали квартальные надзиратели и их помощники — квартальные поручики (но одному надзирателю и поручику на квартал).

Заседания в управе благочиния начинались по общему правилу в 8 часов утра с рассмотрения рапортов частных приставов о происшествиях, случившихся за истекшую ночь. Доставленных из частей правонарушителей после проведения расследования направляли в суд или подвергали наказаниям. Если оштрафованный был не в состоянии заплатить штраф,

он должен был отработать его. Частному приставу следовало проживать в пределах своей части, его дом должен был стоять открытым днем и ночью, давать защиту лицам, находящимся в опасности. По нынешним меркам — чудеса да и только. Представьте в наши дни начальника райотдела, который бы держал двери своей квартиры по ночам открытыми — вдруг кому заблагорассудится попросить у него помощи от хулиганов или пьяных соседей. Непосредственное обеспечение порядка и безопасности, исполнение законов и Устава благочиния возлагалось на квартальных надзирателя и поручика. Они должны были мирить ссорившихся, улаживать конфликты, а при совершении серьезных правонарушений — докладывать частному приставу.

В общем, государыня Екатерина очень хотела сделать полицию в России гуманной.

МВД — НАДЕЖА И ОПОРА

8 сентября 1802 года было образовано 8 министерств: военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, юстиции, коммерции, финансов, народного просвещения и министерство внутренних дел. Министрами в основном стали государственные деятели, сделавшие карьеру еще при Екатерине II и Павле I. И только министром внутренних дел был назначен граф Виктор Павлович Кочубей — человек из круга людей, приближенных к Александру I, которых тот называл своим Комитетом общественного спасения. По мнению А. С. Пушкина, никто как В. П. Кочубей «так превосходно не решал трудных вопросов, не приводил мнений к согласию...». Виктор Павлович получил хорошее образование, он обучался в лучших учебных заведениях Стокгольма, Лондона и Парижа. Отлично проявил себя на дипломатическом поприще. В 16 лет он уже выполнял дипломатические поручения в столицах европейских государств, а в 23-летнем возрасте был назначен послом в Турции, где во многом способствовал заключению выгодного для России Ясского мирного договора. Судя по всему, и министерством внутренних дел Кочубей руководил с искусством дипломата и осторожностью политика.

Начальником канцелярии министерства внутренних дел был назначен Михаил Михайлович Сперанский, один из образованнейших людей в России. Именно им в романе «Война и мир» сначала восхищается Андрей Болконский, а потом, увидев как тот в неформальной обстановке смеется, слушает и рассказывает анекдоты, — разочаровался.

Уже тогда канцелярскому делу в полиции придавалось очень важное значение. Бюрократический стиль написания деловых бумаг был отнюдь не прост и требовал если не

таланта, то, по крайней мере, ума от их составителей. Например, народная память сохранила для потомков такую историю:

Московский полицмейстер извещал Александра I, находящегося в Петербурге, о занятии Первопрестольной войсками Наполеона. Следуя общепринятой форме делового письма того времени, когда, обращаясь к особе Его Императорского Величества, следовало писать не «имею честь сообщить», а сослаться на «счастье» писать любимому Государю. Вот полицмейстер и написал: «Имею счастье известить Ваше величество, что французы заняли Москву...»

* * *

В июне 1826 года в составе Собственной Его Императорского Величества канцелярии было создано 3-е Отделение, ставшее вскоре известным как орган политической полиции. Главноуправляющим 3-им Отделением был назначен граф Александр Христофорович Бенкендорф, ставший одновременно и шефом жандармов.

Параллельное существование органов политической и общей полиции — 3-го Отделения и МВД на века заложило основу для соперничества двух ведомств. Сначала руководство «охранки» и полиции старались перещегоолять друг друга перед царем, потом руководство госбезопасности и милиции — перед ЦК. Можно сколько угодно спорить о преимуществах одного ведомства над другим, но народное творчество в равной степени полюбило их, «прославляя» в своих анекдотах.

Вскоре после учреждения Корпуса жандармов, служащие которого носили мундиры голубого цвета, Ермолов сказал об одном из армейских генералов:

— Мундир на нем зеленый, но если хорошенько поискать, то, наверно, в подкладке найдешь голубую заплатку.

* * *

Известному юристу А. Ф. Кони однажды предложили занять вновь учреждаемую должность прокурора при корпусе жандармерии. Вот как Кони мотивировал свой отказ:

— Помилуйте, но прокурор при корпусе жандармерии это же все равно, что архиерей при публичном доме!

* * *

В жандармы часто попадали люди без должной подготовки, и они иногда попадали в комичные ситуации. Часто, надевая партикулярное платье, они второпях оставляли форменные брюки с кантом. Как-то один такой жандарм подсел на бульваре к студенту, за

которым ему было поручено следить, и попытался завести непринужденный разговор. Он достал папиросу и обратился к студенту:

— Позвольте закурить, господин студент! Тревожные теперь времена!

Студент спокойно ответил:

— Да, тревожные!

Жандарм продолжал:

— Небось, плохо приходится вашему брату. Все с опаскою надо...

Тут студент не выдержал:

— Конечно, если умный жандарм попадется, то надо с опаскою. А иной болван сразу виден: пинжак-то напялил, а брюки оставит форменные, вон совсем, как у вас...

* * *

Создание МВД и регулярной полиции позволило значительно улучшить состояние криминогенной обстановки в России. Середина XIX века, возможно, стала самым спокойным периодом для населения за всю историю государства. Ушли в прошлое лихие налеты бандитских шаек. Структура преступности существенно сместилась от насильственного завладения чужим имуществом к его тайному похищению. В 1853 г. на полмиллиона населения Санкт-Петербурга приходилось всего пять убийств, 6 грабежей и 1260 краж. В Екатеринбурге и других уральских городах в середине XIX века убийства вообще были редким явлением.

В целом, преступления в ту пору по большей части были простыми, и наказание за них тоже следовало простое и скорое. Буянов и хулиганов городские волокиты в квартал, где квартальный или его помощник тут же выслушивали обвиняемого и потерпевшего, после чего выносили свой вердикт. Наказание в основном выражалось в строгом устном внушении или же в «воспитании» розгами. Обычно назначалось 10–20 ударов розгами, которые тут же производились пожарными служителями полицейской части. С мелкими воришками поступали еще проще. Городовому даже было не обязательно вести их в квартал. Достаточно было нарисовать ему мелом круг на спине, дать в руки метлу и заставить мести тротуар возле места совершения кражи. Вокруг таких метельщиков обычно собиралась толпа зевак, которые старались «поддеть» их язвительными замечаниями. И такой позор нередко становился наиболее действенной профилактической мерой.

* * *

Характерной иллюстрацией работы патриархальной русской полиции может служить проверка всех въезжающих-выезжающих на городских заставах. С одной стороны поддерживался строгий порядок — каждого путника строго просили назвать свое имя, а с другой стороны — никто не проверял достоверность сведений. Вот и пользовалась веселая «золотая» молодежь данным обстоятельством.

В Лицее во времена Пушкина служил гувернером некто Трико, докучавший лицеистам бесконечными придирками и замечаниями.

Однажды Пушкин и его друг Вильгельм Кюхельбекер попросили у Трико разрешения поехать в находившийся недалеко от Царского Села Петербург. Однако тот не разрешил им этого. Тогда довольно уже взрослые шалуны все равно вышли на дорогу, ведущую в Петербург, и, остановив два экипажа, поехали по одному в каждом из них.

Вскоре Трико заметил, что Пушкина и Кюхельбекера нет в Лицее, понял, что друзья ослушались его и уехали в Петербург. Трико вышел на дорогу, остановил еще один экипаж и поехал вдогонку.

А в то время у въезда в город стояли полицейские заставы и всех ехавших в столицу останавливали, спрашивали, кто они и зачем едут. Когда ехавшего первым Пушкина спросили, как его зовут, он ответил:

— Александр Одинако.

Через несколько минут подъехал Кюхельбекер и на такой же вопрос ответил:

— Меня зовут Василий Двако.

Еще через несколько минут подъехал гувернер и сказал, что его фамилия Трико. Полицейские решили, что или их разыгрывают и подсмеиваются над ними, или что в город едет группа каких-то мошенников.

Они пожалели, что Одинако и Двако уже проехали, и догонять их не стали, а Трико арестовали и задержали до выяснения личности на сутки.

* * *

И такой случай отнюдь не был единичным. Одно время проказники сговорились проезжать часто через петербургские заставы и записываться там самыми причудливыми и смешными именами и фамилиями. Этот именной маскарад обратил внимание начальства. Приказано было задержать первого, кто подаст повод к подозрению в подобной шутке.

Два дня после такого распоряжения проезжает через заставу государственный контролер Балтазар Балтазарович Кампенгаузен и речисто, во всеуслышание, провозглашает имя и звание свое.

— Некстати вздумали вы шутить, — говорит ему караульный, — знаем вашу братию; извольте-ка здесь посидеть, и мы отправим вас к г-ну коменданту.

— Так и было сделано.

* * *

Впрочем, шалости «золотой» молодежи, были, возможно, самыми невинными нарушениями правопорядка. Язва казнокрадства, с которой решительно, но не очень успешно боролся еще Петр I, плавно перетекала в виде наследства от одного русского монарха к другому. Нельзя сказать, что они закрывали на нее глаза. Отнюдь. В государстве постоянно кого-то уличали в этом пороке, жестоко наказывали, но само явление носило

столь массовый характер, что даже цари порой удивлялись этому.

Во время Крымской войны стали открываться факты жутких хищений при снабжении армии боеприпасами, обмундированием и продовольствием. Возмущенный император Николай I как-то в разговоре с наследником престола заметил:

— Сашка! Мне кажется, что во всей России не воруют только ты да я.

* * *

Впрочем Николай I и не особо боролся с этой язвой, видимо считая искоренение ее невозможным, а потому лишь горько сетовал на нее. Как-то он велел даровать берлинскому художнику Францу Крюгеру за отлично написанный портрет золотые часы, усыпанные бриллиантами. Однако чиновники дворцового ведомства принесли Крюгеру только золотые часы, на которых не было ни одного бриллианта.

Николай I узнал об этом и сказал художнику:

— Видите, как меня обкрадывают! Но если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого мало было бы всей Сибири, а Россия превратилась бы в такую же пустыню, как Сибирь.

* * *

Надо сказать, что в царствование Николая I тоже часто звучала фамилия Меншикова. Известно, что Александр Данилович за словом в карман не лез, однако его правнук — дипломат и адмирал Александр Сергеевич Меншиков превзошел в остроумии знаменитого предка и прослыл отменным острословом. Его шутки передавались из уст в уста и основательно подмачивали репутацию обманщикам и мздоимцам.

* * *

Однажды один важный сановник, о котором прошла молва, что его били в игорном доме за шулерство, получил орден Андрея Первозванного. И когда адмирал Меншиков увидел его во дворце на приеме у царя в новенькой синей андреевской ленте, сказал громогласно:

— Однако основательно колотили этого мерзавца: посмотрите, какой огромный синяк у него вскочил!

* * *

Николай I очень восхищался известным иллюзионистом и фокусником Боско.

— Да что там Боско! — сказал как-то царю Меншиков. — У вас, ваше величество, есть свой фокусник, отечественный, получше заморского.

— Кто ж таков? — спросил царь.

— Да министр финансов Канкрин. Он берет в одну руку серебро, в другую — золото, дунет в одну руку — выходят бумажные ассигнации, дунет в другую — бумажные облигации.

* * *

Как-то один очень важный сановник П-н. Нечистый на руку человек, получил за труды табакерку с портретом царя. По этому поводу Меншиков сказал:

— Практическая награда! Государю давно недоставало бы заглянуть П-ну в карман, жаль только, что портреты не говорят....

* * *

Досталось от Александра Меншикова и одному из министров внутренних дел. Дмитрий Гаврилович Бибилов, руководивший российской полицией в период с 1852 по 1855 гг. в целом человек был достойный: он отважно дрался на Бородинском поле и после исправно служил государю и Отечеству, будучи губернатором ряда губерний и министром внутренних дел. Однако любовью в светских кругах не пользовался, имел репутацию гордеца и солдафона. Вот и попал под острый язычок Александра Сергеевича:

Известные в свое время в Петербурге братья Бибиловы — Дмитрий, Илья и Гаврило, были: первый — гордец, второй игрок, а третий — хвостун. Екатерине II А. Меншиков про них говорил, что «из Бибиловых один надувается, другой продувается, а третий других надувает».

* * *

Впрочем, в период правления Николая I министрами внутренних дел в основном становились люди либерального толка. Например, Министр внутренних дел с 1839 по 1841 год граф Александр Строганов запомнился тем, что оказывал покровительство А. И. Герцену, взяв его на службу в свою личную канцелярию из Владимира, где тот отбывал ссылку.

А пришедший ему на смену граф Лев Перовский, который провел на посту Министра более 10 лет — с 1841 по 1852 гг., имел пятно в биографии. Комиссией по расследованию событий 14 декабря 1825 года он привлекался как член ранних декабристских организаций. Будучи руководителем органов внутренних дел, запомнился своей борьбой со злоупотреблениями в полиции Москвы и Петербурга. После выхода в отставку управлял

Академией художеств.

Схожее пятно в биографии имелось и у графа Сергея Ланского, который был Министром внутренних дел с 1855 по 1861 год. В молодости он входил в декабристскую организацию «Союз Благоденствия», руководил одной из масонских лож в Петербурге.

Любопытно, что в последующем для характеристики царствования Николая I частенько стали употреблять фразу: «вверху блеск, а внизу гниль», которую первым использовал граф Петр Валуев в записке «Дума русского в 1855 году». И это не помещало ему в 1861 году стать Министром внутренних дел и оставаться им вплоть до 1867 года.

* * *

Впрочем, на работу рядовых полицейских чинов идеи либерализма распространялись только до определенных пределов. Для людей, облаченных высокими дворянскими титулами и громкими фамилиями, полицейские были не указ. И вели они себя с ними без должного почтения к представителям власти, поскольку считали властью самих себя. Зато с людьми простого сословия полицейские не церемонились. Могли и обматерить, и в ухо захватить. А для иллюстрации сказанного два анекдота:

В царствование императора Николая Павловича вышел указ, запрещающий курение на улицах. Профессором римского права в Московском университете был Никита Иванович Крылов, который пользовался в городе почетом и большим уважением. Крылов держал себя независимо и игнорировал этот указ, а полиция смотрела на его вольности сквозь пальцы. Но однажды Крылова заметил новый полицмейстер, который еще не знал его в лицо, а по костюму принял его за обычного обывателя. Он нагнал на санях Крылова, гулявшего по Тверскому бульвару, и закричал:

— Брось папироску!

Крылов же спокойно продолжал свою прогулку, дымя папиросой и не обращая на полицмейстера никакого внимания. Взбешенный полицмейстер выскочил из саней и подбежал к Крылову:

— Брось сейчас же папироску, говорят тебе! Как ты смеешь не слушаться! Кто ты такой?

Крылов спокойно вынул изо рта папиросу:

— Я — тайный советник, заслуженный ординарный профессор императорского университета Крылов, вот кто я такой!

Полицеймейстер хотел ретироваться, но Крылов удержал его:

— Нет, постой! Теперь ты знаешь, кто я таков, но ты еще не знаешь, кто ты таков. По обращению — ты солдат, а по морде — дурак, вот кто ты таков! Теперь садись и поезжай!

Полицеймейстер уехал, а Крылов продолжал прогуливаться, дымя своей папиросой.

* * *

Новгородский губернатор граф Медем был очень деликатным и мягким человеком. Однажды он совершал поездку по Белозерскому и Тихвинскому уездам и на какой-то станции менял лошадей. Содержатель станции был уже навеселе, и прибытие губернатора его нисколько не смутило. Пока меняли лошадей, содержатель по-приятельски, запросто, предложил губернатору выпить водки. Медем отказался, сказав, что он не пьет водку, и вообще, это вредно. Смотритель развеселился и стал подначивать губернатора, говоря, что дома тот, небось, «дует свое шампанское».

Медем деликатно сказал содержателю, что так говорить не хорошо, ведь он все-таки, губернатор. Но содержатель уже разошелся и стал выговаривать губернатору за плохое состояние дорог в Тихвинском уезде по сравнению с Белозерским. В заключение своей пылкой, но не очень связной, речи содержатель высказался в том смысле, что лучше бы губернатор пил водку и держал всех в руках, а то он распустил народ.

Смущенный губернатор вышел на крыльцо и услышал звон колокольчиков подъезжающей тройки. Он обрадовался, что сейчас уедет, но обрадовался он явно рано. Ямщик был еще более пьян, чем содержатель станции, но так и рвался в бой:

— Садись, ваше сиятельство! Уж и прокачу ж я тебя!..

Медем попытался деликатно отказаться от поездки:

— Нет, ты нездоров! Я не сяду. Пойди, прошу тебя, ляг лучше, право ты не здоров.

Но ямщик уже поймал кураж:

— Что ты, ваше сиятельство, рехнулся что ли? Куда ж теперь ложиться? Садись-ка лучше...

К счастью для графа в это время подоспел исправник. С помощью виртуозной многоэтажной конструкции он освободил графа от назойливого ямщика, которому-таки пришлось лечь.

* * *

А вот другой нижегородский губернатор Бутурлин деликатностью не отличался. Он прославился глупостью и потому скоро попал в сенаторы. Государь в бытность свою в Нижнем сказал, что он будет завтра в кремле, но чтобы об этом никто не знал. Бутурлин созвал всех полицейских чиновников и объявил им о том под величайшим секретом. Вследствие этого кремль был битком набит народом. Государь, сидя в коляске, сердился, а Бутурлин извинялся, стоя в той же коляске на коленях. Тот же Бутурлин прославился знаменитым приказом о мерах противу пожаров, тогда опустошавших Нижний. В числе этих мер было предписано домохозяевам за два часа до пожара давать знать о том в полицию.

* * *

С губернаторской строгостью связана и еще одна любопытная история, приведенная на сайте «Наш Питер»:

В 1849 году двадцатилетний Антон Рубинштейн вернулся в Петербург из-за границы,

где провел 5 лет. Вернулся он без паспорта, поскольку уезжал несовершеннолетним, с матерью, и собственного паспорта не имел. Молодой Рубинштейн, не зная российских реалий, решил, что получение паспорта — пустая формальность, и смело отправился в канцелярию генерал-губернатора. Генерал, увидев человека без паспорта, грубо пресек всякие объяснения последнего, сразу же перешел на «ты» и пообещал Антону отправить его в кандалах по этапу в Сибирь.

Обеспокоенные столь горячим приемом, оказанным молодому музыканту на Родине, родственники тут же обратились за помощью к высокопоставленным знакомым. И только после их ходатайства генерал-губернатор немного успокоился и поверил, что имеет дело не с преступником. Однако, обер-полицмейстер, демонстрируя бдительность, решил все-таки устроить Антону Рубинштейну экзамен по музыке. В качестве экзаменатора был выбран правитель обер-полицмейстерской канцелярии, как самый музыкально образованный. После экзамена правитель сказал, что экзаменуемый на фортепиано играть умеет. Большое ему за это спасибо. Он решил судьбу замечательного музыканта и будущего основателя Петербургской консерватории.

ПОЛИЦИЯ И ПОЛИЦМЕЙСТЕРЫ

В целом, полиция в XIX веке пользовалась у жителей большим авторитетом, особенно в провинции. Лучшее свидетельство тому — русская литература. Например, Гоголь рисуя в «Мертвых душах» прелюбопытные картинки о провинциальной жизни интересно описывает обед у полицмейстера:

«Гости добрались наконец гурьбой к дому полицмейстера. Полицмейстер, точно был чудотворец: как только услышал он, в чем дело, в ту же минуту кликнул квартального, бойкого малого в лакированных ботфортах, и, кажется, всего два слова шепнул ему на ухо да прибавил только: «понимаешь!», а уж там в продолжение того времени, как гости резались в вист, появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, это все было со стороны рыбного ряда. Потом появились с хозяйской стороны, изделия кухни: пирог с головизною, куда вошли хрящ и щеки 9-пудового осетра, другой пирог с груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы. Полицмейстер был некоторым образом отец и благодетель в городе. Он был среди граждан совершенно как в родной семье, и в лавки и в гостиный двор навещался, как в собственную кладовую. Вообще он сидел, как говорится на своем месте и должность свою постигнул в совершенстве. Трудно было даже и решить, он ли был создан для места или место для него».

* * *

Николай Васильевич, называя полицмейстера «отцом и благодетелем в городе», надо полагать, по своему обыкновению иронизировал, а между тем есть немало примеров тому, как руководители полиции проявляли отеческую заботу по отношению к гражданам. В этой связи весьма показательна история с празднованием студентами Татьянинного дня.

В середине XIX века святая мученица Татьяна официально стала почитаться как покровительница российских студентов и профессуры. С тех пор 12 января по старому

стилю (по новому — 25) российские студенты праздновали так отчаянно, что перед их пьянками меркли знаменитые пирушки учащихся западноевропейских университетов. Мученики науки надирались до поросячьего визга, крушили мебель в кабаках и бесстрашно бросались в драку с городовыми, прибывшими их усмирять. Конечно, можно было бы для наведения порядка прибегнуть к испытанному приему: «запрещать и не пушать», однако ректор Московского университета обратился к обер-полицмейстеру с неожиданной просьбой — «разрешать и прощать». И уж вовсе фантастическим выглядит последовавший после этой просьбы приказ московского обер-полицмейстера. Он предписывал в Татьянин день все питейные заведения отдавать студентам, а городовым разрешал доставлять перепившихся учащихся доставлять в участок только в самом крайнем случае. Если студент был еще в силах выговорить свой адрес, то его следовало доставить домой на извозчике за счет полицейского управления. Так что образованных людей тогда ценили и берегли.

* * *

Вообще, если Министры внутренних дел обычно были фигурами политическими, отдаленными и от простого народа и от своих подчиненных, то полицмейстеры — руководители полицейского ведомства на местах больше находились на виду у обывателей, поэтому стали одними из любимых персонажей народного творчества. Как известно во все времена большая часть денег и основная светская жизнь крутились в столицах. Поэтому только в двух столичных городах, в Москве и Санкт-Петербурге существовали должности обер-полицмейстеров. Для современного понимания можно сказать так: обер-полицмейстер — генеральская должность, полицмейстер — полковничья. Некоторые из тех, кто занимал эти высокие посты, оставили свои имена в истории.

О нескольких московских обер-полицмейстерах и полицмейстерах очень интересно рассказывает Александр Хабаров в своей книге «Россия ментовская»:

«Андрей Михайлович Богословский, помощник университетского врача и субинспектор в университете, большой остролов и шутник, необыкновенно комично изображал фантастическое, конечно, совещание, которое будто бы созвал у себя раз генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков по вопросу о том, как быть и что делать, если опять французы придут на Москву, и когда будто бы он обратился к Огареву: «Огарев, а ты как думаешь?» — то Огарев выступил с советом стрелять по наступающим французам из Царь-пушки; но когда ему заметили, что ведь у Царь-пушки всего только четыре ядра, то он ответил: «А я буду посылать пожарных таскать их назад»».

Николай Ильич Огарев отличался длиннейшими на польский манер, свешивающимися усами и любим был за добродушие. А еще он запомнился современникам введением в пожарных частях Москвы одномастных лошадей. А вот что написал о нем В. Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи»:

«Из властей предрежащих почти никто не бывал на Сухаревке, кроме знаменитого московского полицмейстера Н. И. Огарева, голова которого с единственными в Москве усами черными, лежащими груди, изредка по воскресеньям маячила над толпой около палаток антикваров. В палатках он время от времени покупал какие-нибудь удивительные настенные часы, И всегда платил за них наличные деньги, и никогда торговцы с него,

единственного, может быть не запрашивали лишнего. У него была страсть к стенным часам. Его квартира была полна стенными часами, которые били на разные голоса непрерывно, одни за другими. Еще он покупал карикатуры на полицию всех стран, и одна из его комнат была увешана такими карикатурами. Этим товаром снабжали его букинисты и цензурный комитет, задерживавший такие издания.

Особенно он дорожил следующей карикатурой.

Нарисован забор. Вдали каланча с вывешенными шарами и красным флагом (сбор всех частей). На заборе висят какие-то цветные лохмотья, а обозленная собака стоит на задних лапках, карабкается к лохмотьям и никак не может их достать.

Подпись:

«Далеко Арапке до тряпки» (в то время в Петербурге был обер-полицмейстером Трепов, а в Москве Арапов).

— Вот идиоты, — говорил Н. И. Огарев.

Ну кто бы догадался! Так бы и прошла насмешка незаметно... Я видел этот номер «Будильника», внимания на него не обратил до тех пор, пока городовые не стали отбирать журнал у газетчиков. Они все и рассказали».

* * *

«Об обер-полицмейстере Козлове есть следующий анекдот. Он был холост, и дамой его сердца была очень известная в Москве великосветская фешенебельная портниха Мамонтова, жившая там же, на Тверском бульваре, где находился и обер-полицмейстерский дом. Сначала она жила на той же стороне бульвара, а потом переехала на противоположную. Вдруг в издававшемся тогда юмористическом журнале «Будильник» появилась картинка, изображающая козла, важно идущего через бульвар с надписью: «Прежде козел ходил по бульвару, а теперь стал ходить через бульвар» или что-то в этом роде».

* * *

Похвальных эпитетов А. Хабарова удостоился обер-полицмейстер А. А. Власовский:

«Это был выдающийся талант, можно сказать виртуоз в своем деле, большой художник, умевший придать своему делу особую красоту, полицейский эстет своего рода».

«Только что вступив в должность, он энергично повел дело и тотчас же дал почувствовать свою властную руку. Он начал с внешнего порядка в городе. На место невзрачных прежде людей Власовский набирал молодых высоких солдат... Это были силачи и великаны, стоявшие на перекрестках улиц как бы живыми колоннами или столбами.

Заведена была строгая дисциплина. Не только околоточных надзирателей, но и участковых приставов — иные из последних были в чине полковника — он ставил в качестве дисциплинарного взыскания также на перекрестках улиц часов на 5 или 6 на дежурство, с которого нельзя было сойти. Какой-то околоточный в день Рождества Христова зашел к обер-полицмейстеру и расписался у него в книге в числе поздравителей — за это был

посажен на 7 суток под арест».

Под особое внимание Власовский взял уличное движение и мигом навел там порядок. В те времена главными нарушителями уличного движения были извозчики, лихачи и матерщинники. Их ругань славилась по стране и стала своеобразным эталоном. Не зря вошла в обиход фраза: «ругается, как извозчик». Причем обложить они были способны любого, в том числе и полицейского.

Известный философ Константин Леонтьев как-то оборвал извозчика, грубившего полицейскому, ударом кулака: «Как смеешь ты прекословить? Ведь он поставлен полицмейстером, а тот — губернатором, а губернатор — Государем.... А Государь....» И многозначительно указал пальцем в небо.

О том, как обер-полицмейстер приструнил эту своевольную братию, рассказывает А. Хабаров:

«Нельзя себе представить что-либо более разнузданное и безобразное, нежели поведение московских извозчиков на улице....Когда обыватель желал нанять извозчика и раздавался крик: «Извозчик», они быстро вскакивали на козлы и с дикими криками, стоя, погоняя лошадей, неслись необузданной ордой к нанимателю, крикнувшему извозчика. Стон стоял в воздухе от этого дикого крика и ругани, которую ненанятые извозчики посылали вслед счастливцу, которому удалось посадить седока, своему же земляку и приятелю, с которым только что вели самый дружественный разговор. С грузами ломовые извозчики ехали длинным обозом, не держа интервалов между возами и задерживая движение экипажей и пешеходов, пустые — они неудержимо мчались, грозя немилосердно раздавить и сокрушить все на своем пути.

Все это сразу же прекратилось на другой же почти день по приезде Власовского, начавшего жесточайшим образом подвергать их денежным штрафам или отсидке при полиции. О штрафах этих возвещалось в его знаменитых «приказах» по полиции, которые он ежедневно издавал и которые печатались в издававшейся тогда особой газете «Ведомости московской городской полиции». Приказы были лаконичны, но сильны; например: «Легковой извозчик номер такой-то слез с козел — штрафу 10 рублей», «Оказал слушание полиции — штрафу 25 рублей», «Слез с козел и толпился на тротуаре», «Халат рваный — штрафу 5 рублей», «Произнес неуместное замечание — штрафу 15 рублей» и т. д.

....Все стихло. Извозчики смиренно и молча сидели на козлах, не смея слезть с них, унылыми, вытянутыми лицами.... Был сразу же наведен полный порядок».

«Крутые и энергичные действия обер-полицмейстера с первых же дней его появления заставили о нем много говорить в Москве. Он скоро стал анекдотическим человеком, предметом рассказов. Невысокий, невзрачный, с какого-то черного цвета гарнизонной физиономией, с усами, без бороды, с пристальным злым взглядом, которым он, казалось, видел сквозь землю на три аршина и там следил, нет ли каких-нибудь беспорядков, он целый день и всю ночь летал по городу на своей великолепной паре с пристяжной, зверски исподлбья высматривая этих нарушителей порядка, и немилосердно попавшуюся жертву казнил.

Неудивительно, что извозчики, сторожа и полиция терпеть его не могли и трепетали перед ним, извозчики с ненавистью говорили о нем с седоками. Налеты его были самые неожиданные, а в приказах он умел не только немилосердно казнить, но и с жестоким сарказмом высмеять казнимого. Мне запомнился, например, такого рода его приказ: «В

четыре часа утра такого-то числа при приезде моем в Петровско-Разумовский участок дежурный околоточный, снявши шапку и шашку, облокотясь на стол, спал и при входе моем не рапортовал мне о состоянии участка». Ясно, что не рапортовал, когда спал. Можно себе представить состояние духа околоточного, когда он, проснувшись, узрел перед собою нежданного посетителя.

Требовательность свою он доводил иногда до нелепости. Ради какого-то эстетизма он, например, требовал, чтобы откосы тротуаров были посыпаны желтым песком.

Действительно, в улице, окаймленной двумя желтыми лентами, было что-то красивое, но это была обременительная повинность для домовладельцев, и не только ненужная, но и вредная. Дождь сносил песок по желобкам уже в водостоки, которые соорудила городская управа, и водостоки засорялись. Обер-полицмейстер штрафовал домовладельцев за непосыпку откосов песком, а городская управа привлекала к суду мирового судьи тех, которые посыпали».

* * *

Отвагой на пожарах запомнился современникам полицмейстер Шульгин, несший службу при Александре I. Говорят, это был бог огня и любимец публики. Он бесстрашно лез в самое пекло и весьма умело руководил тушением пожаров. Однако в то же время Шульгин запомнился своим сибаритством. Бытописатель старой Москвы Михаил Пыляев писал о нем так:

«Кухня его была образцом порядка и опрятности. Он по утрам сам ходил на кухню и осматривал припасы, приготовленные на дань и разложенные на столах под хрустальными колпаками. Посуда, столы, стены, полы, одежда поваров, они сами и все прочее отличалось безукоризненною щегольскою чистотою и блеском; малейшая пылинка не могла укрыться от зоркого его взгляда. Эта чистота и блеск проявлялись во всем житейском быту Шульгина и на всем, что хоть несколько подлежало непосредственному его влиянию. Он очень любил хорошо покушать и угостить своих приятелей хорошим обедом.

Злые языки в то время рассказывали, что фельдъегерь, который схватил Коцебу, известного драматического писателя, на границе и отвез его в Сибирь, как раз и был этот самый Шульгин. Коцебу впоследствии называл его только по фамилии и говорил, что он отличался курьезной способностью пить и есть на каждой станции при перемене лошадей — без разбора и порядка, все, что можно было отыскать, — мед и паюсную икру в одно и то же время».

А в записках Михаила Шевлякова, составленных по рассказам начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции И. Д. Путилина приводится следующая веселая история о нем:

Искоренение воровства

Московский обер-полицмейстер А. А. Шульгин был назначен на эту должность специально, как ходили в то время слухи, для искоренения мошенничества и воровства.

Приехав в Москву, Шульгин громогласно хвастал, что искоренит это зло, и принялся за него не на шутку. Но московские жулики, проведавшие об этом, на первых порах его деятельности заявили себя неборимыми и дали о себе чувствительное понятие самому новому обер-полицмейстеру.

Рано утром подъезжают к дому обер-полицмейстера парные сани с ливрейным лакеем. Ливрейный лакей, лихо соскочив с запяток, входит в швейцарскую и приказывает доложить Шульгину, что за ним приехали сани от графини Орловой, которая просит его пожаловать к ней сейчас же по неотложному и весьма важному делу.

Шульгин, лично знакомый с графиней, быстро собрался, накинул на плечи свою богатую бобровую шинель и отправился. Приехав к графине, обер-полицмейстер вошел в подъезд и сбросил на руки сопровождавшего его лакея шинель. Лакей почтительно принял ее и присел на скамейке в прихожей. О Шульгине доложили хозяйке дома.

— Чем могу служить? — спросил гость, входя в гостиную и раскланиваясь с графиней.

Та недоумекает.

— Вы сейчас изволили прислать за мной свой экипаж, — сказал Шульгин, в свою очередь тоже недоумекая.

— И не думала!

— Я в ваших санях приехал.

— Не может быть.

Подняли в доме тревогу. Бросились к подъезду за санями, но их и след простыл.

На другой день Шульгин получает по почте безымянное письмо, в котором между прочим говори лось: «Напрасно вы, ваше превосходительство, с нами ссориться хотите, будем жить лучше в мире да ладе, никто из нас не будет внакладе».

Это обстоятельство сперва обескуражило его, но впоследствии он уяснил смысл письма как нельзя лучше: жулики посвящали его во многие их тайны, что дало ему возможность в особенно важных делах проявлять необыкновенное проворство и ловкость к открытию преступлений. Этим он прославился как деятельный обер-полицмейстер.

* * *

Некоторые имена питерских обер-полицмейстеров народная молва также сохранила для потомков. Например, Сергея Александровича Кокошкина. В бытность генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга он прославился тем, что, по словам Герцена, «служил и наживался также естественно, как птицы поют». В 1831 году во время эпидемии холеры полиция под его руководством немало сделала для распространения страшного заболевания, отправляя в бараки только тех, кто не смог откупиться. Об этом донесли Николаю I, но он не поверил.

В столице в те годы шел водевиль «Булочная, или Петербургский немец», в нем был куплет о том, как «сам частный пристав забирает здесь булки, хлеб и сухарей». Кокошкин заподозрил намек на собственное мздоимство и представление запретил, а из книжных магазинов приказал изъять весь тираж водевиля.

Когда постоянные жалобы на генерал-полицмейстера надоели императору, он, несмотря на собственное благоволение, все же удалил Кокوشкина из Петербурга, отправив его в Харьков губернаторствовать. Здесь Сергей Александрович обессмертил себя отказом открыть на физико-математическом факультете Харьковского университета курс «Коническое сечение» на том основании, что «это удобнее сделать в ветеринарном заведении». (С сайта «*Наши Питер*»)

* * *

Чести быть увековеченным в истории удостоился Федор Трепов. Удостоился тем, что приказал высечь заключенного, не снявшего передним шапку в исправительном доме. Из-за этого в Трепова стреляла, пришедшая к нему на прием Вера Засулич, которая позже была под аплодисменты зала триумфально оправдана судом присяжных. Но в народном творчестве он на посту обер-полицмейстера запомнился и своими крупномасштабными компаниями по борьбе с пьянством и бомжами.

Во всех распивочных было запрещено вешать занавески для удобства полицейского надзора и сдавать отдельный кабинет великому князю Владимиру, известному своей тягой к спиртному.

А вообще, Федор Трепов достоин остаться в истории хотя бы за то, что по его инициативе в 1866 г. по инициативе в Петербурге появилось первое в России сыскное отделение. Численность его составляла 22 сотрудника при том, что в Петербурге тогда проживало 517 тысяч человек. А первым начальником этого подразделения стал Иван Дмитриевич Путилин.

* * *

Другой питерский обер-полицмейстер Петр Грессер запомнился современникам тем, что ездил на все пожары и страстно не любил газетчиков. Репортер Чехов-Седой (брат знаменитого писателя) рассказывал, как однажды ночью на пожаре он имел неосторожность вежливо поздороваться с примчавшимся невыспавшимся Грессером. Тот повернулся, окинул взглядом журналиста и рявкнул:

— Что?!

— Я сказал: здравствуйте, ваше превосходительство!

Обер-полицмейстер отвернулся и распорядился:

— Чтоб не было!

Но смысл приказа так и остался непонятным как для его помощников, так и для репортера. А потому никто ничего для его выполнения не предпринимал.

* * *

Известными персонами для жителей городов были и полицмейстеры. В Москве и Санкт-Петербурге они, так сказать, руководили районными управлениями внутренних дел. Например, у московского обер-полицмейстера находилось в подчинении три полицмейстера. А вот в губернских и уездных городах полицмейстеры по аналогии с нынешними днями возглавляли ГУВД-УВД.

В. Гиляровский в книге «Москва и москвичи» рассказывает историю, связанную с московским полицмейстером Лужиным:

«Был в шестидесятых годах в Москве полицмейстер Лужин, страстный охотник, державший под Москвой свою псарню. Его доезжачему всучили на Старой площади сапоги с бумажными подошвами, и тот пожаловался на это своему барину, рассказав, как и откуда получается купцами товар. Лужин послал его узнать подробности этой торговли. Вскоре охотник пришел и доложил, что дня рано на Старую площадь к самому крупному оптовику-торговцу привезли несколько возов обуви из Кимр.

Лужин, захватив с собой наряд полиции, помчался на Старую площадь и неожиданно окружил склады обуви, указанные ему. Местному приставу он ничего не сказал, чтобы тот не предупредил купца. Лужин поспел в то самое время, когда с возов сваливали обувь в склады. Арестованы были все: и владельцы складов, и их доверенные, и приехавшие из Кимр с возами скупщики, и продавцы обуви. Опечатав товар и склады, Лужин отправил арестованных в городскую полицейскую часть, где мушкетеры выпороли и хозяев склада, и кимрских торговцев, привезших товар.

Купцы под розгами клялись, что никогда таким товаром торговать не будут, а кимряки после жестокой порки дали зарок, что не только они сами, а своим детям, внукам и правнукам закажут под страхом отцовского проклятия ставить бумажные подошвы».

* * *

В памяти потомков кто-то из полицмейстеров остался самодуром, кто-то строгим, но справедливым начальником, а вот калужский полицмейстер Евгений Иванович Трояновский запомнился исключительно добрыми делами. Прежде всего деятельным участием в строительстве и деятельности столовой для бедных и работного дома, где содержались бомжи и беспризорники. В 1911 году его 25-летний юбилей в должности полицмейстера был отмечен в Калуге пышными торжествами. В Богоявленской церкви был совершен молебен, и священник отец Волхонский сказал, что «ни при каких обстоятельствах всей своей служебной деятельности не угасал Евгений Иванович яркого пламени в своем сердце любви к ближнему.» А старшие городские так обратились к юбиляру: «Дорогой Отец-Начальник! Будучи преисполнены чувством теплой благодарности за Ваше умелое руководство и чисто отеческую заботу о нас...» Хотя кто знает, может быть, городские на самом деле думали иначе, а на словах лишь «прогибались» перед начальством.

ЧАСТНЫЕ ПРИСТАВЫ, КВАРТАЛЬНЫЕ НАДЗИРАТЕЛИ, УРЯДНИКИ, ГОРДОВЫЕ И ДРУГИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ЧИНЫ

Очень сложно проводить аналогии между нынешней структурой подразделений органов

внутренних дел и дореволюционной. И возможно этого просто не следует делать. Поэтому есть резон просто представить тех полицейских чинов, которые на протяжении многих лет олицетворяли благочиние и покой в городах и поселках России.

У квартального. Литография 1857 г.

Следующей за полицмейстером должностью в таблице о рангах полицейского аппарата был частный пристав. Его должность по Уставу благочиния соответствовала 10-му классу, была весьма ответственной и очень беспокойной, а потому люди за нее особенно не держались. Например, в Екатеринбурге частные приставы начинали искать другую работу после 2,5–3 лет. Только один из них в первой половине XIX века проработал более 10 лет.

Существует мнение, что чаще всего на должность частных приставов назначались люди, не без образования, но неудачники: коллежские регистраторы, другие служащие невысоких чинов, а также дворяне, у которых не задалась военная служба. Однако из тех документов и баек, которые до нас дошли, складывается иная картина. Именно приставы зачастую раскрывали самые сложные и запутанные преступления. Чего стоит только такой пример:

Однажды жертвой преступников стал сам министр внутренних дел Александр Тимашев. Он приехал из Петербурга в Москву, чтобы повидаться со старушкой матерью, и решил посетить там обедню в Успенском соборе Кремля. Вернувшись домой, министр обнаружил пропажу кошелька и золотого портсигара с бриллиантовой монограммой. Вернуть похищенное помог пристав Хотинский. Хорошо зная преступный мир Москвы, он выяснил, что в Успенском соборе в тот день работали карманники Николай-цыган и Егор-истопник. Разыскав Николая, Хотинский предупредил его: «Ты меня хорошо знаешь. За мной не пропадет. Через два часа верни украденное. Не вернешь — раскаешься». Вскоре Хотинский уже вручал кошелек и портсигар Тимашеву. Министр похвалил пристава: «Вы работаете лучше лондонской полиции, которая считается образцовой».

А еще приставы, как люди образованные, вносили в работу полиции некие черты гуманизма. Например, москвичам запомнился частный пристав Иван Петрович Гранжан, отличавшийся добротой и тактом. Его уважало начальство, и он был принят в лучших домах Москвы. Однажды зимой некий щеголь мчался на бал, и его повозка наехала на какую-то женщину, так что она оказалась под санями. Женщина сильно закричала. Оказавшийся рядом Гранжан остановил лошадей щеголя, вытащил женщину и успокоил ее. Затем он расспросил молодого человека, кто он таков, а затем объяснил ему, что он должен бы задержать его и отправить в участок, но в виду предстоящего бала он не хочет устраивать ему подобной неприятности. Гранжан предложил, чтобы молодой человек дал женщине

немного денег на лекарства, чтобы предупредить ее жалобу. Денег у молодого человека с собой не оказалось. Тогда Гражан заплатил женщине пять рублей из своих денег, с тем, чтобы молодой человек на следующий день вернул их ему. Вот какие приставы были в Москве! (с сайта «Анекдоты от Старого Ворчуна»)

* * *

Впрочем обстоятельства службы обычно требовали от пристава не проявления доброты, а применения силы, поскольку на крепости полицейского кулака во многом зиждился покой и порядок в России. В этой связи любопытен текст одного письма Пушкина к П. П. Каверину от 18 февраля 1827 г. (Из Москвы в Боровск):

«Вот тебе янтарь, душа моя Каверин, — какво поживаешь ты в свином городке; здесь тоска по-прежнему — Зубков на днях едет к своим хамам — наша съезжая в исправности — частный пристав Соболевский бранится и дерется по-прежнему, шпионы, драгуны, <бляди> и пьяницы толкуются у нас с утра до вечера».

* * *

Да и зарплата не очень-то позволяла приставам делать красивые жесты в виде спонсирования симпатичных гражданок. И вообще, складывается впечатление, что они были большими охотниками получать подарки, нежели дарить. В повести Гоголя «Нос» весьма любопытно описывается визит коллежского асессора Ковалева в поисках собственного носа к частному приставу:

«Сказавши это, он вышел, глубоко раздосадованный, из газетной экспедиции и отправился к частному приставу, чрезвычайному охотнику до сахара. На дому его вся передняя, она же и столовая, была установлена сахарными головами, которые нанесли к нему из дружбы купцы. Кухарка в это время скидала с частного пристава казенные ботфорты; шпага и все военные доспехи уже мирно развесились по углам, и грозную треугольную шляпу уже затрогивал трехлетний сынок его; и он, после боевой, бранной жизни, готовился вкусить удовольствия мира.

Ковалев вошел к нему в то время, когда он потянулся, крикнул и сказал: «Эх, славно засну два часика!» И потому можно было предвидеть, что приход коллежского асессора был совершенно не вовремя; и не знаю, хотя бы он даже принес ему в то время несколько фунтов чаю или сукна, он бы не был принят слишком радушно. Частный был большой поощритель всех искусств и мануфактурностей, но государственную ассигнацию предпочитал всему. «Это вещь, — обыкновенно говорил он, — уж нет ничего лучше этой вещи: есть не просит, места займет немного, в кармане всегда поместится, уронишь — не расшибется».

Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал, что после обеда не то время, чтобы производить следствие, что сама натура назначила, чтобы, наевшись, немного отдохнуть (из этого коллежский асессор мог видеть, что частному приставу были неизвестны изречения древних мудрецов), что у порядочного человека не оторвут носа и что много есть

на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам.

То есть не в бровь, а прямо в глаз! Нужно заметить, что Ковалев был чрезвычайно обидчивый человек. Он мог простить все, что ни говорили о нем самом, но никак не извинял, если это относилось к чину или званию. Он даже полагал, что в театральных пьесах можно пропускать все, что относится к обер-офицерам, но на штаб-офицеров никак не должно нападать. Прием частного так его сконфузил, что он тряхнул головою и сказал с чувством достоинства, немного расставив свои руки: «Признаюсь, после таких обидных с вашей стороны замечаний я ничего не могу прибавить...» — и вышел».

* * *

А в качестве иллюстрации картина Павла Федотова: «Передняя частного пристава накануне большого праздника» (1837)

* * *

Опору полицейского аппарата составляли квартальные надзиратели. Они пользовались правами чиновника 11 класса. Роль квартальных надзирателей было чрезвычайно важной. В своем квартале им предписывалось быть не только стражем порядка, но и неким добрым и справедливым мессией. Вот например, некоторые из их функций, закрепленные в «Уставе благочиния»:

— Квартальный надзиратель имеет смотреть, чтобы все и всякий в его квартале остался в законно-предписанном порядке.

— Квартальный надзиратель в его квартале имеет попечение, чтоб молодые и младшие почитали старых и старших, и о повиновении слуг и служанок хозяевам и хозяйкам во всяком добре.

— Квартальный надзиратель в его квартале мирит и разбирает малые ссоры и споры.

— Имеет бдение, дабы всяк пропитался честно и сходно узаконению.

— Должен ведать о всех в квартале его ведомства живущих людях.

Однако понятно, что в реальной жизни квартальные не столь мудры и бескорыстны, как им предписывалось быть. Не гнушались они ни зуботычину отвесить, ни «барашка в бумажке» принять, но, как ни странно, за эту-то простоту народ их и уважал. Ну и конечно за то, что работу свою они выполняли исправно. Вот, например, в повести Гоголя «Нос» едва пропал нос у коллежского асессора Ковалева, а квартальный надзиратель уже отыскал его и принес хозяину:

«— Так, он! — закричал Ковалев. — Точно, он! Выкушайте сегодня со мною чашечку чаю.

— Почел бы за большую приятность, но никак не могу: мне нужно заехать отсюда в смиренный дом... Очень большая поднялась дороговизна на все припасы... У меня в доме живет и теща, то есть мать моей жены, и дети; старший особенно подает большие надежды: очень умный мальчишка, но средств для воспитания совершенно нет никаких...

Ковалев догадался и, схватив со стола красную ассигнацию, сунул в руки надзирателю, который, расшаркавшись, вышел за дверь, и в ту же почти минуту Ковалев слышал уже голос его на улице, где он увещевал по зубам одного глупого мужика, наехавшего с своею телегою как раз на бульвар».

И в реальной жизни квартальные довольно успешно находили пропажи. Главным образом за счет умелого ведения оперативной работы.

Однажды после кражи из дорогого мехового магазина на Кузнецком мосту ведущий дело квартальный надзиратель по обыкновению вызвал своего негласного информатора и спросил, где могут прятать меха. Агент колебался: «Знаю, ваше благородие, да не смею сказать». Следователь все же убедил его поделиться сведениями. Оказалось, что пушнина спрятана у пристава полицейской части — начальника надзирателя.

Квартальный был поставлен в щекотливое положение, но он понимал, что агент не станет ему врать, поэтому отправился с докладом к полицмейстеру Огареву. Тот доложил московскому обер-полицейстеру, у частного пристава был произведен обыск и обнаружены краденые меха, а также другие свидетельства связи с преступниками. Пристава предали суду.

Среди найденных вместе с мехами вещей была странная золотая фигурка бычка. Тут же вспомнили о пропаже за год до этого в Москве знатного вельможи, приехавшего из Африки, среди вещей которого как раз числился похожий бычок. Оказалось, что от чернокожего князя сбежал со всеми документами его слуга-переводчик, с которым он путешествовал по России. Обнаружив пропажу, вельможа поднял шум, но его никто не мог понять. Хозяин гостиницы послал за полицией. Явившийся частный пристав, не найдя при иностранце никаких документов, отправил его в острог как беспаспортного бродягу и присвоил обнаруженные ценности. Если бы не была раскрыта кража из мехового магазина, африканец, возможно, так и сгинул бы в московской тюрьме.

Так что от твердости и решительности квартальных надзирателей напрямую зависел покой граждан. А этот самый покой помогали им наводить твердой рукой околоточные надзиратели. Их основные функции официально звучали так:

«На околоточных надзирателей возлагается ближайший надзор за соблюдением в пределах вверенного им околотка правил относительно общественного благоустройства и благочиния, обязанность предупреждать и останавливать нарушителей этих правил, водворять порядок, и право, в случае неисполнения их законных требований составлять о том протоколы».

Однако понятно, чтобы должным образом справиться с такими непростыми функциями, околоточным приходилось проявлять разносторонние качества. Доброта, отвага и находчивость во все времена особенно ценились в народе, а потому отдельные истории, когда полицейские чины проявляли эти качества дошли до наших дней. Например, такая:

В мае 1883 года в Москве состоялась торжественная коронация Александра III. По случаю всероссийского праздника самарские власти решили угостить народ спиртным. В назначенный день на Алексеевской площади (теперь площадь Революции) собралась огромная толпа. В четыре часа к людям выкатили несколько бочек водки. Конечно, распорядители должны были предвидеть ход событий. Свалка началась грандиозная, и, возможно, все закончилось бы местной Ходынккой.

К счастью, одному околоточному пришла в голову оригинальная мысль. Он ударил в набат. Толпа завопила: «Пожар! Пожар!». Люди стремительно бросились в город, и площадь опустела. Колокол слышали пожарные команды всех частей, которые рванулись на поиски «красного петуха». А метавшиеся в панике самарцы бегали с одной улицы на другую и кричали встречным: «Где пожар?».

Сообразительность нередко помогала околоточным и в раскрытии преступлений, свидетельству чему следующая история из собрания Александра Завального:

В июне 1915 года трехлетний Слава Николаев взял дома два золотых кольца и отправился с ними играть на улицу. Когда взрослые хватились, было уже поздно: их отняла у малыша девочка-цыганка. Вскоре ее удалось задержать. Тринадцатилетняя воровка Мария Золотарева созналась и сказала, что отдала кольца своей двоюродной сестре Богомоловой. Та подтвердила и показала, в свою очередь, что передала их матери похитительницы — Ефимье Зопотаревой. Когда задержали и мать, она не отрицала очевидный уже факт, но стала божиться и клясться:

— Продала! Продала татарам!

Околоточный надзиратель Иван Васильевич Белолипов засомневался: времени прошло мало, и вряд ли цыганка успела совершить операцию. Он приказал привести Машу и в ее присутствии спросил мать:

— Ты брала у Богомоловой кольца?

— Да, — ответила цыганка.

— Хорошо. Уведите Ефимью.

И, обернувшись к девочке, сказал:

— Ты слышала? Теперь иди и принеси их. Маша вышла и через час вернулась с кольцами.

* * *

Своеобразной пехотой полицейской армии являлись городовые. Они несли свою службу на улице, а потому были ближайшими помощниками всех попавших в беду. Вот небольшая выдержка из инструкции, касающаяся их:

«Дежурные городовые должны постоянно находиться на видных местах, дабы каждый нуждающийся в помощи мог их найти. Поэтому воспрещается им заходить во дворы, или в питейные и торговые заведения, исключая случаев, когда это необходимо для прекращения беспорядка, или по приглашению оказать помощь. Удаляясь с поста по болезни или по случаю происшествия на продолжительное время, дежурный городской должен дать знать подчаску, чтобы сей последний его заступил».

А еще по внешнему виду городовых люди судили о крепости всей полиции в целом. Потому и к их подбору подходили очень ответственно:

Городовым мог стать мужчина от 25 до 35 лет, приятной внешности, мощной фигуры, хорошего здоровья, с острым зрением и не дальтоник, с чистой речью, грамотный. Он должен был быть роста не ниже 1 метра 83 сантиметров без обуви и, конечно же, не судимый. Все кандидаты в городовые проходили определённый курс обучения. Сдавшие успешно экзамен получали форму и зачислялись городовыми в резерв. Они несли службу в полицейских командах под началом околоточных надзирателей и офицеров полиции. Если служба проходила успешно и появлялась вакансия, они зачислялись на должность пеших или конных городовых. Особым указом всем полицейским было положено носить усы.

* * *

В. Гиляровский в книге «Москва и москвичи» очень интересно рассказывает о городских, которые работали на одной из самых зловещих человеческих клоак — Хитровом рынке:

Мрачное зрелище представляла ой Хитровка в прошлом столетии. В лабиринте коридоров о переходов, на кривых полуразрушенных лестницах, ведущих в ночлежки всех этажей, не было ни какого освещения. Свой дорогу найдет, а чужому незачем сюда соваться! И действительно, никакая власть не смела сунуться в эти мрачные бездны.

Всем Хитровым рынком заправляли двое городских Рудников и Лохматкин. Только их пудовых кулаков действительно боялась «шпана», а «деловые ребята» были с обоими представителями власти в дружбе и, вернувшись с каторги или бежав из тюрьмы, первым делом шли к ним на поклон. Тот и другой знали в лицо всех преступников, приглядевшись к ним за четверть века своей несменяемой службы. Да и никак не скроешься от них: все равно свои донесут, что в такую-то квартиру вернулся такой-то.

Стоит на посту властитель Хитровки, сосет трубку и видит — вдоль стены пробирается какая-то фигура, скрывая лицо.

— Болдох! — гремит городской.

И фигура, сорвав с головы шапку, подходит.

— Здравствуйте, Федот Иванович!

— Откуда?

— Из Нерчинска. Только вчера прихрюл. Уж извините пока что...

— То-то, гляди у меня, Сережка, чтоб тихо-мирно, а то...

— Нешто не знаем, не впервой. Свои люди...

А когда следователь по особо важным делам В. Ф. Кейзер спросил Рудникова:

— Правда ли, что ты знаешь в лицо всех беглых преступников на Хитровке и не арестуешь их?

— Вот потому двадцать годов и стою там на посту, а то и дня не простоишь, пришьют! Конечно, всех знаю.

И «благоденствовали» хитрованцы вод такой властью.

Рудников был тип единственный в своем роде.

Он считался даже у беглых каторжников справедливым, и по этому только не был убит, хотя бит и ранен при арестах бывал не раз. Но не со злобы его ранили, а только спасая свою шкуру. Всякий свое дело делал: один ловил и держал, а другой скрывался и бежал.

Такова каторжная логика.

Боялся Рудникова весь Хитров рынок как огня:

— Попадешься — возьмет!

— Прикажут — разыщет.

За двадцать лет службы городским среди рвани и беглых у Рудникова выработался особый взгляд на все:

— Ну, каторжник... Ну, вор... нищий... бродяга... Тоже люди, всяк жить хочет. А то что? Один я супротив всех их. Нешто их всех переловишь? Одного пымаешь — другие прибегут... Жить надо!

Во время моих скитаний по трущобам и репортерской работы по преступлениям я часто встречался с Рудниковым и всегда дивился его умению найти след там, где, кажется, ничего нет. Припоминается одна из характерных встреч с ним.

С моим другом, актером Васей Григорьевым, мы были в дождливый сентябрьский вечер

у знакомых на Покровском бульваре. Часов в одиннадцать ночи собрались уходить, и тут оказалось, что у Григорьева пропало с вешалки его летнее пальто. По следам оказалось, что вор влез в открытое окно, оделся и вышел в дверь.

— Соседи сработали... С Хитрова. Это уж у нас бывалое дело. Забыли окно запереть! — сказала старая кухарка.

Вася чуть не плачет пальто новое. Я его утешаю:

Если хитрованцы, найдем.

Попрошались с хозяевами и пошли в 3-й участок Мясницкой части. Старый, усатый пристав полковник Шидловский имел привычку сидеть в участке до полуночи; мы его застали и рассказали о своей беде.

— Если наши ребята — сейчас достанем. Позвать Рудникова, он дежурный!

Явился огромный атлет, с седыми усами и кулачищами с хороший арбуз. Мы рассказали ему подробно о краже пальто.

— Наши! Сейчас найдем... Вы бы пожаловали со мной, а они пусть подождут. Вы пальто узнаете?

Вася остался ждать, а мы пошли на Хитров...»

Далее Гиляровский увлекательно повествует как Рудников «стороил» жуликов с Хитровки. Он обошел несколько притонов, где кулаком и словом насаждал силу Закона и, в конце концов, пальто отыскал.

* * *

Так что даже городовые, самые низшие чины в полицейской иерархии, имели авторитет у криминального мира и пользовались уважением граждан. Известный философ Константин Леонтьев оборвал извозчика, грубившего полицейскому, ударом кулака: «Как смеешь ты прекословить? Ведь он поставлен полицмейстером, а тот — губернатором, а губернатор — Государем.... А Государь....» И многозначительно указал пальцем в небо.

* * *

Особенно много нареканий вызывали у полицейского начальства нижние канцелярские чины. Так, в характеристике екатеринбургского писца С. Устинова было написано: «за леность, частое отбывательство от должности, подверженность болезни, пьянство, чрез что впал в дурные или венерические болезни.... не аттестуется». В аналогичных документах копиист И. Морев характеризовался: «малограмотен и ленив, а потому до исправления остается», а канцелярист Е. Ремезов: «завсегдашне почти обращается в пьянстве, не аттестуется».

Но и канцеляристы обладали своеобразным чувством юмора. У В. Гиляровского в книге «Москва и москвичи» приводится документ, выданный одним полицейским чиновником:

Это был вид, но не вид на жительство, а вид на право идти без остановок. Законный вид

на бродяжничество, волчий паспорт, с которым всякий обладатель его имеет право гнать из-под своей крыши, из селения, из города. Я целиком списал этот вид и привод дословно:

«Проходное свидетельство, данное из Ростовского Полицейского Управления, Ярославской губернии, административно высланному из Петербурга петербургскому мещанину Алексею Григорьевичу Петрову, на свободный проход от г. Енотаевска, Астраханской губернии, в поверстный срок с тем, чтобы он с этим свидетельством нигде не проживал и не останавливался, кроме ночлегов, встретившихся на пути, и по прибытии в г. Енотаевск явился в тамошнее Полицейское Управление и предъявил проходное свидетельство».

Подпись, которую, как и все подписи на документах, раз было невозможно. Я возвратил вид на бродяжничество и спросил:

— Почему именно в Енотаевск?

— Да вот в Енотаевск, чтобы ему ни дна ни крыши...

— Кому ему? Енотаевску?

— Нет, чиновнику.

— Какому?

— Да в Ростове. Вывели нас из каталажки, поставили всех в канцелярии. А он вышел, да и давай назначать кого куда. Одного в Бердичев, другого в Вологду, третьего в Майкоп, четвертого в Мариуполь. Потом позабыл город, потребовал календарь, посмотрел в него, потом взглянул на меня да и скомандовал:

— В Енотаевск его пиши.

И остальных по календарю в города, которые называются почуднее, разослал... Шутник».

* * *

В целом в XIX веке состояние преступности не вызывало особого беспокойства ни у населения, ни у властей. Поэтому и власть не особо тратилась на охрану общественного порядка. В принципе, вся правоохранительная система во многом зиждилась именно на том, что государство экономило на профессиональном полицейском аппарате, перекладывая часть его функций на население. В XVIII–XIX веках сторожа, караульные, десятские и сотские фактически выполняли роли низших чинов полиции. Можно сказать, что они несли патрульно-постовую службу, только делали это совершенно бесплатно. К числу других «натуральных повинностей», которые приходилось нести гражданам, можно отнести также и обязанность по содержанию, окарауливанию и конвоированию арестованных. Особенно ярко данная ситуация проявлялась в сельской местности, где вообще не имелось штатной полиции и ее подменяли выборные десятские (на 10–20 дворов) и сотские (на 100–200 дворов). Инструкцией от 19 декабря 1771 г. сотским предписывалось «ведать местное благочиние, арестовывать нарушителей закона и представлять их в канцелярию. При обнаружении трупа сотский должен был «описать бой и раны», поставить караул и употребить все средства к поиску преступников.

Такая работа, да еще без жалования, была для крестьян довольно обременительна, поэтому они несли ее по очереди, сначала по месяцу, потом по году, позже — по три. Не

сильно облегчило положение десятских и сотских введение в 1878 году в сельской местности должностей штатных полицейских — урядников. Бесплатная служба по охране правопорядка не особенно привлекала крестьян, поэтому они и не утруждались ею. К тому же положение помощников полиции усложнилось, когда на них возложили обязанности по выколачиванию долгов из односельчан и конфискации имущества в счет погашения недоимок. Поэтому зажиточные крестьяне старались всеми правдами и неправдами уклоняться от службы на благо государства. Сложившаяся ситуация вызывала постоянные жалобы со стороны урядников, которые рапортовали начальству:

«Сотские и десятские избираются по большей части из крестьян бедных, не пользующихся в обществах влиянием и правом голоса. Вследствие чего предъявляемые им требования почти никогда не исполняются, что затрудняет деятельность урядников».

«Урядники стараются руководить сотскими и десятскими, но из лиц этих бесплатных служителей полиции очень редкие являются желанными исполнителями закона».

«Местное население в сотских и десятских, свято исполняющих свое дело, видит врагов себе, и после службы старается отомстить».

* * *

Несовершенство структуры полицейских органов середины XIX не позволяло стражам порядка организовать качественную борьбу с преступностью. В отсутствии сыскных подразделений раскрытием преступлений и розыском людей занимались чины наружной полиции — частные приставы, околоточные полицейские надзиратели и их помощники. Нередко это приводило к тому, что потерпевшим для розыска похищенного добра и злоумышленников больше приходилось уповать на бога, нежели на профессионализм полицейских. Однако необходимо отметить, малочисленные полицейские поддерживали тогда в России порядок, который ныне представляется, как тишь, гладь, да божья благодать. Убийства были редкостью, грабежи и разбои тоже случались нечасто. В основном населению доставляли беспокойство кражи, да буянство на почве пьянства.

* * *

Раскрытие преступлений требовало определенной квалификации, а потому оставалось прерогативой полиции. Черновую же работу по «сохранению между жителями города мира, тишины и доброго согласия» выполняли сами горожане. Десятские (один на десять дворов) улаживали мелкие бытовые конфликты. По ночам, распугивая злоумышленников трещотками и колотушками, обходили темные улицы города караульные. В виде дополнительной меры охраны улицы по ночам перекрывались «шлагбоумами», установленными «для лучшего способа к пойманию и пресечению проходов воровских и протчих непотребных людей». А дабы у «воровских и протчих непотребных людей» не возникло искушения прошмыгнуть под «шлагбоумами», возле них стояли караулы — три человека с дубинками окованными железом. В некоторых местах проходы были загорожены рогатинами.

Впрочем, нельзя сказать, что с наступлением темноты в середине XIX века в городах наступал своеобразный комендантский час. «Шлагбоумы» и рогатки являлись препятствием только для недоброго и праздношатающегося люда. Городские власти предписывали чинить пропуск через них знатым людям, докторам, священникам, повивальным бабкам, посыльным, а также крестьянам, приехавшим на городской рынок с возами продуктов.

Поскольку караульным, охранявшим въезды в город, приходилось нести свою службу, не взирая на любую погоду, чтобы они имели «от дождя и снега некоторую защиту», для них ставились будки — рубленные из дерева шестиугольные сооружения. Будочки всегда были на виду у народа, и надо полагать оставляли довольно хорошее впечатление у него.

Салтыков-Щедрин, язвительно высмеивавший в своих произведениях все и вся, как-то вернувшись из поездки по Европе, поделился впечатлениями: «Смотреть не на что. Не люди, а мелюзга какая-то. А на границе увидел нашего жандарма — великан, красавец, — дал ему три рубля на радостях».

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

В 1850 году в истории министерства внутренних дел произошло своеобразное знаменательное событие — первое сокращение штатов этого учреждения. Это было проявлением новых усилий Императора Николая I для укрепления дисциплины и повышения эффективности управления.

Но, конечно, главным событием для страны стала отмена крепостного права. Любопытно, что МВД стало чуть не движущей силой этой реформы. В составе центрального статистического комитета МВД был образован земский отдел, в котором готовились многие важные материалы для крестьянской реформы. Заметную роль в ее подготовке сыграли некоторые высшие чиновники МВД, особенно заместитель министра Николай Алексеевич Милютин и министр внутренних дел граф Сергей Степанович Ланской.

И столь же любопытно, что реформа, которая делалась по сути дела в интересах крестьян, вызвала с их стороны целую волну бунтов. Например, в 1861 году было зафиксировано 1889 крестьянских волнений. Для подавления 937 из них потребовался ввод военной команды. В результате подавления бунтов 140 человек было убито, 170 ранено, 1924 подвергнуто телесным наказаниям, 868 заключено под стражу, 480 предано суду, 147 выслано в Сибирь и другие губернии, 93 сданы в арестантские роты и работные дома. В последующие годы эти цифры пошли на убыль, но бунты продолжались еще около 10 лет. Правда, после 1861 года они стали более мирными, во всяком случае, солдаты и полиция более по крестьянам не стреляли.

* * *

В деревне бунт. Мужики хватая на бегу вилы и батоги врываются в усадьбу помещика. Тот спокойно выходит на крыльцо с двухстволкой.

— Чего пришли? Толпа останавливается.

— Чего пришли, говорю? и угрожающе поднимает двухстволку. Толпа в панике бросается назад и постепенно разбредается по домам.

Вечером того же дня. Один из мужиков сидит дома и хлебает щи. Неожиданно останавливается, бросает ложку.

— Чаво, чаво... А ничаво!!!

* * *

Россия была всегда богата парадоксами. К их числу относится слепая вера разного рода проходимцам. Вместе с царским Манифестом появилось множество каких-то странников, ходивших по деревням и убеждавших, что этот документ ложный. И крестьяне зачастую верили им больше, нежели чиновникам. Например, о ложности царского Манифеста говорил бродивший на границе Пензенской и Тамбовской губерний беглый крестьянин Егорцев, объявивший себя великим князем Константином Павловичем. В результате было убито 8 и

ранено 28 крестьян, поверивших ему. В Казанской губернии аналогичными «проповедями» занимался раскольник Петров, назвавшийся пророком и посланником царским, в результате в имении Бездны убито 70 и ранено более ста крестьян, из которых 21 позже от ран умерли.

Конечно доверчивость к проходимцам, можно было бы объяснить «дремучестью» крестьянства той поры, однако и в конце XX века в России народ столь же охотно попадался на удочку и тоже шел умирать за баррикады непонятно за что.

И все же, надо признать, что реформа получилась не слишком удачной. С отменой крепостного права почти вдвое снизилось бродяжничество, зато резко возросло количество имущественных преступлений. Раскрепощение дало крестьянам личную свободу, но одновременно ухудшило их материальное положение. Большой выкуп за земельный надел не давал возможности прокормить семью, что нередко приводило к разорению крестьянских хозяйств. Отчеты Санкт-Петербургской полиции за 1688 год свидетельствуют, что за предшествующие 15 лет резко увеличилось количество всех видов преступлений. И в дальнейшем вплоть до первой мировой войны уровень преступности продолжал стабильно подниматься вверх, опережая темпы роста населения.

Александр II не зря прослыл реформатором. Ведомство внутренних дел тоже подверглось по его инициативе реорганизации. Полицейская реформа была им начата в 1859 году и закончилась в 1862 г. С учетом того, что российскую милицию без особого успеха реформируют вот уже более десяти лет, можно признать, что Александр II не зря получил свое прозвище. Тем более, что разница между дореформенной полицией и послереформенной, вероятно, ощущалась.

А как работала «дореформенная» можно судить хотя бы по еще одному рассказу Михаила Шевлякова, который приводится в сокращении:

Дореформенная полиция

Дореформенная полиция, по словам Путилина, была курьезна. Иван Дмитриевич знал ее хорошо, так как в ее составе начал свою деятельность.

Нрав всякого полицейского прежних времен был необычайно крут. Будто нарочно, словно на подбор, полиция набиралась из людей грубых, деспотичных, жестоких и непременно тяжелых на руку. В квартале царил самосуд безапелляционный. От пристава до последнего будочника включительно всякий полицейский считал себя «властью» и на основании этого безнаказанно тяготел над обывательским затылком и карманом.

На первых порах своей службы Путилин проявил было гуманное обращение с посетителями «полицейского дома», но своевременно был предупрежден начальством, внушительно заметившим ему:

— Бей, ежели не хочешь быть битым!

Новички недоумевали, но, будучи в небольшом чине, протестовать не осмеливались.

«Начальство» так мотивировало необходимость кулачной расправы:

— Кулак — это вожжи. Распусти их, и лошади выйдут из повиновения. Отмени сегодня кулак, и за тебя будет бить первый встречный. Нас только потому и боятся, что мы можем всякому в любое время рыло на сторону свернуть, а не будь этой привилегии — в грош бы

нас не стали ценить, тогда как теперь ценят целковыми.

Последняя фраза имеет глубокий смысл. Действительно, в старину обыватели делали оценку полиции денежными знаками. Взятничество было развито до крайних пределов. Взятки брались открыто, бесцеремонно и почти официально. Без «приношения» никто не смел появляться в квартале, зная заранее, что даром ему ничего не сделают. Относительно приношений предусмотрительные полицейские придерживались такого мнения:

— Копи денежку на черный день. Служба шаткая, положение скверное, доверия никакого. Уволят, и пропал, коли не будет сбережений. Ведь после полицейской службы никакой другой не найдешь, и; этому заблаговременно и следует запастись тем, «чем люди живы бывают»....

Путилин уморительно рассказывал, как в старое время в квартале производился обыск вора, пойманного с поличным.

Являются понятые, потерпевший.

— Ах ты негодяй! — грозно набрасывается на мошенника некий пристав. — Воровать?! Я тебя в остроге сгною!.. В Сибирь законопачу! Каторжной работой замучу! Я тебе покажу!!! Эй, сторожа — обыскать его.

Ловкие и привычные держиморды с опереточным рвением накидываются на преступника и начинают шарить в его карманах, но после тщательного обыска у заведомого вора не находится ничего. Сторожа успевают искусно перегрузить из его карманов в свои все, что могло бы послужить уликой.

Потерпевший удивленно пожимает плечами, вор принимает победоносный вид.

Пристав выдерживает томительную паузу, уничтожающим взглядом смеривает с головы до ног потерпевшего и спрашивает его, отчеканивая каждое слово:

— Вы продолжаете поддерживать обвинение?

— Конечно... но, странно... куда он успел спрятать... я видел собственными глазами.

— Гм... но мне еще страннее, как вы решаетесь обзывать поносным именем того, который пред правосудием оказывается невиновным?

— Но ведь я собственными...

— Ах, что вы меня уверяете! — нетерпеливо перебивает пристав оторопевшего заявителя. — Мало ли что может показаться! Вон мне тоже показалось, что ваше заявление правдоподобно... Я вам должен заметить раз и навсегда, что в моем околотке воровства не существует... Однако я должен снять с вас показания и обнаружить на всякий случай вашу личность. Потрудитесь пройти ко мне в кабинет.

В кабинете разговор был другого рода.

— Ты оклеветал невинного человека, — мгновенно переменял тон пристав. — Он тебе этого не простит. Ты надругался над его честью и за это жестоко заплатишься...

— Но я могу принять присягу!

— Кто твоей присяге поверит? Она будет так же вероятна, как вероятен этот вор... Ты скандалист, ты бунтовщик, тебе место в Сибири! Ты бесчестишь непорочных и беспокоишь правительство.

— Правительство? Чем это?

А что ж, я, по-твоему, обыкновенный человек что ли?

После сильнейшей нотации, когда потерпевшему становится ясно, что ему не миновать каторги, если только не большего, он начинает заискивающе поглядывать на пристава. Тот смягчается.

— Уж коли так... то, конечно... Бог с ним...

— Этого-с мало. Он так твоего облыжного заявления не оставит... Он тебя по судам затаскает...

— Что же мне делать?

— Откупиться надо...

Начинается торговля. После многих «скидок «надбавок» приходят к соглашению.

— Деньги эти оставь у меня. Я их ему передам и уговорю его не поднимать дела...

Прощай, да на напередки будь внимательнее...

Потерпевший, кланяясь и рассыпаясь в благодарностях, удаляется. Тут же в кабинете Появляется нор.

— Ах ты мерзавец! — принимается кричать на него пристав, пряча в карман деньги. — Опять? Опять попался? На этой неделе уже в двенадцатый раз! Ну, какой ты нор? Дурак ты, не больше. Тебе, кажется, скоро придется бросать воровство и приняться за работу. Никогда, брат, из тебя путного вора не будет...

— Нечайно-с... А вы бы, ваше скородие, приказали сторожам хоть один кошелек отдать мне, а то без гроша остаюсь...

— Чего? Назад отдать? Ах ты каналья! Да разве виноват, что ты попадаешься?... С какой же стати я тебе вещественные доказательства буду возвращать? Ведь я за это перед законом могу ответить! Вон!

Пристав этот нажил большое состояние и был уволен «без прощений». Впоследствии он жаловался на несправедливость начальства и любил хвастнуть, что его обожал весь околоток за порядок следствия и за умелое миротворение...

* * *

Если уж столь беззастенчиво вели себя полицейские в Петербурге — культурной Мекке России, то в провинции, где народ был попроще и потемней, они и вовсе не очень-то церемонились с ним. Несколько любопытных историй по этому поводу приводит Александр Завальнов на сайте «Старинные самарские анекдоты»:

Один из самарских исправников сильно проигрался в карты. Срочно нужно было доставать деньги. Исправник распорядился послать в большое чувашское село огромный столб, который повезли аж на двух лошадях. Он также приказал объявить, что вскоре появится и сям. Столб привезли ночью и свалили на сельской площади. Утром собрались чуваша и стали размышлять о причинах появления предмета. Одни решили, что на нем будут подвешены злостные неплательщики податей, другие уверяли, что исправник произведет обыски, найдет спрятанных чувашских богов и развесит на столбе. В итоге, когда исправник прибыл, чуваша преподнесли ему в подарок порядочную сумму денег, после чего он ко всеобщему облегчению и уехал.

* * *

Самарские «горчишники» были известны всей дореволюционной России. Считается, что происхождение названия таково. В свое время самарские посадские люди разводили красный стручковый перец. Из него делали горчицу. Она вывозилась во многие города, а самарцы получили прозвище горчишников.

Потом это занятие горожан ушло в историю, но колоритное слово осталось. Им стали обозначать диких и буйных молодцов, от которых серьезно страдала «негорчишная» часть населения Самары. Горчишники постоянно дебоширили на улицах города и даже выезжали на правый берег Волги, в село Рождествено. Здесь шайка воровала у крестьян барана, увозила его на остров или отмель и устраивала ночное пиршество. Примечательно, что чины самарской полиции не отказывали себе в удовольствии принять участие в подобных «мероприятиях» и пировали вместе с горчишниками.

Современному самарцу это может показаться странным. А ответ между тем довольно прост: до революции правая сторона Волги входила в состав Симбирской губернии.

* * *

Безусловно совершенно неправильно было бы считать, что полиция в XIX веке ничего не делала, а лишь занималась мздоимством. Ничего подобного. Порядок поддерживался совсем неплохо. И самые хитрые преступления раскрывались, и подозреваемых успешно отлавливали по всей России без каких-либо технических средств. А то, что не брезговали поборами и подношениями, так это не от хорошей жизни. Работенка, как и сейчас, была собачья, а платили за нее гроши. Потому-то люди и не держались за полицейскую службу. Например, в Екатеринбурге в первой половине XIX века средний срок службы частных приставов составлял 2,5–3 года, и только один человек на этой должности проработал более 10 лет. А ведь частный пристав в табели о рангах — это следующая должность за полицмейстером, по-нынешнему — зам. начальника ОВД.

Необходимость перемен в полицейском ведомстве со временем становилась все очевиднее. И не только потому, что полиция наводила порядок кулаками и, не особо стесняясь, брала на лапу. Просто криминальный мир совершенствовался, а противостоять ему одним матом и кулаками становилось все сложнее. И они перемены не заставили себя ждать. Прежде всего они выразились в создании сыскных отделений.

ЛЕГЕНДЫ РОССИЙСКОГО СЫСКА

Несмотря на накопившийся ком проблем в полицейском ведомстве, в конце XIX — начале XX века работа уголовного сыска продолжала бурно прогрессировать. В России выросла целая плеяда блестящих сыщиков, чьи имена до революции были весьма известны в обществе. О И. Путилине, А. Ф. Кошко, В. В. Ланге (руководивших в разное время сыскной полицией соответственно: Петербурга, Москвы и Одессы) и других замечательных мэтрах российского сыска писали книги и складывали легенды. Некоторые операции по задержанию преступников детективами тех лет и ныне кажутся потрясающими. Например, одесского афериста Беню Аронова, удравшего с похищенным миллионом рублей в Италию,

российские сыщики достали и там. Установив его местопребывание на одной из вилл, они нейтрализовали охрану, схватили афериста и вывезли его на родину в трюме торгового судна.

Настоящей знаменитостью стал уже упоминавшийся Иван Дмитриевич Путилин, начальник сыскной полиции Санкт-Петербурга на протяжении 23-х лет, с 1866 по 1889 г. с небольшими перерывами. А начинал Иван Дмитриевич свою карьеру сыщика в должности помощника квартального надзирателя на Толкучьем рынке. Работа на этом беспокойном месте дала ему огромный профессиональный и жизненный опыт. Вдобавок Путилин нередко в свободное время переодевался чернорабочим и отправлялся изучать нравы социального дна, осваивая жаргон, запоминая лица и клички. Вскоре он с успехом научился выдавать себя за своего и среди бродяг, и священнослужителей, и купцов. Способности к перевоплощению неоднократно помогали ему и в дальнейшей работе. Известный судебный деятель того времени А. Ф. Кони говорил: «В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда».

Выйдя в отставку после 40-летней службы в полиции, Путилин решил рассказать о некоторых из раскрытых им преступлений в мемуарах. В работе над ними ему помогал литератор М. А. Шевляков. Увы, мемуары вышли в печати только после смерти Ивана Дмитриевича. Зато его имя быстро получило огромную славу по всей России. Шевляков написал про него цикл документальных рассказов. А множество авторов сочиняли бульварные детективы, главным героем которых был Путилин. Одной из самых талантливых стала «Путилинада», написанная А. Добрым. В общем, до революции в России нарицательным именем сыщика было не «Шерлок Холмс», а «Иван Путилин».

Известность талантливого сыщика пришла к Путилину после того, как он блестяще сумел вывести на чистую воду фальшивомонетчиков братьев Пуговкиных. Но для этого сначала пришлось прибегнуть к сложной оперативной комбинации. И в ходе нее Иван Дмитриевич попал в очень сложную и в то же время смешную ситуацию, которую Михаил Шевляков также описал в своих записках.

Иван Дмитриевич Путилин занимал скромное место чиновника Сысского отделения, когда в богатом подмосковном селе Гуслицы обнаружилась фабрика фальшивых кредитных билетов.

Как деятельного, энергичного и умелого, его командировали на расследование этого преступления.

С собой он прихватил еще двух агентов, на которых были возложены обязанности помощников.

Чтобы не навлечь на себя подозрения гуслицких обывателей, Путилин незадолго до отъезда на место преступления устроил так, что дьячка местной сельской церкви перевели на другое место, а на освободившуюся вакансию временно отправили какого московского псаломщика, которому, конечно, предварительно было внушено, что к нему приедут на побывку брат с родственниками.

Поэтому нового гуслицкого псаломщика несколько не удивило, когда в один прекрасный веч к нему приехал Путилин с помощниками. Он встретил их радушно на крыльце своего дома и на нежные родственные объятия мнимого брата отвечал и менее нежным и радушным поцелуем.

На другой день уже весь околоток знал, что к и новому дьячку на новоселье приехали гостить родные.

Приезжие оказались людьми чрезвычайно общительными. Они быстро познакомились со священником, с волостным начальством и с некоторыми из жителей Гуслиц. На больших фабриках, находившихся неподалеку от села, они также завели знакомства.

Конечно, преследуя цель сближения с местным обществом, в котором вращались крайне осторожные преступники, Иван Дмитриевич водил компанию со всеми и, по-видимому, не ограничивал себя в «питиях». Только странное дело: как бы много он ни пил, а никогда не бывал пьян. Помощники тоже. Событыльники удивлялись, но приписывали это необычайно крепким их натурам. Слух о «несокрушимых пьяницах» дошел до фабриканта, имевшего нрав, которому никто не рисковал препятствовать. Он приказал доставить к нему дьячковых братьев специально для питья.

— То есть как «для питья»? — изумился Путилин, когда посланные отрапортовали ему наказ хозяина.

— А так, значит, попоштовать вас хочет. Посмотреть ему желательно, много ли можете вылущить водки.

— С какой стати? Нет, нет, быть у него не можем, нам некогда. Кланяйтесь и благодарите!

— Как вам угодно, а беспрременно с нами ехать должны, потому что нам приказано доставить вас во то бы то ни стало.

Как Путилин ни отговаривался, а в конце концов принужден был отправиться в сообществе своих помощников к оригиналу-купцу.

Приехали. Но дальнейший рассказ будем вести от лица самого Ивана Дмитриевича, весьма типично его передававшего.

«Ввели нас в просторную комнату богатого помещичьего дома. Навстречу выходит «сам» и, торжественно улыбаясь, говорит:

Вы сами и есть?.. — Затем внимательно рассматривает нас и прибавляет: — Народишко не ахтителный — жилистый и жидковатый. Не думаю, чтоб хорошо пили.

— Какое там хорошо, — говорю ему в тон, — так, для собственного удовольствия немного употребляем.

— А вот мы посмотрим. Ежели приятеля моего перепьете — награжу, а нет — не обессудьте, никакого благоволения от меня не будет.

Повел он нас в особую комнату, где на столе красовались вместительные графины с водкой и разнообразная закуска. Из угла в угол расхаживал какой — то коренастый, с опухшей физиономией субъект.

При нашем появлении он приостановился, хмурил брови и как-то дико скосил глаза. Осмотрев нас внимательно, он тоном знатока заметил:

— Плюгавы... Тощи... Прежде чем на состязание спускаться, откормить их нужно... А впрочем, на ноги-то, может, и крепки, но на голову, вероятно, слабоваты: отвислости на лицах не имеется.

Аттестовав нас таким образом, субъект снисходительно пожал наши руки и, указывая на стулья расставленные вокруг стола, процедил сквозь зубы:

— Садитесь!

Купец-фабрикант приятельски потряс его по плечу и сказал:

— Конкурируй, брат, уважь! Не давайся в обиду.

Началось расходование пьяной влаги. Я с большим трудом опорожнил две бокалообразные рюмки, мои помощники пошли дальше, а субъект очень браво проглатывал рюмку за рюмкой. Когда хозяин, принимавший в угощении также активное участие, стал наседать, чтобы я не отставал от компании, я умышленно расплескал свою порцию. Хозяин, однако, это заметил и сердито на меня крикнул:

— А, кутейник, шулерничать!.. Нет, брат, этого у меня не моги!

Затем он многозначительно подмигнул субъекту, строго приказав:

— Подвергнуть его взысканию, на первый раз со снисхождением!

Субъект молча, деловито приподнялся с места, дополнил мою рюмку водкой и намеревался было вылить ее мне за ворот сорочки. Я стал протестовать. Купец зычно цыкнул, и... водка неприятно скользнула по моей спине.

Я заподозрил чересчур гостеприимного хозяина в умышленном издевательствах надо мной. «Уж не обнаружилось ли наше инкогнито?» — мелькнула у меня мысль.

Положительно не помню, как очутился я на диване, но на другое утро встал с мучительной болью в голове. Один из помощников моих безмятежно храпел под столом, другой покоился на подоконнике, а знакомый незнакомец спал, сидя на стуле, причем кудлатая голова его была уткнута в масленку.

Чрез сколько-то времени, не знаю, является фабрикант в сопровождении слуг. Начинается общее пробуждение. Не успел никто как следует опомниться, а уж перед каждым стояла водка, которую по настоянию «самого» чуть не вливали в рот несговорчивого гостя весьма исполнительные лакеи. Единственный раз в жизни, вообще богатой приключениями, я был в таком безвыходном положении.

На вторые сутки я чуть не на коленях умолял купца отпустить меня, искренно восхваляя идеальный желудок «субъекта», самоотверженно глотавшего водку как простую воду. Я

отговаривался нездоровьем; но ничто не помогало уломать расходившегося купца.

— Пей, не то утоплю в вине! — кричал он ежеминутно. — Уж коли назвался груздем — полезай в кузов.

Покушался я на побег, но все входы и выходы так серьезно охранялись, что даже подкуп не действовал, и ни один из сторожей не соглашался даровать мне свободу ни за какие деньги.

На третий день своего пребывания в доме, когда субъект стал слишком сурово разглядывать своими кровью налившимися глазами соседей и когда к одному из моих помощников был приглашен фабричный фельдшер, констатировавший у обеспамятовавшего симптомы белой горячки, я выбрал удобную минуту и вылез в форточку окна, удачно спрыгнул на землю и убежал в село.

После этой передраги проболел я несколько дней, в продолжение которых своих помощников не видал. Очевидно, они пропадали у купца...»

Однако, несмотря на это препятствие, затормозившее было ход расследования, Путилин блестяще выполнил возложенную на него миссию и раскрыл преступление, с которого главным образом и началась его слава.

* * *

Увы, действительность тех времен во многом напоминала нынешнюю. В борьбе между добром и злом далеко не все решают талант и упорство сыщика. Вот и на сей раз дело фальшивомонетчиков Пуговкиных лучшие адвокаты Петербурга принялись искусно разваливать. Но Путилин решил противостоять коварным проискам защитников их же методами.

Он подобрал надежных свидетелей и проинструктировал их, как следует отвечать в суде на хитрые адвокатские вопросы. В предисловии к «запискам начальника Санкт-Петербургского сыска», выпущенным издательством «ЭКСМО», дальнейшие события описывались так:

«Звучит традиционный вопрос: Что вам известно по делу братьев Пуговкиных?» Свидетель, рядовой уездный житель, в полном соответствии со своей простецкой внешностью, отвечает: «Ничего не известно». «Ну а чем они занимались, известно вам?»- «Чем? Да уж известно! Деньги делали! Это каждый мальчонка знал!» И вот этот прямой и бесхитростный ответ совершенно убедил присяжных Пуговкиных обвинили».

* * *

Во все времена больше всего нервотрепки правоохранительным органам доставляют не самые кровавые или хитрые преступления, а те в которых фигурируют важные лица. А уж если эти лица иностранные подданные, то и подавно. Не случайно Иван Путилин начинает свои «Записки» с рассказа о раскрытии им убийства князя Людвига Фон Аренсберга, военного австрийского агента. Когда Иван Дмитриевич приехал на квартиру убиенного

князя, там уже находилось масса высокопоставленных лиц: принц Ольденбургский, герцог Мекленбург, министр юстиции граф Пален, шеф жандармов Шувалов, австрийский посол граф Хотек и другие. Путилину показалось, что глаза всех этих вельможных особ, устремленные на него, говорили: «Отыщи или погибни!». И он с честью вышел из положения, отыскав убийц.

А вот о другой истории, связанной также с высокопоставленным иностранцем, Иван Дмитриевич в своей книге рассказывать не стал. Наверное, не посчитал ее предметом для гордости. Однако народная молва решила иначе и сохранила ее для потомков в качестве одной из петербургских баек.

Из дома французского посла был украден дорогой серебряный сервиз. Николай I лично повелел сервиз найти. Дело поручили знаменитым питерским сыщикам Путилину и Шерстобитову, но как они ни старались, вернуть пропажу не смогли, даже допросы воровских авторитетов ни к чему не привели: о сервизе никто ничего не знал. Назревал международный скандал, и чтобы его замять, хитроумный Путилин обратился в мастерскую, изготовившую сервиз, с просьбой сделать точную его копию, а чтобы сервиз не выглядел как новый, отдал его пожарной команде — пусть попользуются! и пожарные сумели за пару дней довести сервиз до нужного состояния. Сервиз торжественно вернули послу, все участники операции уже ждали наград и повышения, но... На очередном приеме французский посол, улыбаясь, обратился к Николаю: " Благодарю Вас, Ваше величество, у Вас отличная полиция! Ее стараниями у меня теперь два одинаковых сервиза! Один нашла полиция, а другой нашелся сам: его заложил мой камердинер, а потом выкупил и вернул мне...» Царь немедленно потребовал к себе обер-полицмейстера для объяснений, тот в свою очередь вызвал сыщиков и, грозя тюрьмой и каторгой, потребовал объяснений у них. На это Путилин невозмутимо ответил, что послу померещилось, и как обер-полицмейстер ни возмущался, твердо стоял на своем: господин посол ошибся, пусть, мол, завтра снова перечтут все предметы... Назавтра обер-полицмейстер явился к послу, вызвали камердинера и велели перечесть... через полчаса бледный камердинер доложил, что в буфетной только один сервиз, второй сервиз бесследно исчез, будто его и не было... Что ж, питерские сыщики всегда были высокими профессионалами... (с сайта «*Наши Питер*»)

* * *

В Москве сыскные отделения появились позже, чем в Петербурге. Но первые московские сыщики, тоже быстро стали легендарными. Вот как о них рассказывает В. Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи»:

«Настоящих сыщиков до 1881 года не было, потому что сыскная полиция как учреждение образовалась только в 1881 году. До тех пор сыщиками считались только два пристава Замайский и Муравьев, имевшие своих помощников из числа воров, которым мирволили в мелких кражах, а крупные преступления они должны были раскрывать и важных преступников ловить. Кроме этих двух был единственно знаменитый в то время сыщик Смолин, бритый плотный старик, которому поручались самые важные дела. Центр района его действия была Сухаревка, а отсюда им были раскинуты нити повсюду, и он один только знал все. Его звали «Сухаревский губернатор».

Десятки лет он жил на 1-й Мещанской в собственном двухэтажном домике вдвоем со старухой прислугой. И еще кроме мух и тараканов было только одно живое существо в его квартире — это состарившаяся с ним вместе большущая черепаха, которую он кормил из своих рук, садил на колени, и она ласкалась к нему своей голой головой с умными глазами. Он жил совершенно одиноко, в квартире его — все знали — было много драгоценностей, но он никого не боялся: за него горой стояли громилы и берегли его, как он их берег, когда это было возможно. У него в доме никто не бывал: принимал только в сенях. Дружил с ворами, громилами, и главным образом с шулерами, бывая в игорных домах, где его не стеснялись. Он знал все, видел все и молчал. Разве уж если начальство прикажет разыскать какую-нибудь дерзкую кражу, особенно у известного лица, — ну, разыщет, сами громилы скажут и своего выдадут...

Был с ним курьезный случай: как-то украли медную пушку и Кремля, пудов десяти весу, и приказало ему начальство через три дня пушку разыскать. Он всех воров на ноги.

— Чтоб была у меня пушка! Свалите ее на Антроповых яма в бурьян... Чтоб завтра пушка оказалась, где приказано.

На другой день пушка действительно была на указанном пустыре. Начальство перевезло ее в Кремль и водрузило на прежнем месте, у стены. Благодарность получил.

Уже много лет спустя выяснилось, что пушка для Смолина была украдена другая, с другого конца Кремлевской стены послушными громилами, принесена на Антроповы ямы и возвращена в Кремль, а первая так и исчезла.

В преклонных годах умер Смолин бездетным. Пережила только черепаха. При описи имущества, которое в то время, коне но, не все в овесь попало, найдено было в его спальне два ведра золотых и серебряных часов, цепочек и портсигаров. Громилы и карманники очень соболезновали:

— Сколько добра-то у нас пропало! Оно ведь все наше добро было... Ежели бы знать, что умрет Андрей Михайлович, — прямо голыми руками бери!

Десятки лет околачивался при кварталах сыщиком Смолин. Много легенд по Сухаревке ходило о нем...»

* * *

Аркадий Францевич Кошко стал достойным продолжателем традиций, заложенных Путилиным, и даже во многом превзошел своего именитого предшественника. Начав свою работу в полиции инспектором по уголовным делам в Риге, он тоже частенько переодевался бродягой и бродил по притонам, чтобы лучше понять дно общества и преступный мир. А венцом его карьеры стала служба в Москве в должности начальника сыскальной полиции. Правда, этот период поначалу складывался для него совсем непросто.

Цитата из воспоминаний А. Кошко: «Помню в первый год моего пребывания в Москве, я на Рождество чуть не сошел с ума от огорчения. 27 декабря было зарегистрировано до шестидесяти крупных краж с подкопами, взломами, выплавливанием несгораемых шкафов и т. п., а о мелких кражах и говорить нечего: их оказалось в этот день более тысячи. Из этих цифр следовало, что город наводнен мазурьем, и мне надлежит вымести из него этих паразитов». Далее Аркадий Францевич подробно рассказывает, как же ему этого удалось

добиться. Его главным козырем стали грандиозные облавы, в которых задействовались более тысячи городских и других полицейских чинов. В режиме строжайшей конспирации оцеплялись целые районы города. Кошко писал: «Когда подлежащие осмотру районы были уже окружены полицией, в назначенный час мне подавался автомобиль, и я в сопровождении трех-четырех хроникеров выезжал на место действия, а на следующее же утро в газетах появлялись подробные мелодраматичные отчеты, не лишённые жути, образности и фантазии, сообразно индивидуальным свойствам их авторов. Помнятся мне несколько таких моих выездов к Хитрову рынку, в так называемые Кулаковские дома. Эти вертепы, эти клоаки, эти очаги физической и моральной заразы, достойны описания....Если бы произвести химический анализ воздуха этих помещений, то надо думать, что, наперекор законам природы, кислорода в нем не оказалось бы совсем. Что же представляли из себя обитатели этого логовища? Мне кажется, что суммируя героев горьковского «Дна» с героями купринской «Ямы» и возведя эту компанию в куб, можно было бы получить лишь приблизительное представление об обитателях Кулаковских ночлежных квартир».

Весьма интересным и выглядят слова А. Кошко о том, как полиция обращалась с задержанными «отбросами общества» в таких вертепах и клоаках: «Приведенные в участки поились в 6 часов утра горячим чаем, каждому выдавался фунт хлеба и кусок сахара. На следующий же день им распределялось тюремное белье, обувь и одежда, и, согретые, одетые и накормленные люди препровождались в сыскную полицию, где мы приступали к выяснению личности каждого».

Аркадий Францевич добился своего: «Предпраздничные облавы дали прекрасные результаты, и помнится мне, что на четвертый год моего пребывания в Москве была Пасха, не ознаменовавшаяся ни одной крупной кражей. Рекорд был побит, и я был доволен!..»

При Кошко, руководимая им российская сыскная полиция, стала одной из лучших в мире по организации работы и по результатам. Аркадий Францевич развивал использование сыскной полицией достижений криминалистики: дактилоскопии и метода Бертильона. При нем значительно улучшилась оперативная работа, а порой сыщики и сами успешно внедрялись в преступную среду. При московской сыскной полиции появились штатный пример и парикмахер. Улучшить работу полицейского аппарата Кошко сумел за счет создания «службы собственной безопасности». 20 «суперагентов», имена и адреса которых были известны только ему, контролировали проверяющих. Некоторые из новшеств, введенных Аркадием Францевичем, взял на вооружение Скотланд-Ярд. А подлинным триумфом Кошко стал 1913 год, когда в Швейцарии, на Международном съезде криминалистов, русская сыскная полиция была признана лучшей в мире по раскрываемости преступлений.

После Октябрьской революции Аркадий Кошко вынужден был эмигрировать. Оторванный от родины, растерявший многих близких, утративший средства, он после долгих мытарств и странствий оказался в Париже, где вел жизнь скромную и серую. Но там, в эмиграции написал книгу очерков о своей работе в полиции. Недавно она под названием «Король сыска» вышла и в России, которой он верой и правдой служил много лет.

По мемуарам А. Кошко можно составить определенное впечатление и о главном сыщике Москвы и о том, как работала дореволюционная полиция. И в них невольно бросается в глаза некое человеческое, даже где-то доброе отношение Аркадия Францевича к задержанным преступникам. Причем, мягким человеком его назвать нельзя. Просто он умел быть разным. На шулера Прутянского нахально «качавшего» права, Кошко «наехал» столь резко, что тот со страху перепутал входные двери с дверцами шкафа. А доброта помогла ему успешно раскрыть кражу из Кремля:

Из святыни Руси — иконы Владимирской Божьей Матери, хранящейся в Успенском соборе злоумышленник выковырял и похитил несколько драгоценных камней, в том числе уникальный изумруд величиной со спичечную коробку. Говоря сегодняшним языком, данное преступление стояло на контроле у самого государя императора. И раскрытие его стало делом чести для начальника сыскной полиции. Задержать вора Кошко удалось, но драгоценностей при нем не обнаружили. Вместо того, чтобы немедленно начать допрос злоумышленника и вытрясти из него душу, Аркадий Францевич прежде всего позаботился о задержанном. Поскольку тот был голодным и поистрепавшимся, Кошко начал с того, что привез для него одежду своего старшего сына. Вора помыли и переодели. А потом еще и накормили, заказав еду в ближайшем ресторане. Перед таким обходительным отношением похититель не смог устоять, он добровольно выдал драгоценности, а потом на суде в своем последнем слове заявил:

— Одно могу сказать, господа правосудие, что ежели бы не господин Кошкин, то не видать бы вам бруллиантов!..

Аркадий Францевич раскрыл немало сложных и жестоких преступлений. Но, может быть, самым веселым из его дел стало такое:

ПСИХОПАТКА

В приемной, при Московской сыскной полиции, был вывешен, по моему распоряжению, плакат, в котором говорилось, что начальник сыскной полиции при принимает по делам службы от такого и до такого-то часа, а в случаях, не терпящих отлагательства, — в любой час дня и ночи.

Однажды, как-то ранней весной, я засиделся в служебном кабинете до позднего вечера, разбираясь в ряде срочных дел, как вдруг, около полуночи, слышу, подкатывается к управлению автомобиль, и вскоре дежурный чиновник докладывает:

— Господин начальник, там какая-то дама в трауре желает непременно вас видеть.

— Меня? В такую пору?

— Да, я ей предлагал в общем порядке сделать заявление, но она, указывая на плакат, говорит, что дело не терпит отлагательства, и непременно желает обратиться к вам лично.

Я с досадою пожал плечами:

— Ну, что же, зовите.

Ко мне в кабинет вошла еще не старая женщина, довольно миловидная, вся в черном, с крепом на голове и, подойдя к столу, упала в кресло. Закрыв лицо платочком, она, слова не говоря, принялась рыдать.

— Бога ради, сударыня, успокойтесь, не волнуйтесь и расскажите, в чем дело?

Барыня продолжала рыдать, и вскоре у нее началась икота, нервный смех, словом, все признаки истерики. Я поспешно предложил стакан воды и, дав время успокоиться, снова спросил:

— Скажите, что случилось?

— Ах, мое горе безгранично, я так потрясена.

— Я вас слушаю, сударыня, говорите.

— Господин начальник, у меня пропал кот Альфред!..

Я от неожиданности разинул рот, вытаращил глаза, а в душе поднялась волна негодования.

«Ах ты, дурища этакая!..» — подумал я, но не успел произнести слова, как моя странная посетительница трещала безудержно, безнадежно, не переводя дыхания

— Да, господин начальник, чудный, дивный, несравненный сибирский кот, с такими зелеными глазницами и огромными, пушистыми усами, — и дама, вы таращив глаза и надув щеки, постаралась изобразить всю красоту пропавшего кота.

— Послушайте, сударыня, неужели вы думаете, у меня есть время заниматься подобными пустяками. Сделайте ваше заявление в моей канцелярии, и меры розыску вашего животного будут приняты.

— Ах, как вы можете, господин начальник, называть постигшее меня горе пустяками!.. Хороши пустяки, когда я не ем, не сплю и лишилась покоя. да знаете ли вы, что Альфреда моего я любила больше мужа больше жизни (тут дама истерично взвизгнула), да и как можно было не обожать его? Ведь это был не только красавец, но и удивительный ум. Ах, господин начальник, до чего он был умен! Скажешь ему, бывало, Альфред, прыг мне на плечо, и он тотчас же, изогнув грациозно спину и взмахнув хвостом, делал тигровый прыжок и оказывался моментально на плече!..

— Послушайте, сударыня, — начал было я, но она перебила:

— И заботилась же я, г. начальник, о моем милом котике! Я не только внимательно следила за его желудком, но и стремилась предугадывать все его желания.

Дама опять заплакала.

— Так, может, его никто и не крал? — сказал я, сдерживая улыбку. — А он просто покинул вас и бродит сейчас где-нибудь по крышам. Не забывайте, сударыня, ведь март месяц!

Моя собеседница презрительно на меня поглядела и, пожав плечами, сухо, но с достоинством промолвила:

— Мой Альфред никогда подобной подлости не сделал бы.

Я нажал кнопку и вызвал в кабинет агента Никанорова.

При Московской сыскной полиции имелся так называемый летучий отряд из 40 примерно человек. В него входили специалисты по разным отраслям розыска. В нем имелись: лошади, коровники, собачники и кошачники, магазинчики и театралы — названия, происходящие от сферы их деятельности. Для читателя такое подразделение покажется, быть может, и странным, жду тем оно необходимо, так как, во-первых, кражи резко отличаются друг от друга способами их выполнения, а во-вторых, места сбыта ворованного различны. Следовательно, весьма важно иметь постоянных агентов, специализирующихся каждый в своей области.

Вызванный мною Никифоров был кошачником и собачником и проявлял недюжинные способности в своем деле. Словно сама природа создала его для этого амплуа. Даже в его

внешности было что-то собачье: сильно вывернутые ноги, как у таксы, манера склонять зову набок, прислушиваясь, и способность при волнении заметно шевелить ушами.

Описав приметы пропавшего кота, я приказал Никифорову, особенно на этот раз, постараться.

После долгих слез, заклинаний и мольбы дама, наконец, отпустила мою душу на покаяние, и, вернувшись домой, я, утомленный, крепко заснул.

Во сне я видел Альфреда.

На следующее утро, едва усевшись в своем кабинете, я был потревожен Никифоровым, вошедшим ко мне большим узлом в руках.

Альфред был найден!

Когда я на письменном столе развязал узел, то нем оказался действительно очаровательный сибирский кот, каковой, изогнув колесом затекшую спину, принялся разевать розовый ротик и беззвучно мяукать.

— Куда прикажете его деть? — спросил Никифоров

— Да посадите пока в свободную камеру, но не забудьте закрыть окно.

— Слушаю, г. начальник.

Я позвонил даме по телефону, прося явиться за найденным Альфредом. В трубку я услышал лишь задушевный крик.

Через четверть часа она примчалась на автомобиле и, сияющая, ворвалась ко мне в кабинет.

— О, благодарю, благодарю вас, господин начальник!.. Недаром же я обратилась именно к вам! Я знала, что нет для вас невозможного. Неужели, неужели мой Альфред найден?! — и она крепко потрясла мне руку. — Но где же он?

— Сейчас вам его принесут. Он посажен в камеру.

— О!.. В камеру!.. Господин начальник!.. — укоризненно протянула она.

— Не мог же я его хранить на сердце, сударыня?!

— Конечно, ну, а все-таки!..

Трудно описать дикую радость ее, когда появился Никифоров, любовно неся в руках Альфреда. Слез умиления, безумные поцелуи, тискание, прижимание к сердцу. Альфред тут же проявил свой недюжинный ум и явно признал хозяйку.

— Г. начальник, разрешите мне поблагодарить вашего дорогого, милого, симпатичного Никифорова?

— Пожалуйста, сударыня, я ничего не имею...

Каково было мое удивление, когда она вынула пятисотрублевую бумажку, прося передать ее Никифорову.

— Нет, нет, сударыня, такой суммы я принять не позволю: вы избалуете мне людей. да, наконец, же вы хотите, чтобы завтра же Альфред ваш опять исчез? Нет, не вводите людей в искушение.

Наконец уговорились на 100 рублях, и обрадованный Никифоров, получив столь неожиданную награду долго и упорно шевелил в этот день ушами.

В губернских и уездных городах сыскные отделения создавались позже нежели в столичных и, надо сказать, что это дело шло с изрядным скрипом. Например, одну такую историю рассказывает уральский писатель Виктор Воробьев в своей книге «Легенды свердловского сыска». Вкратце суть ее такова:

Екатеринбургский полицмейстер Ключников вышел из чинов наружной полиции и с изрядным скептицизмом относился к возможностям сыска. Он был убежден, что главная фигура в полиции — это квартальный, и всегда отстаивал свое мнение. Поэтому предложение Сушинского о создании в Екатеринбурге сыскного отделения встретил без особого энтузиазма и стал говорить варшавянину, что вряд ли приезжие сыщики сумеют проявить себя в Екатеринбурге, поскольку местный преступный мир сразу выявит чужака.

— Позвольте моим коллегам немедленно продемонстрировать свои профессиональные навыки, — предложил Сушинский.

Ключников кивнул. Варшавянин вышел и тут же вернулся в сопровождении двух молодых людей весьма представительного вида. Черноусые, с модными бакенбардами, одетые во фраки они производили впечатление завсегдаев великосветских столичных салонов. У Ключникова даже мелькнула мысль не проверяющие ли это из столицы. Но Сушинский поспешил представить визитеров:

— Полицейские надзиратели Люблинского сыскного отделения Иван Эрет и Александр Жидков.

— Манеры поведения у вас, господа, отменные. Ни дать, ни взять — чиновники из высших государственных сфер. За полицейских надзирателей я бы вас никогда не принял, — отметил Ключников. — Но сможете ли вы сойти за своих среди простонародья?

Эрет и Жидков вышли из кабинета, а вскоре вернулись совсем в другом обличьи. Теперь их можно было принять не за чиновников, а за извозчиков, половых или даже за не совсем опустившихся бродяг.

— Я поражен! — улыбнулся Ключников, и тут же добавил: — Но буду поражен еще более, если вы поможете нам поймать банду «Пиковый валет»

Вскоре городская управа разместила временное сыскное отделение в арендованном у домовладельца Александрова помещении, так называемых «Александровских номерах», располагавшихся на берегу реки Исеть у каменного моста по Покровскому проспекту (ныне ул. Малышева, дом не сохранился). Сыщики приступили к работе с июня, но очень быстро проявили свой высокий профессионализм. Ими был раскрыт ряд весьма серьезных преступлений.

Криминогенная ситуация в Екатеринбурге была в те годы весьма непростой. По городу, наводя страх на обывателей, ползли слухи о дерзких бандах с громкими названиями. «Рыцари кинжала», «Серые волки», «Таежные братья», «Пиковые валеты». И слухи эти отнюдь не были беспочвенными. Однако при участии появившегося сыскного отделения полиции удалось взять ситуацию под контроль. По преступности был нанесен серьезный удар и развеяны многие мифы об ее силе. Так, уже через две недели, как сыщики приступили к работе, они сумели выйти на след членов банды «Пиковый валет», которыми оказались учащиеся Шадринского реального училища. Приезжая в Екатеринбург на короткое время, они совершали преступление, а потом отбывали в Шадринск. Потому и долгое время оставались неуловимы. Задержанные безусые юнцы отнюдь не напоминали тех громил, которых рисовала людская молва и воображение напуганных обывателей. А ликвидация банды «Пиковые валеты» благотворно повлияла на настроения в городе. Через некоторое

время сыщикам удалось справиться и с еще одной бандой — «Рыцари кинжала», которую организовали беженцы с оккупированной территории. Их главарь, узнав, что им серьезно интересуется полиция, покончил жизнь самоубийством. Хорошая работа сыщиков заставила Ключникова пересмотреть свои взгляды на создание в Екатеринбурге постоянного сысского отделения. Из скептика он превратился в поборника этой идеи.

25 октября 1916 года на экстренном заседании Городской Думы было обсуждено ходатайство Екатеринбургского полицмейстера Н. О. Ключникова «об оставлении навсегда в городе сысского отделения». В своем докладе полицмейстер отметил: «Всем известно, что в Екатеринбурге кражи и другие преступления, нередко очень дерзкие, составляют очень частое явление. Борьба с преступлениями для чинов наружной полиции, преобремененных другими обязанностями, стала непосильна. Это осознало и высшее Российское правительство, сформировав в Екатеринбурге временное сысское отделение. Несмотря на то, что последнее функционировало всего лишь около 3 месяцев, польза от его деятельности проявилась с первых же дней. За это время все большие кражи и другие важные преступления были раскрыты, много профессиональных преступников задержано и заключено в тюрьму, благодаря чему число преступлений резко сократилось».

ВЕТРЫ РЕВОЛЮЦИИ С ДОЖДЕМ ИЗ ПУЛЬ И ГРАДОМ ИЗ БОМБ

Вторая половина XIX века в России ознаменовалась брожением умов и ухудшением криминогенной ситуации, вследствие новых политических веяний. Появилось несколько организаций, члены которых, уверовав в идеи социалистической утопии, не желали удовлетворяться плавным течением либеральных реформ и стремились разом в одночасье разрешить все социальные проблемы государства. Увы, путь для этого они выбрали разрушительный. Экстремистски настроенные анархисты и народники подняли в стране волну террора. Власти попытались подавить ее путем репрессий, но это только усилило конфронтацию в обществе. Негативную роль сыграл в то время процесс над Верой Засулич. Под овацию публики она была оправдана судом присяжных после покушения на петербургского градоначальника Ф. Трепова. Революционеры решили, что народ сочувствует террору.

После выстрела Засулич по стране прокатилась волна террористических акций. Казни причастных к ним революционеров только подлили масла в огонь. Весьма показательна в этом плане настоящая охота, развязанная народовольцами на царя-освободителя Александра II. Первое известное покушение на священную особу монарха устроил член тайного общества «Организация» Каракозов 4 апреля 1866 года у ворот Летнего сада. Через год 25 мая 1867 г. его примеру последовал поляк Березовский. В Париже он подстерег следовавший через Булонский парк экипаж, в котором находились императоры России и Франции, и выстрелил по нему. Двуствольный пистолет его разорвало от слишком сильного заряда, а при этом уклонилось и направление пули. В результате была ранена лошадь шталмейстера, сопровождавшего экипаж. Потом в Александра II стрелял член организации «Земля и воля» Соловьев. 2 апреля 1879 г. во время прогулки царя на Дворцовой площади он бросился на него с револьвером. В тот раз Александр II также не пострадал, зато был ранен подоспевший полицейский.

Потом народовольцы дважды закладывали мины под железнодорожные рельсы, подкарауливая царский поезд. Один раз взрывной механизм не сработал, в другой — был

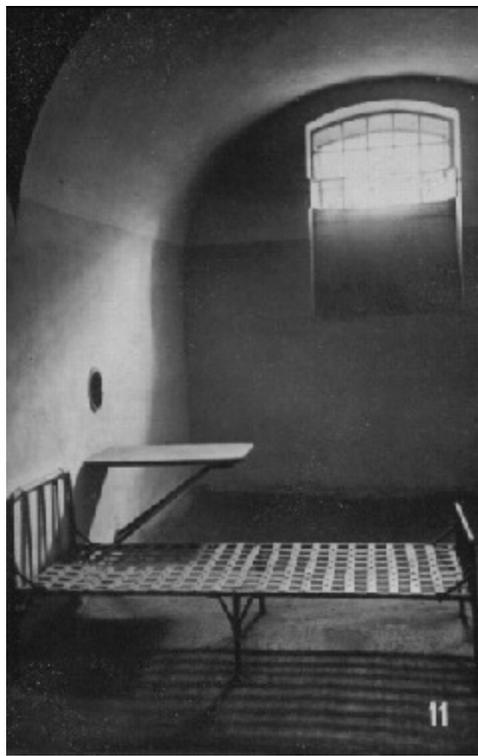
пущен под откос не тот поезд. 5 февраля 1880 г. народоволец Халтурин заложил огромный заряд динамита под царскую столовую в Зимнем дворце. От взрыва погибло 8 солдат.

Положить конец кровавой войне между властью и революционерами попытался новый министр внутренних дел Михаил Лорис-Меликов. Причем, через неделю после назначения в феврале 1880 г. и на него было устроено покушение. По инициативе Лорис-Меликова было снято несколько непопулярных в народе министров, ограничена цензура и расформировано Третье отделение, которое особенно усердствовало в проведении репрессий против революционеров. Под руководством министра внутренних дел начала разрабатываться программа либеральных реформ на ближайшие годы. Однако претвориться в жизнь этим реформам было не суждено. Народовольцы не желали останавливаться и достигли таки своей цели.

1 марта 1881 г. в третьем часу пополудни Александр II возвращался во дворец. Когда он со свитой выехал на Екатерининский канал, раздался взрыв. Карету царя тряхнуло и окутало дымом. Кучер прибавил ходу, но Александр велел остановиться. Выбравшись наружу, он увидел двух окровавленных казаков и корчившегося от боли мальчика, случайно оказавшегося рядом. Поодаль стоял задержанный прохожими бомбист. Александр склонился над затихшим мальчиком, перекрестил его и пошел к отъехавшему экипажу. Вдруг — опять словно выстрел из пушки, густое облако дыма. Дым рассеялся, и те, кто остался жив, увидели около двадцати окровавленных тел, царя, прислонившегося к решетке канала, в разорванной шинели и без ног, а напротив него — в таком же состоянии его убийцу Гриневицкого. «Во дворец.....Там — умереть.....», — еле слышно сказал Александр II. Через час с небольшим он скончался в своем кабинете в Зимнем дворце.

Столь яростная охота на Александра II, получившего от народа прозвище «Освободитель», даже во времена коммунистической идеологии выглядела малопонятной. Во многих сложных ситуациях император Александр проявлял себя как мудрый и справедливый правитель. Например, в истории со студенческими волнениями.

В 1861 году был введен запрет на студенческие сходки, упразднили студенческую кассу и резко сократили число освобожденных от платы за учебу. Возмущенные «реформами» студенты вышли на улицы, где их уже поджидали наряды полиции во главе с петербургским генерал-губернатором Павлом Николаевичем Игнатьевым. Ночью были проведены аресты, а утром перед зданием Университета собралась огромная толпа, требующая освободить арестованных. Игнатьев приказал подтянуть войска, и в короткий срок ему удалось превратить Университет в арену военных действий. Последовали новые аресты, Петропавловская крепость была забита студентами, что дало кому-то повод написать на ее стенах «Санкт-Петербургский университет». Студенты стали подчиняться исключительно городской полиции, и даже стипендию им выдавала полиция. Ситуация накалялась, и Александру II пришлось прервать отдых в Крыму и вернуться в Петербург. Он вернулся и сразу же уволил генерал-губернатора и министра народного просвещения с занимаемых должностей. (с сайта «Наши Путеры»)

* * *

Трудно даже с высоты сегодняшних лет разобраться во всех перипетиях революционного движения и борьбы власти с ним. Цари, помещики и олигархи-фабриканты пили и гнобили народ, народ пил и покорно гнул спину на них, а вольнодумцы безжалостно проливали чужую кровь ради идеалов Свободы и Равноправия. Как всегда правда лежит где-то посередине. И, может быть, наилучшее свое отражение она нашла в устном народном творчестве, которое отнюдь не осталось в стороне от революционного брожения умов.

Вот лишь несколько его образчиков:

17 ноября 1886 года в Петербурге состоялась «добролюбовская демонстрация», посвященная двадцатипятилетию со дня его смерти. К толпе студентов, двигавшейся от Волкова кладбища в сторону Невского проспекта, подъехал полицейский генерал Грессер. Он вышел из экипажа и вступил в переговоры со студентами передних рядов. Среди них был студент-технолог в старой выцветшей фуражке, который с насмешкой слушал генерала и курил дешевую папиросу. Грессер укоризненно заметил ему:

— Вам бы, молодой человек, следовало немножко постесняться меня и не курить в моем присутствии!

Студент спокойно ответил:

— Ну, полноте! Я не стесняюсь даже своих товарищей и курсисток, чего же мне стесняться незнакомого полицейского?

Грессер побагровел от злости, но промолчал, так как одному вызывать раздражение студенческой толпы было небезопасно.

* * *

Во время «добрлюбовской демонстрации» некоторые из студентов негодовали:

— В России даже Богу молиться не позволяют.

Один из городских на это укоризненно заметил:

— Ах, господа, господа! Вам ли о Боге говорить!

* * *

Два афоризма одного полицейского

Один помощник пристава во время обыска обнаружил статью Л. Н. Толстого «Неужели это так надо?» и увлекся ее чтением. Через некоторое время он отдал статью руководившему обыском жандармскому офицеру со словами:

— Какой, однако, Толстой односторонний человек!

Он же однажды так отозвался об одном революционере:

— Сергей Андреевич — большой идеалист, он даже у нашего брата хочет душу найти!

* * *

1 марта 1887 года по старому стилю на Невском проспекте были арестованы несколько студентов, у которых в толстых книгах были вделаны динамитные шашки для покушения на императора Александра III. Через несколько дней после этого на Невском был замечен студент с толстой книгой под мышкой, который лениво прогуливался. А как раз в это время ожидался проезд императора. Полицейские скрутили подозрительного студента, не обращая внимания на его протесты, и, дав ему несколько подзатыльников, отвели в отделение. Там ему велели раздеваться для обыска, ничего подозрительного не нашли и стали перебирать его вещи. Разбирая его документы, начальник отделения Сикиринский понял, что арестовали сына статс-секретаря Островского. Перед студентом извинились ипустили его домой, но тот стал горячиться и потребовал, чтобы его отвели к Грессеру, который бывал у его отца в гостях.

Грессер не мог понять, чего тот добивается, и любезно спросил его:

— Чем вы, собственно недовольны?

Тот возмущенно говорит:

— Помилуйте, меня оскорбили, меня связали, меня били, наконец!

Грессер объясняет:

— Но ведь вас приняли за злодея.

Студент все еще горячится:

— Мне от этого не легче. За кого бы меня ни приняли, все же не следовало надо мной издеваться.

Грессер все еще любезен:

— Но, дорогой мой, ведь сыщики — не джентльмены. На такую должность, сами понимаете, порядочный человек не пойдет. Но постойте, я дам вам удовлетворение. Позвать агентов, арестовавших господина студента!

Когда явились смущенные сыщики, Грессер покрыл их отборным матом, а потом спросил у студента:

— Ну, вы довольны?

Студент все горячится:

— Помилуйте, ваше превосходительство, чем же я могу быть доволен?

Грессер пожал плечами:

— Ну, знаете, больше я ничего не могу сделать!

Сын статс-секретаря идет домой и жалуется своему отцу, который тоже возмущается и едет для объяснений к Грессеру:

— Помилуйте, это Бог знает что. Хватают среди бела дня ни в чем неповинного человека...

Грессер перебивает его:

— Ну, знаете, тоже и ваш сын... В такое время и прогуливается по Невскому... в студенческой форме и с толстенной книгой под мышкой...

Сановник изумился:

— С чем же должен, по-вашему, ходить студент? С пирогами, что ли?

Грессер только пожал плечами.

* * *

Писатель Андреев-Бурлак однажды ночевал в переполненной губернской гостинице. А было это во время многочисленных покушений на императора Александра II. Утром он был разбужен тем, что кто-то возился под его кроватью. С испугом он спросил:

— Что такое?

Из-под кровати вылез дворник с двумя мятыми флагами и недовольно пробурчал:

— Вишь, флаги велели вывешивать! Опять промахнулись!

* * *

Но, конечно же, более наглядное представление о той или иной ситуации дают не анекдоты, а исторические книги и документы. Лично мне нравится как сумбур российского революционного движения описывается в книге В. Пикуля «На задворках великой империи». Вроде бы все хотят как лучше, а от этого всем только хуже. Драматизм и идиотизм одновременно. Любопытно, что одни из наиболее привлекательных персонажей в этой книге: полицмейстер Чикolini и губернский жандарм Суцев-Ракуса. Первый гибнет незадолго до пенсии от бомбы оставленной некими бандитами после ограбления магазина, а второй сам сводит счеты с жизнью.

* * *

По роду службы в таинствах мыслей и поступков российских нигилистов, предшественников профессиональных революционеров, пытались разобраться жандармы. И приходили при этом к неожиданным выводам:

«Русский нигилист соединяет в себе западных: атеиста, материалиста, революционера, социалиста и коммуниста. Он отъявленный враг государственного и общественного строя; он не признает правительства. Это не мешает ему однако пользоваться, где и на сколько можно, тем самым правительством, под которое он подкапывается. Для мужчин казенные стипендии в высших учебных заведениях, казенное жалованье в гражданской службе, должности преподавателей в казенных училищах; для женщин места акушерок, служба по телеграфному ведомству, или хоть аттестат с приложением казенной печати на звание гувернантки, — вот те материальные средства, коими преимущественно питается нигилизм в России. Отнятие этих материальных средств, совершенно справедливое со стороны правительства, было бы для нигилизма сильнейшим подрывом, быть может даже решительным ударом». *(ИЗ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО ОТЧЕТА III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ И КОРПУСА ЖАНДАРМОВ ЗА 1869 ГОД)*

Однако нигилисты вскоре стали вспоминаться как безобидные вольнодумцы, когда на смену им пришли более агрессивно настроенные борцы за свободу. Они спланировали законспирированные организации, вооружались и сражались за свои идеалы уже не только словом. При этом готовы были практически на все.

Например, членам некоей такой организации под названием «Ад» предписывалось обязательно сделаться пьяницами и развратниками, чтобы отвлечь всякое подозрение, что они держатся каких-либо политических убеждений. А еще у каждого члена этой организации всегда должен быть готов для отравления яд. «Ад» планировал покушение на Государя Императора. Исполнитель должен был обезобразить себя и иметь во рту гремучую ртуть, чтобы, совершивши преступление, раскусить ее, убить тем самым себя и изуродовать лицо, чтобы не быть узнанным. В кармане его должны находиться прокламации, объясняющие причины преступления и требования «Ада». К числу адовцев относился кстати Каракозов, только он не стал травить себя ядом после неудачного покушения на Александра II.

* * *

Не только царь, но и любой полицейский был потенциальной мишенью революционеров. В архивах сохранилось донесение агента охраны об одном подпольном совещании, на котором революционеры на полном серьезе обсуждали, что для поддержания боевого духа в ячейках нужно «мочить в сортирах» полицейских. И только лишь один из участников совещания запротестовал против такого решения. Мол, господа хорошие, негоже убивать человека лишь из-за того, что он носит мундир. Тогда нашли компромисс и решили, что городовых пока «не мочить», но разослать прокламации, чтобы все они увольнялись со службы, а иначе будут объявлены врагами народа и одновременно убиты на своих постах.

А в целом складывается впечатление, что настроения в народе по поводу полицейских были как в анекдоте: «Так и быть, хороших полицейских будем хоронить в хороших гробах, а плохих — в плохих».

Вот как убивали урядника всего лишь за проведение обыска.

ДОНЕСЕНИЕ ПОМОЩНИКА НАЧАЛЬНИКА МИНСКОГО ГУБЕРНСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ОБ УБИЙСТВЕ
УРЯДНИКА А. ЧЕРНЯКА

16 января 1906 г.

Секретно

Доношу, что 7-го января сего года, в 12 часов дня, в местечке Холмеч, Речицкого уезда, Речицкий мещанин Александр Волоткович и крестьянин села Тульгович Степан Окуненко принадлежащие к партии социал-революционеров убили урядника местечка Холмеч Алексея Черняка, убийство произошло при следующих обстоятельствах: урядник с женою шел из церкви и увидев собравшуюся толпу крестьян предложил разойтись. Из толпы вышел мещанин Володкович и Окунев, которые начали укорять урядника за то, что он совместно с Приставом произвел обыск у первого. По окончании угроз Володкович выстрелил в урядника; раненный урядник начал кричать о помощи, а затем видя, что помощи никто не подает скрылся в доме Помощника акцизного Надзирателя Перепечи. Вскоре к дому Перепечи под предводительством выше названных лиц явилась вооруженная толпа человек в 60 и начали ломать двери и окна. Урядник вырвал раму и выскочил в сад. Толпа догнала его и расстреляла из револьверов и ружей. Затем вооруженная шайка направилась к квартире урядника, разгромила последнюю, уничтожив все вещи и одежду и забрала около 150 рублей казенных и собственных урядника денег. Володкович и Окунев скрылись. Задержано 9 человек, производится полицейское и негласное дознание.

Ротмистр Нартов

* * *

В этой связи любопытно спокойствие, с которым министр внутренних дел Д. С. Сипягин реагировал на панические запросы с мест о том, как вести себя при возникновении массовых беспорядков. Дмитрий Сергеевич отвечал: «При внимательном, разумном и строгом отношении к делу надлежащих властен уличные беспорядки иметь места не должны». Не должны, не должны... А в апреле 1902 года сам погиб от рук террористов.

И вот еще один документ, дающий представление о той эпохе:

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ЛИЦАХ, ПОСТРАДАВШИХ ПРИ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТАХ С ФЕВРАЛЯ 1905 г. ПО МАЙ 1906 г.

ноябрь 1906 г.

Вследствие резолюции Вашего Высокопревосходительства относительно проверки помещенных в «Практическом Враче» числовых данных об убитых и раненых при

террористических покушениях с февраля 1905 г. по май 1906 г., имею честь доложить, что, на основании отзывов местных властей, числовые данные по сему предмету представляются в следующем виде:

Генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников	— 8
Вице-губернаторов и советников губернских правлений	— 5
Полицимейстеров, уездных начальников и исправников	— 21
Жандармских офицеров.....	- 8
Генералов (строевых).....	- 4
Офицеров (строевых).....	- 7
Приставов и их помощников.....	- 79
Околоточных надзирателей.....	- 125
Городовых.....	— 346
Урядников.....	- 57
Стражников.....	- 257
Жандармских нижних чинов.....	- 55
агентов охраны.....	- 18
Гражданских чинов.....	- 85
Духовных лиц.....	- 12
Сельских властей.....	- 52
Землевладельцев.....	- 51
Фабрикантов и старших служащих на фабриках.....	- 54
Банкиров и крупных торговцев.....	- 29
Всего: 1273	

Можно добавить к этой статистике еще и две тысячи экспроприаций — разбойных нападений для пополнения революционных касс.

* * *

Конечно власть не сидела сложа руки и в меру своих сил и возможностей пыталась бороться с террористами. В конце XIX века появились внесудебные органы, наделенные правом карать за политические преступления. Губернаторам разрешили принимать решения о применении смертной казни в отношении террористов. За два десятка лет высшей мере наказания было подвергнуто около двух с половиной тысяч революционеров. Как тут не вспомнить о страшной мести Ленина за казненного брата.

Когда революционное движение начало приобретать угрожающие размеры, в жандармском департаменте произошел раскол. Молодое поколение политического сыска активно начало внедрять новые формы и методы работы. Их главным козырем стало внедрение провокаторов в политические организации. На первых порах это принесло большой успех. Например, полностью была ликвидирована такая мощнейшая организация как «Народная воля». Благодаря Азефу и другим агентам охранки почти два года все теракты заканчивались неудачами.

В этой связи можно привести один довольно любопытный пример:

14 января 1906 года Минский губернатор П. Г. Курлов телеграфировал царю Николаю II:

«Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что сего числа в 12 час. дня, когда я с офицерами местного гарнизона выносил из кафедрального собора гроб скончавшегося Начальника местной бригады Генерал-Майора Курча, неизвестным злоумышленником из толпы была брошена бомба, оцарапавшая мне голову и безвредно упавшая к моим ногам. Счастлив, что по воле Божией могу продолжать служить своему Государю. Соучастница задержанного злоумышленника несколько раз стреляла в Полицмейстера, у которого прострелен воротник пальто и мундира. Полицмейстер невредим. Оба преступника задержаны».

Радость счастливого избавления от смерти камергера императорского двора Курлова сквозит сквозь строки телеграфного текста. Только брошенная в него бомба и не могла взорваться. Просто эта история имеет еще и предысторию, известную только узкому кругу жандармских офицеров.

Незадолго до описанного происшествия некая Жученко, агент московского Охранного отделения, сообщила своему начальству, что революционной организацией поручено ей доставить бомбу в Минск для покушения на минского губернатора Курлова, и просила дать указания, как ей быть. Начальник отделения полковник Климович и его помощник фон-Коттен решили, что бомбу она должна отвезти по назначению, но в таком виде, чтобы та не могла взорваться. Фон-Коттен, бывший артиллерист, сам вынул детонатор из бомбы, после чего Жученко отвезла ее в Минск.

Уровень работы политического сыска в России до революции и ныне считается очень высоким. Революционеры еще только о чем-нибудь подумают, а жандармы уже об этом знают. И благодаря тонкой их оперативной работе удалось предотвратить немало терактов. Тем более, что российские террористы тоже были не лыком шиты. Например, до идеи использования при терактах самолетов члены нашей партии социалистов-революционеров додумались почти за сто лет до авиационной атаки на нью-йоркские небоскребы. Они даже прикупили за границей аэроплан, который планировали по частям в разобранном виде переправить в Финляндию. Но вездесущая жандармская агентура вовремя прознала про это и доложила куда следует. А то, кто знает куда бы социалисты-революционеры направили свой самолет.

Однако позже система провокаторов разъезла и саму жандармскую среду. Наиболее ярко это выразилось при убийстве Столыпина.

НАЧАЛО XX ВЕКА — НЕВЕСЕЛАЯ ПОРА

Начало XX века ознаменовалось в истории России цепью различных катаклизмов, катастроф и маленьких трагедий после которых, революция и свержение царя виделось желанным избавлением от самодержавия и поначалу воспринималось, как праздник. Увы, но большинство этих печальных событий были неразрывно связаны с именем последнего русского царя Николая II. Его трагическая гибель словно бы подвела черту под чередой несчастий, потрясавших Россию все его правление, и в то же время открыла новую еще более

кровавую и трагическую страницу в истории нашего государства.

Как известно правление последнего русского императора началось с Ходынки, страшной трагедии, унесшей тысячи жизней. А ведь судьба России могла сложиться совсем по другому сценарию. Окажись чуть крепче рука у японского полицейского Тсуда Сацо и не было бы в наших учебниках истории ни Николая II, ни Ходынки, и, возможно, Октябрьской революции.

Вот как описывает эту историю Валентин Пикуль в своем романе «Нечистая сила»:

Весной 1891 года русская эскадра доставила в Японию трех великих князей. Николая Георгия Романовых, а также королевича Георгия, сына греческой царицы Ольги, русской происхождения. Высокие гости отправились на экскурсию в сопровождении японского принца Арисугава. Осмотрев древности Киото, они на рикшах въехали на узкие улочки Оцу, шириной всего восемь шагов. Безопасность кортежа обеспечивали японские полицейские, стоявшие вдоль стен домов. Среди них находился и самурай Тсуда Сацо. Едва рикша с цесаревичем Николаем поравнялся с ним, Сацо выхватил двуручный меч и с первого же удара рассек котелок на голове наследника российского престола. Со второго удара из-под сабли брызнула кровь. Греческий королевич Георгий бросился на помощь кузену и с одного удара нокаутировал самурая.

Любопытно как в России отреагировали на покушение на наследника престола. Вместо того, чтобы топтать ногами японские флаги народ разразился памфлетом:

Приключением в Оцу опечален царь с царицею,
Тяжело читать отцу, что сынок побит полицией.
Цесаревич Николай, если царствовать придется,
Ты смотри, не забывай, что полиция дерется!

Раны Николая не представляли опасности для жизни, и вроде бы даже избавили цесаревича от головных болей, мучивших его с детства. Но кто знает, не стала ли война с Японией и огромные жертвы, понесенные при обороне Порт-Артура и в Цусимском сражении, последствием именно того удара самурайского меча.

* * *

А вообще, какие-то грустные впечатления навеивает Россия начала XX века. Ощущение такое, что птица счастья постоянно облетала эту страну стороной. Кажется, что ни один человек, к какому бы классу или сословию он не принадлежал, не чувствовал удовлетворения от простых житейских радостей. Все за что-то боролись, все ждали перемен, а когда они наступали, то от этого становилось только хуже.

Страну то и дело будоражили различные потрясения. То Кровавое воскресенье. То улицы, перегороженные баррикадами. То грандиозные стачки и забастовки. И все это на фоне стремительного роста общеуголовной преступности. Погромы, экссы, насилие, грабежи стали обыденным явлением. К крови на мостовых привыкали постепенно, оттого, может быть, она никого не остановила в 17-м году.

Конечно была и другая Россия. Пока еще богатая держава, способная противостоять любой стране мира. Ее граждане без проблем мотались по всему свету, сорили деньгами в парижских и лондонских магазинах. Красиво прожигали жизнь в отечественных кабаках, под цыганский хор катались на тройках с бубенцами, разговлялись блинами с икрой на масленицу и пропивались до нательного креста. И все же главная часть русских людей — душа постоянно болела. Болела за Отечество, которое каждый понимал по своему.

Кто-то кручинился от того, что батюшку царя окружают проходимцы и плохие советчики. Французский авантюрист Низьер Вашоль проводил ночи в царской опочивальне, под его чутким руководством монаршая чета пыталась зачать наследника. А когда глава заграничного отдела Тайной императорской полиции Петр Рачковский раскопал компромат на этого проходимца, то его самого выперли со службы без пенсии. Гришка Распутин вообще назначал и снимал министров, вплоть до премьеров.

Кто-то переживал за рабское положение трудового народа. А потом решительно вел его умирать на баррикады.

Кто-то беспокоился о солдатушках, бравых ребятах. А потом рукоплескал, когда их пачками бросали в топку Первой мировой войны.

А у полицейских, как всегда, болела душа за покой и благочиние в государстве. Только вот Государь император не очень-то радел о своих служивых людях. 10 лет работала комиссия А. А. Макарова, с 1906 года по 1916 год, для проведения необходимых реформ в МВД, но деятельность ее оказалась почти безрезультатной. Непреодолимым оказался вопрос об увеличении в три раза расходов на полицию, так как предполагалось, что увеличение жалованья полицейским приведет к необходимости повысить денежное содержание другим государственным служащим. Доводы о том, что «полицейская деятельность... наиболее тягостная из всех государственных служб, а по соединенной с нею опасности для полицейских чинов мало чем уступает военной службе», не были приняты во внимание.

От наплевательского к себе отношения со стороны властей среди стражей порядка все больше зрело недовольство. Даже в святая святых — в охранке, которая по определению считалась самой яркой защитницей самодержавия, деловые бумаги порой оказывались расцвеченными выражением тягостных собственных умонастроений. Вот цитата из одной жандармской служебной записки:

«Видать «один в поле не воин». Мы все перехворали, — но мы за всех сработать не можем: мы агентурируем, мы выслеживаем, мы арестуем, мы допрашиваем, мы тюремствуем, мы родным слезы вытираем, мы подштанники принимаем, мы на вокзал отправляем, мы официальную переписку ведем... Словом, за всех и за вся. Как отстранился, так скандал. За всеми учреждениями как нянька ходи, да своих дел не забывай. Право, в аду будет легче... Ах, если бы можно было только своим делом заниматься. А им приходится заниматься только между делом...»

Словом, все посторонние лица и учреждения существуют только для того, чтобы портить нами сделанное. Прокурор сваливает вину на Губернатора, последний на первого. Мы же — какой-то политический «Мюр и Мерилиз» — за всех и за вся. И это безо всякого просвета в будущем... Будь мы в состоянии сработать за Главное Тюремное Управление и Управление Российских железных дорог — давно бы все студенты сидели в местах ссылки. Но этого нельзя — и является призрак новых беспорядков. Удивительные беспорядки царят в земле Российской».

Ну а полиция и вовсе начинала фрондировать. И было отчего. Работа становилась все злей, опасней, а поддержки со стороны государства почти не чувствовалось. Действия террористов зачастую были направлены именно на сотрудников полиции. В 1902 был убит министр внутренних дел Сипягин, через год — его преемник на этом посту Плеве. Но в то время, когда в стране полыхал пожар так называемого «революционного террора», беспрестанной чередой шли забастовки и стачки рабочих, власть фактически бросила на произвол судьбы своих стражей порядка. В результате в рядах полиции все больше зрело недовольство своим положением. В некоторых городах околоточные надзирателя и другие полицейские чины сами собирались на тайные сходки и готовились к забастовкам. В Киеве по рукам ходили прокламации, отпечатанные на гектографе, подписанные «Киевская городская полиция». В них изливалась вся горечь и боль, накопившаяся у стражей порядка. Прокламация гласила:

«Тяжелые времена настали — всюду забастовки, всюду смуты, беспорядки. Бастуют студенты, служащие в Управлении железных дорог, фармацевты, наборщики, приказчики, ремесленники, рабочие, даже неслыханное дело: академисты и семинаристы забастовали, даже прислуга и та бастует. Всякий чем-то недоволен, чего-то хочет, чего-то добивается. Всякая забастовка, демонстрация и т. п. требует вмешательства полицейских чинов, жизнь и здоровье которых не всегда находятся в безопасности.

Теперешняя полиция заменила собою прежних опричников. Опричники, служа государю, были, правда, презираемы народом, но зато личность их была неприкосновенна, и они за свою службу пользовались всем необходимым в материальном отношении и ни в чем не нуждались. Теперешние же опричники, служа верою и правдою правительству, мало того, что почти нуждаются в куске — подвергаются со стороны политически неблагонадежных лиц опасностям...

Простому железнодорожному или мастеровому, получившему на работе увечье, присуждаются 3–4 тысячи рублей, околоточный же надзиратель, получивший ранения, лишаящие его не только трудоспособности, но даже и рассудка (например, Шрубович) получает 400 рублей. Разве это справедливо? До сих пор чины киевской городской полиции были верны своему долгу и несли свой крест с терпением и упованием на лучшее будущее, но надежды честных тружеников не сбылись. К нищете прибавился произвол начальства, бедность и трепет за жизнь»

Увы, власть не прислушалась к голосу «опоры и надежи государства» и фактически бросила своих стражей порядка на произвол судьбы. Такая власть обречена. В конечном итоге в 1917 году она рухнула. Но это случилось несколько позже. В 1905 году полиция ее защитила.

Можно по разному оценивать действия сотрудников внутренних дел в период первой российской революции, но ни в коей мере недопустимо выставлять их такими «душителями свободы». Да именно жандармы и полиция в основном занимались жестоким подавлением

рабочих выступлений. Но с другой стороны они остались верны присяге и честно выполнили свой долг. Хотя и сами понесли при этом немалые жертвы. Причем первые раненые среди полицейских чинов появились во время событий 9 января 1905 года, в так называемое «кровавое воскресенье». Залпами солдат были ранены сопровождавшие колонну демонстрантов помощник пристава поручик Жолткевич и один из околоточных надзирателей. Однако то было только началом.

Из справки департамента полиции о революционном движении в Москве в декабре 1905 г.: «Особенное озлобление мятежников было направлено на начальствующих лиц и чинов полиции, которых они решили истреблять всеми способами... В ночь на 10-е декабря, неизвестным злоумышленником, проезжавшим на лихаче, было брошено две бомбы в помещение, занимаемое в доме градоначальника охранным отделением. Взрывом их попорчен весь лицевой фасад здания и убиты дежурный полицейский надзиратель и двое служителей. Нападали революционеры и на отдельные управления полицейских участков, причем в 1-м Пресненском участке им удалось даже арестовать пристава и, ворвавшись в помещение участковой канцелярии, уничтожить деловую корреспонденцию, в остальных же местах они были отбиты».

Революция 1905 г. не прошла бесследно, она все же вынудила царя пойти на некоторые назревшие либеральные преобразования. Манифест 17 октября 1905 года, объявлявший политические права и свободы, учреждение законодательной Государственной Думы, давал надежду на некоторые преобразования в МВД, сулящие улучшение положения полицейских чинов. И в 1906 году по инициативе председателя Совета министров и одновременно Министра внутренних дел П. А. Столыпина стала готовиться реформа полиции. Поэтому намечалось освободить ее от выполнения функций, не связанных с борьбой с преступностью и охраной общественного порядка, и оградить от вмешательства в ее деятельность различных учреждений и ведомств. Планировалось «улучшить материальный быт полицейских чинов в связи с необходимостью увеличения штата и поднятия образовательного ценза полицейских».

Изыскивались меры для того, чтобы повысить «уровень доверия общества к полиции», поднять престиж полицейской службы. Ставился вопрос о полицейской этике, об учреждении в полиции судов чести, создания полицейских клубов. Повышение уровня образования, формирование новых морально-этических принципов деятельности полиции, по мнению П. А. Столыпина, были особенно важны в условиях перехода страны к конституционной монархии, когда еще не сложилась соответствующая политическая культура, «не выработаны определенные правовые нормы и поэтому центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях».

Увы, планам Столыпина не суждено было сбыться, они погибли вместе с ним.

Вообще, складывается впечатление, что насколько Екатерина II умела находить и приближать к себе людей талантливых, настолько Николай II отличался способностью находить и возвышать людей далеко не самых достойных. Пожалуй, только Столыпин стал ярким исключением из этого правила. Возможно, Петр Аркадьевич был для царя и всей России именно тем последним шансом не допустить революции, но ни император, ни общество не оценили этого.

Казалось, что на Столыпина давили одновременно и слева и справа, и сверху и снизу. Как-то на заседании Государственной Думы либералы упрекнули Председателя кабинета министров в излишней жестокости по отношению к рабочим, Петр Аркадьевич ответил им знаменитой фразой: «Вам нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия».

И те же самые либералы выражали, можно сказать, кровожадность, когда речь заходила о стражах порядка. Когда в Думе Столыпин привел данные о количестве раненых и убитых после событий 1905 года сотrudниках полиции, раздались многочисленные возгласы — «Мало!» В ответ Столыпин сказал, что для него полицейские — это «люди, свято исполняющие свой долг, любящие свою родину и умирающие на посту, как на войне».

* * *

Столыпин искренне хотел блага своему Отечеству. И не раз рисковал жизнью во имя высокой цели. Страшным испытанием для Петра Аркадьевича стал взрыв террористами взрыв его дома на Аптекарском острове. Погибло более 30-ти невинных людей и еще около

40-ка остались покалеченными. Большинство из них пришли в этот дом, с большим трудом добившись личного приема у председателя Совета министров. Столыпин остался невредим, но пострадали его дети. Он сам откапывал из-под обломков своего сына, а его 15-летней дочери оторвало ноги.

В. В. Шульгин в своих «Размышлениях» интересно описывает ситуацию после взрыва:

«Он еще не совершил ему предназначенного, и ангел жизни закрыл его от ангела смерти.

Но в высоком человеке, вышедшем из дымящегося хаоса, как некое белое приведение, сначала не узнали, кто он. С головы до ног он был покрыт саваном, как воскресший Лазарь. Но этот плащ, что его покрыв, был не саван, а густой слой известковой пыли.

Ему надо было умыться, воду принесли прямо из Невы; на берегу ее, на Аптекарском острове, стоял погибший дом. И тут произошло нечто символическое. Сбежавшаяся толпа кричала: Врача, врача!

— Я врач! — отозвался один господин, проезжавший на извозчике.

Увидев белое приведение, врач приказал: — Прежде всего, умыться!

И когда высокий человек умылся, врач подал ему полотенце. И тут они узнали друг друга. Врач понял, что перед ним глава Правительства, а Столыпин разглядел, что врач — доктор Дубровин, председатель Союза Русского народа.

Эволюции не хотели ни слева, ни справа. Дубровин был противник Столыпина справа. Левые ответили на эволюцию бомбами, а правые — ядовитыми стрелами, направленными против лозунга:

— Вперед на легком тормозе!»

* * *

И в этом же произведении В. Шульгин рассказывает о мужестве, с которым Петр Аркадьевич встречал любую опасность:

Человек этот был воистину мужественен. Когда он был Саратовским губернатором, произошли народные волнения. Губернатору доложили, что на какой-то площади собралась большая и угрожающая толпа. Он немедленно поехал туда без всякой охраны. Подъехав, вышел из экипажа и пошел прямо к бунтующему сборищу. От толпы отделились несколько

человек и впереди здоровенный парень с дубиной. Увидев его и поняв его намерения, губернатор повернул на него. И прочел в глазах парня, что он ударит. Но предупредил его. Губернатор не ударил, но сделал лучше. Он скинул с себя мешавшую ему меховую шинель и бросил ее парню.

— Подержи шинель!

Парень обалдел. Он хотел ударить губернатора дубиной, а тот приказал ему присмотреть за шинелью. Приказал как другу, как слуге, которому доверяют. И он, бросив дубину, занялся шинелью. А Столыпин обратился к взбунтовавшемуся народу со словами увещания. И народ его послушался, как и тот парень. Почему? Потому, что будущий властитель излучал духовную силу, правителям необходимую. Главная особенность этой силы — бесстрашие.

* * *

В это время авиация переживала еще детские болезни. Летать было не безопасно, летчики считались смелыми людьми. Столыпин приехал на аэродром проверить сделанные успехи. К нему сейчас же подошел молодой офицер.

— Ваше высокопревосходительство, не желаете ли прокатиться на моей машине?

Столыпин не успел ответить, как его отозвали в сторону по «безотлагательному делу».

— Ваше высокопревосходительство, ни в коем случае не соглашайтесь. Есть определенные сведения об этом офицере. Вам грозит великая опасность.

Выслушав это предупреждение, Столыпин вернулся к ожидавшему офицеру. Пристально и долго взглянув ему в глаза, Столыпин сказал:

— Летим.

Они полетели, вдвоем. Тысячи глаз следили за этим полетом. Но машина, сделав несколько кругов, благополучно опустилась на аэродром.

Все сошло хорошо. Но через три дня офицер, «прокативший» Столыпина, снова летая над аэродромом, без видимой причины выбросился с аппарата.

Его хоронили с красными лентами и пением: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Почему?

Потому что он был тайный революционер и ему было поручено убить Столыпина. У него не хватило на это духа. Но под градом упреков со стороны своих товарищей террористов он покончил с собой.

* * *

И вот наконец террористы достигли своего. 1 сентября 1911 года в Киеве Столыпин был смертельно ранен эсером Богровым, являвшимся по совместительству агентом охраны. О деталях происшествия рассказывается в заявлении социал-демократической партии от 15.10.1911 г.:

«1 сентября сего года убит в Киеве Председатель Совета Министров П. А. Столыпин.

Вся обстановка убийства и ряд обстоятельств, сопровождавших его, ясно указывающие на прикосновенность к этому убийству чинов охраны, приковали к себе общественное внимание, поразившее своею необычайностью, и еще раз в наиболее резкой форме поставили пред русским обществом вопрос о той системе управления, которая доминирует над всей общественной и государственной жизнью России и которая создавала и создает бесконечный ряд кровавых событий русской действительности.

Столыпин, создавший культ охраны, погиб от руки охранника, при содействии высших чинов охраны. При каких обстоятельствах совершилось убийство Столыпина — известно. Он убит Богровым, состоявшем на службе в охране, «агентом внутреннего освещения». Богров был вызван начальником Киевской охраны полковником Кулябко в Киев специально для охраны Столыпина, он получил входной билет в театр, где совершил убийство, от самого начальника охраны, с ведома других высших чинов охраны на киевских торжествах: Веригина, Спиридовича и Товарища Министра Внутренних дел Курлова, главного руководителя охраны. Там, где все было сосредоточено на охране, там, где на охрану было затрачено до миллиона рублей из государственного казначейства, там, где охраной непосредственно руководил сам Товарищ Министра Внутренних Дел Шеф жандармов, там чиновники охраны при содействии высших чинов охраны, якобы напрягающих все свое внимание на охране Столыпина, — Столыпин убит».

* * *

В 1914 году 1 мировая война для России началась с погрома магазинов, принадлежащих русским немцам. На третий день войны черносотенное буйство докатилось до Исаакиевской площади, где было разгромлено и сожжено германское посольство. Оставленный всеми привратник бежал на крышу здания и там был убит. К утру 5 августа жандармский полковник Сизов не без юмора докладывал министру внутренних дел Маклакову Н. А.: «Так что, Ваше Превосходительство, германцы начисто выгореть изволили». А вскоре в жертву Молоху войны были принесены миллионы жизней россиян.

Страна неумолимо скатывалась к пропасти революционных потрясений, а полиция вместо поддержки только то и получила, что жезлы для регулировки движения. Нынешние знаменитые полосатые палочки впервые в России появились в Санкт-Петербурге в 1907 году. А поскольку этот предмет очень часто в народном творчестве ассоциируется с фаллосом — символом мужского достоинства, то можно понять, что полиция получила от власти за верную службу. Понятно, что после этого такая власть была обречена.

НАСТАЛИ ВЕСЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

До краха монархии в России оставались считанные дни. Для народа настали веселые времена. Заводы стояли, толпы рабочих и солдат драли глотки на митингах, студенты распевали «Марсельезу» и вместо занятий грелись у уличных костров. Полицейская форма для обывателей стала как красная тряпка для быка, городских били и разоружали на улицах. Раньше на полицейских жаловались, что они без лишних разговоров норовят залепить в морду. А сейчас каждый мог дать им по хारे и знать, что за это ему ничего не будет. Обыватели, всю жизнь боявшиеся околоточных и городских, развязали настоящую охоту за ними. Полицейские участки жгли и крушили, словно бы это были символы прежней несчастной жизни, которые следует уничтожить прежде чем отправляться к светлому будущему. Началась Февральская революция.

Между тем Божьей милостью Николай II, Император и Самодержец всероссийский пребывали в Ставке, где гуляли, дышали воздухом, играли в домино и читали книгу о завоевании Цезарем Галлии. Когда царю доложили, что народ требует свержения самодержавия, он предложил начать по нему стрелять. Но охотник для такого паскудного дела не нашлось и пришлось Николаю II отречься от престола.

Не засиделся в своих креслах и кабинет министров. Родзянко сказал в первый день Февральской революции:

— Министры разбежались так, что собаками их не сыщешь.

Зато появилось новое правительство. Временное. И одними из первых его шагов стало разрушение полицейского аппарата. Вообще-то он был и так уже изрядно порушен стихией масс, но, может быть, можно было бы попытаться сохранить хотя бы то, что от него осталось. Но следовать общественному мнению и популистским лозунгам конечно было проще.

6 марта 1917 года Временное правительство объявило о ликвидации Отдельного корпуса жандармов, а 10 марта — об упразднении Департамента полиции и Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел. Министр внутренних дел и руководители Департамента полиции были арестованы. Специальная комиссия занялась расследованием деятельности департамента полиции. Одним из результатов работы этой комиссии стала публикация в газетах списков тайных агентов полиции.

Вместо полиции Временное правительство решило создать новый орган правопорядка — милицию. Но не смогло даже определить относительно единообразного устройства, как и единого названия, для новых органов охраны общественного порядка. В различных

документах упоминается «милиция Временного правительства», «народная милиция», «гражданская милиция». В первых актах Временного правительства употребляется название «общественная полиция».

К тому же никакого ажиотажа в массах относительно поступления на трудную и опасную работу в милицию не возникло. В результате основу милиции составили сотрудники царской полиции. Например начальник Екатеринбургской милиции сообщал в исполнительную комиссию Комитета общественной безопасности: «До переворота состав старой полиции во главе с полицмейстером и его помощником был 181 человек. К 12 апреля из прежнего состава старой полиции осталось 74 человека. Заменить старую полицию сразу новыми лицами согласно новым штатам не имел возможности за отсутствием достаточного количества прошений со стороны новых лиц...»

Такое положение вещей не устраивало новую власть. Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов в апреле принял решение: «всех членов полиции, состоявших на службе в дни революции и продолжающих оставаться в милиции, отстранить от должностей немедленно и годных к военной службе отправить на фронт».

Бардак творился и с назначением руководителей нового органа охраны порядка. Если уж министры внутренних дел менялись, как перчатки, за семь месяцев эту должность занимало четверо, то можно представить, что происходило на местах. В частности это наглядно видно на примере деятельности на посту главного милиционера Екатеринбурга Н. Н. Надеждина, бывшего секретаря фракции народных социалистов и редактора газеты в Пензе. В мае 1917 года он был назначен на должность начальника Екатеринбургской городской милиции. Причем сам предложил свою кандидатуру на этот пост, после того как прочитал в «Русских ведомостях» объявление Екатеринбургского Комитета общественной безопасности о приглашении «на постоянную должность начальника народной милиции с высшим, если возможно, юридическим образованием».

Судя по сохранившимся документам, Надеждин не вполне четко представлял чем должна заниматься милиция. В одном из приказов он устанавливает нарукавные знаки отличия для работников милиции, в другом указывает, чтобы домовладельцы не выпускали коз на улицы, а извозчики имели на пролетках номера, в третьем предписывает: «На посту милиционеры должны находиться посреди улицы, не есть семечек и не якшаться с посторонними людьми». Карьера его закончилась тем, что в августе он тайно покинул Екатеринбург и отбыл в Москву, бросив свою службу к чертовой матери.

В общем, к такому серьезному вопросу как обеспечение безопасности новая власть подошла очень легкомысленно. Поэтому и некому было призвать к порядку матроса Железняка, когда он без всякой почтительности заявил: «Кто тут временные, слазь!» И естественно этой власти пришлось уступить место другой. Власти Советов. Которая наоборот к защите своих интересов подошла со всей ответственностью и пролетарской ненавистью к врагам.

* * *

Сразу же после Октябрьской революции новая власть образовала тринадцать

наркоматов, в числе которых был Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). На него возлагались важные и обширные функции, в том числе охрана революционного порядка и борьба с преступностью.

28 октября (10 ноября) 1917 г. по уполномочию Советского правительства Народный комиссариат внутренних дел издал постановление «О рабочей милиции». В нем говорилось:

- 1. Все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию;*
- 2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов;*
- 3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами вплоть до снабжения ее казенным оружием;*

Постановление юридически закрепило создание в нашей стране органа охраны социалистического общественного порядка — милиции. Поэтому ежегодный праздник День российской милиции отмечается 10 ноября.

Власть Советов не стала изобретать паровоз и скопировала царскую систему охраны порядка. Только вместо полиции появилась милиция, а вместо третьего охранного отделения — ВЧК. Для подавления контрреволюции, а также для пресечения подрывной деятельности империалистических разведок в декабре 1917 г. была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

* * *

Революция, сломав старые институты власти и разрушив прежнюю систему правоохранительных органов, вызвала небывалый всплеск преступности. Бандиты, грабители и мошенники, вырвавшись на волю из тюрем и «малин» и пользуясь образовавшейся неразберихой, и решили, что настало их время. Добропорядочные граждане, рискнувшие с наступлением сумерек выйти из дома, все чаще становились жертвой преступлений. Их истошные крики: «Караул! Спасите, грабят!» оставляли людей безучастными. В ответ не слышалось ни трелей свистков бдительных дворников, ни топота ног спешащих на помощь полицейских. Обыватели только поплотней запахивали шторы, а крики о помощи прерывались револьверным выстрелом или глухим ударом безмена....

К бандитизму добавился еще и террор. Как раньше нынешние руководители государства, будучи еще простыми революционерами, пытались отстаивать свои взгляды путем покушений на членов правящей власти, так и теперь оппозиция прибегла к этим же методам. 1 января 1918 года произошло покушение на Ленина. Очень интересно это происшествие было описано в газете «Известия»: «Наемные убийцы...осмелились подло стрелять в автомобиль, в котором ехал тов. Ленин после произнесения приветственной речи уезжающим на фронт добровольцам. Тов. Ленин даже не заметил этих предательских выстрелов: он сидел в глубоких думах об устройстве пролетарского счастья. Только ехавший с ним секретарь швейцарской С.Д.Р.П. тов. Фр. Платтен, услышавший предательские выстрелы, успел быстрым движением наклонить голову тов. Ленина и тем спас его жизнь. Однако предательская пуля оцарапала палец той руки тов. Платтена, которую он наклонял

голову народного вождя. В автомобиль было сделано четыре выстрела».

А вот одна любопытная история с сайта «Наш Питер»:

Удивительные вещи происходили в нашем удивительном городе! Казалось бы, кто может быть миролюбивее велосипедиста, и что может угрожать председателю всесильной ЧК? Ан нет, глава Петроградской чрезвычайки Моисей Соломонович Урицкий был убит велосипедистом. Двадцатидвухлетний студент Политехнического института Леонид Каннегисер 30 августа 1918 года в 10.30 утра подъехал на велосипеде к зданию Главного штаба, где размещался тогда Народный комиссариат по иностранным делам. Оставив велосипед у дверей, он вошел в вестибюль и спросил у швейцара: «Товарищ Урицкий принимает?». Товарищ Урицкий, совмещавший посты руководителя Наркоминдела и главного чекиста еще не прибыл. Каннегисеру пришлось прождать полчаса, прежде чем он услышал, как подъехал автомобиль Урицкого. Швейцар услужливо открывал перед наркомом дверь, когда Каннегисер, сжимая револьвер, двинулся навстречу своей жертве. Урицкий был убит первым же выстрелом. Убийце не удалось далеко убежать, он был пойман и доставлен на Гороховую, 2. На допросах Каннегисер держался стойко, причастность к контрреволюционным организациям отрицал, говорил, что мстил за товарища, расстрелянного ЧК. Каннегисера приговорили к смертной казни и оперативно привели приговор в исполнение. И только через много лет, когда уже можно было взглянуть на преступление непредвзято, выяснилось, что в уголовном деле полно загадок: Урицкий знал о готовящемся на него покушении, за несколько дней до смерти он даже разговаривал с Каннегисером по телефону; Каннегисер практически не умел стрелять, а выстрел был произведен просто снайперский, и, самое поразительное, в тот же самый день в Москве было совершено покушение на Ленина...

Именно с убийства Урицкого поднялась грозная и жестокая волна «красного террора», утопившая в крови множество людей.

* * *

Можно по-разному относиться к Октябрьской революции и людям, ее совершившим, но первые милиционеры и чекисты достойны уважения. Именно они пусть подчас неумело, зато самоотверженно встали на пути почувствовавшего свободу криминального мира. И в борьбе с ним им пришлось хлебнуть лиха. Достаточно сказать, что число тяжких преступлений (убийств, разбоев, бандитизма и др.) в 1918 г. по сравнению с 1916 г. увеличилось в 10–20 раз. Россию захлестнул политический и уголовный бандитизм.

В конце 17-го года только в Москве действовало более 30-ти банд. В Петрограде наводила ужас на жителей банда, возглавлявшаяся профессиональным убийцей Александровым по кличке «Мишка Паныч», на Псковщине в течение пяти лет действовала банда, насчитывавшая 165 человек под командой Воробья. В Хабаровске орудовала шайка налетчиков, ведомая неким Седлицким, в Херсонском уезде — банда Лехера.

Для большего устрашения бандиты нарекали свои организации броскими названиями: «Черная маска», «Девятка смерти», «Бимбом», «Руки на стенку», «Деньги ваши, будут наши», «Банда лесного дьявола» и т. п. Банда подростков, пойманная после убийства двоих детей, называлась вообще претенциозно — «Клуб бомбистов царя ночи номер шесть».

Да и действовать преступники старались в те годы эффектно и вызывающе. В 1923 году банда, ворвавшаяся в одну из квартир неподалеку от сада «Эрмитаж», во время ограбления развлекалась игрою на рояле и пением. Налетчики лакомились найденными конфетами и галантно отпаивали водой хозяйку, которой от испуга сделалось дурно. Члены другой шайки, вломившись в кооператив на Большой Никитской, приказали всем присутствующим лечь на пол. Когда одна дама отказалась лечь на грязный пол, они постелили штуку мануфактуры, а потом прикончили всех выстрелами из обрезов и револьверов. Особенно любил издевательски поразвлечься над жертвами московский бандит, бывший чистильщик сапог и разносчик газет Мишка Культяпый. Например, связывал захваченных людей и укладывал на полу веером, а потом методично разбивал топором им головы. Изрядным позерством отличались и действия знаменитого питерского налетчика Леньки Пантелева. Он мог запросто извиниться перед потерпевшими при ограблении. А мог и с легкостью без всяких извинений отправить человека на тот свет. Банда Пантелеева, бывшего красногвардейца и следователя транспортного отдела ЧК совершила более 80-ти убийств и свыше 200 грабежей. Поэтому когда Леньку удалось таки пристрелить на одной из его малин, власть тоже не смогла обойтись без позерства. Известному бандиту, нареченному газетчиками королем ночного Петербурга отсекли голову и выставили ее в одном из магазинов на Невском. На сайте «Наш Питер» о Пантелееве и его поимке приводится следующая история:

В 20-е годы в Петрограде не было человека, который не слышал бы о Леньке Пантелееве по кличке Фартовый — бывшем сотруднике ВЧК, принятом на работу самим Дзержинским, и ставшим главарем банды, совершавшей дерзкие налеты на квартиры питерских обывателей. Поначалу Пантелеев поддерживал некий романтический ореол вокруг своей особы, обходился без убийств, хорошо одевался и был подчеркнуто вежлив с дамами. О нем рассказывали как о «благородном разбойнике», грабившем только богатых, но потом Фартовый озверел, и его банда стала не только грабить, но и убивать. Пантелеев был неуловим, у него были в ЧК свои люди, помогавшие ему уходить из засад и даже бежать из тюрьмы. Страх и постоянное напряжение превратили Пантелеева в неврастеника, стрелявшего без предупреждения в любого, кто вызывал подозрение, его стали бояться даже ближайšie поделщики. На улицах Петербурга появились издевательские надписи: " До 10 вечера шуба — ваша, а после 10 — наша!", автором которых считали Пантелеева.

По агентурным каналам чекисты получили информацию, что на Лиговке состоится «сходняк», на котором должен был присутствовать и Пантелеев. Была тщательно спланирована операция по его захвату. В последний момент кто-то из чекистов вспомнил, что у приятеля Пантелеева есть любовница-проститутка, проживающая на Можайской улице, на всякий случай засаду послали и к ней. Но так как Пантелеева ждали на Лиговке, на

Можайскую отправили самого молодого сотрудника, совсем еще мальчишку, Ивана Бруско с двумя красноармейцами. По закону подлости Пантелеев проигнорировал «сходняк» и явился на Можайскую, но тут удача вдруг изменила ему, во время перестрелки Пантелеев промахнулся, а Бруско — нет. Питерцы не верили, что Пантелеев убит, и пришлось пойти на беспрецедентный шаг — выставить его труп на всеобщее обозрение. И потом по Питеру долго еще ходила легенда, что заспиртованная голова Пантелеева хранится в музее на Литейном, 4.

* * *

Бурные политические события, подчас связанные с проявлениями жестокости, надломил в чем-то общественную психику, старая мораль и нравственность, словно были отправлены многими на свалку истории вместе с монархией. Жестокие убийства для преступников стали считаться проявлением доблести. Нетрудно представить какой же опасности подвергались тогда простые люди, если даже вождь мирового пролетариата подвергся бандитскому налету.

19 января 1919 года Ленин решил принять участие в детском празднике и отправился на него вместе с охраной. Тем временем в Сокольниках пьянствовала банда Кошелькова и при этом разрабатывала план ограбления особняка на Новинском бульваре и кооператива на Плющихе. Идея раздобыть машину для «дела» возникла спонтанно. Бандиты отправились на дорогу, чтобы завладеть первым попавшимся автомобилем.

Первым заметил людей вооруженных наганями шофер Ильича — Гиль. Ленин, думая, что это красногвардейский патруль, приказал водителю остановиться. Здоровенный Кошельков выволок Владимира Ильича из машины. Тот запротестовал, заявил, что он — Ленин и даже предъявил удостоверение. Кошелькову послышалось, что фамилия владельца машины Левин, поэтому он не обратил на него особо внимания, просто отобрал у Владимира Ильича еще удостоверение и личный пистолет, а потом уселся в реквизированный автомобиль.

Только значительно отъехав от места происшествия, главарь взглянул на отобранное удостоверение. И обомлел. А потом приказал гнать обратно. Он решил захватить Ленина, чтобы получить за него выкуп от Советской власти. Но опоздал.

Сотрудники милиции активно занялись поисками бандитов. Тогда они еще не знали, что нападение на «вождя мирового пролетариата» дело рук Кошелькова, поэтому начали крупномасштабную акцию против всего преступного мира столицы. Бандиты ответили настоящим террором. 24 января 1919 года стал «черным» днем в истории милиции. Шайка Сабана (Сафонова), разъезжая на машине по Москве, буквально расстреливала сотрудников органов внутренних дел. От ее рук тогда погибло 16 милиционеров. Ночью этого же дня аналогичные действия предприняла банда Кошелькова. На отобранном автомобиле преступники подъезжали к милицейским постам и свистком вызывали постового, а когда тот, полагая, что это служебная проверка выходил, хладнокровно убивали его. Этой ночью было убито 22 постовых милиционера.

После этого чекисты начали самую настоящую охоту за Кошельковым. Вскоре удалось переловить большинство членов банды, но главарь оставался на свободе. Наконец, его

выследили в доме по Старому Божедомовскому переулку. Кошельков отчаянно отстреливался из двух револьверов, но пулей, выпущенной из карабина, был смертельно ранен. 21 июня 1919 года он скончался.

А Ленин припомнил нападение на него в своей известной работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Желая обосновать необходимость заключения Брестского мира, он вспоминает о компромиссе, который вынужден был заключить с бандитами, отдав им документы, револьвер и автомобиль, чтобы они дали возможность «уйти подобра-поздорову». И проводит аналогию: «Наш компромисс с бандитами германского империализма подобен такому компромиссу».

Не удалось уйти от справедливого возмездия и Сабану. Милиция напала на след его шайки, и в завязавшейся перестрелке многие бандиты были убиты. Однако тогда Сафонов скрылся и спрятался в доме своей сестры в городе Лебедяни. Родственники дорого заплатили, дав приют отпетому негодяю. Сабан вырезал всю семью сестры в количестве 8 человек. При задержании он отстреливался из двух маузеров, бросил в преследовавших его милиционеров несколько бомб, но все же был схвачен. По требованию жителей Лебедяни Сафонов был расстрелян.

* * *

Как все таки часто развитие истории России зависело от случая. Помните самурая Тсуда Сацо, а теперь вот Кошельков. Но, как говорить, чему быть, того не миновать. Счастливо вырвавшийся из рук бандитов Владимир Ильич постарался обезопасить себя от случайностей и начал красный террор по отношению к врагам действующим и потенциальным. Народ эту тенденцию облек в анекдоты:

Дзержинский звонит Ленину:

— Владимир Ильич, когда расстреливать — до или после обеда?

— Пгенепгеменно до обеда! А обеды отдать детям — дети рабочих голодают

* * *

— Владимир Ильич, участники кронштадтского мятежа арестованы. Что с ними делать?

— Гасстгелять! Но перед гасстгелом напоить чаем. И непгеменно горячим!

* * *

После Октябрьской революции Ленин и Дзержинский пишут новый Уголовный кодекс. Дзержинский:

— Статья «Взятка». Что будем за взятку давать, Владимир Ильич?

— Это, батенька, архистрашное зло! За взятку расстрел, только расстрел!

— А не слишком? Вот вы, Владимир Ильич, тоже у немцев на революцию брали денег.

И на них вон даже пальтишко и кепочку справили. Это ли не взятка?

— Какая же это взятка, Феликс Эдмундович? Это политика! А за пальто и кепочку я по Брестскому миру рассчитался.

* * *

Понятно, что когда лес рубят, щепки летят. От того-то и возникали многочисленные ошибки, когда к стенке поставили не того, или не за то. Как пишет Александр Лаврин в своей «Энциклопедии смерти», в 1918 году в Москве чекисты узнали о существовании тайной офицерской организации под названием «Левшинцы». Тогда в ЧК не придумали ничего лучше, чем арестовать всех офицеров, живших в Левшинском переулке. Из 28 арестованных из Бутырки вернулись только 6 человек. У чекистов для таких случаев появился даже специальный термин: «ошибочники».

Народ и по этому поводу шутил:

Милиция схватила уличного музыканта и треплет его. Тот кричит:

— Братцы, вы меня не дослушали до конца! Я — не контра, я — контрабасист!..

* * *

Вот такие вот веселенькие времена настали в России. Куда податься простому человеку? Бандиты грабят. Белые приходят — грабят, красные приходят — грабят. И все остальные: зеленые, синие, красно-буро-малиновые тоже грабят. Но и то можно радоваться, что в расход не пустили.

ВЕСЕЛЫЕ ЛЮДИ В ВЕСЕЛОЕ ВРЕМЯ

Нет, была все-таки в работе первых милиционеров какая-то романтика. Полуграмотные, разутые, раздетые, голодные они демонстрировали чудеса храбрости, отстаивая свои идеалы. Сохранившиеся документы полны примерами незаурядного мужества, проявлявшегося первыми советскими милиционерами. Особенно при ликвидации банд. Конечно немало было в их работе трагических перекосов и перегибов, но время-то было какое?!

Правда, для самих первых милиционеров вряд ли в годы гражданской войны существовали сомнения в правоте своего дела. Дилема была проста: или убьешь ты, или уничтожат тебя. Классовый враг не собирался церемониться с теми, кто находился в чужом лагере с оружием в руках. И криминалитет тоже был смертельно опасным врагом, только он находился повсюду не только за линией фронта, но и в тылу.

Романтика борьбы за правое дело и высокая цель построения светлого будущего, где не станет голодных и рабов увлекали молодых советских сыщиков буквально на самопожертвование. Они не жалея жизни лезли в бандитские притоны и «малины». И сумели выйти победителями в суровой схватке с криминальным миром.

В качестве примера можно привести работу питерского уголовного розыска, только за 10 месяцев 1920 года им было ликвидированы 32 бандитские шайки, которые возглавляли такие известные в криминальном мире преступники, как: «Чугун», Бухайкин («Черная маска»), Абрамочев (фиктивные обыски с изъятием бриллиантов), Шурки Черненко, Ваньки Беленкого, Шурки Слона, Ваньки Седого, Стаськи Бродяги, Ваньки Вампира, Сынка, Цыгана и еще ряда других. При ликвидации этих банд задержано 4066 рецидивистов, во время арестов убито 4 сотрудника милиции ранено — 3.

В те трудные годы в милиции работало немало талантливых людей. Например, такие очень веселые писатели как Михаил Зощенко и Евгений Петров трудились в уголовном розыске. А Аркадий Гайдар по нынешним меркам служил во внутренних войсках, тоже относящихся к МВД. В 17 лет ему доверили командовать 58-м отдельным полком по борьбе с бандитизмом, входившим в состав войск частей особого назначения (ЧОНа). Юный командир со своим полком отважно проявил себя при подавлении восстания, поднятого против Советской власти бывшим тамбовским милицейским начальником Антоновым.

Евгений Петров в начале 20-х годов работал в угро на одессчине. Позже он вспоминал: «Я считал, что жить осталось 3–4 дня, ну максимум неделю. Привык к этой мысли и никогда не строил никаких планов. Я проводил дознание по поводу 17 убийств. Дела сразу шли в трибунал. Кодексов не было, судили просто — «Именем революции».

О. Бендер № 2 советского кино

Е. Петров автор «12 стульев»

В архивах сохранились документы, свидетельствующие, что будущий писатель участвовал в раскрытии весьма серьезных преступлений, в том числе — убийства пяти человек в поселке Беляевка, убийства семьи на ст. Выгода, в задержании бандитов Колера и Кириченко, в раскрытии уголовно-политической организации Шмайца, Вургорда, Орлова, в ликвидации банды Грубера и т. д.

В те времена, когда на работу в угро поступили Евгений Катаев и Осип Шор, ставший прототипом Остапа Бендера, в Одессе развелось огромное количество разномастного жулья: воры, бандиты, шулера и мошенники. Среди них имелось немало легендарных личностей, например, гроза Молдаванки — Михаил Винницкий, известный как «Мишка-Япончик». Но и на борьбу с ними поднялись, может быть, менее известные, зато не менее талантливые сыщики. Они в конечном итоге и победили.

В архивах Николаевской милиции сохранился «Именной список сотрудников уездного угрозыска, получивших награды от шефов Укомунотдела в честь 5-летия существования розыска УССР». Вторым в списке идет Катаев Евгений Петрович, награжденный часами. Остальные 12 отличившихся сотрудников получили менее ценные подарки, впрочем, для того трудного времени, видимо, тоже довольно важные: им были вручены бушлаты, фуфайки, шаровары, рубахи и кальсоны...

А избежавшие, к счастью, бандитских пуль Петров и Зощенко обогатили российскую литературу замечательными и очень веселыми произведениями. Их и поныне частенько цитируют. Причем Илья Ильф и Евгений Катаев (это который по псевдониму Петров) вкладывали в уста непревзойденного афериста Бендера красивые фразы об уважении к Закону:

— *Человек не должен судиться. Это пошлое занятие. Я имею в виду кражи. Не говоря уже о том, что воровать грешно.*

— *У меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость.*

* * *

К сожалению, власть неласково обошлась с Михаилом Зощенко. Он попал в опалу, и ему еще повезло, что избежал лагерей. Причина же, по которой писатель оказался в числе неугодных, по нынешним меркам просто смешна.

Во время единственной продолжительной встречи писателя Юрия Нагибина с Михаилом Зощенко зашел разговор о том, почему для разгрома Михаила Михайловича выбирали самые безобидные вещи вроде милого детского рассказа «Приключения обезьяны». Далее произошел следующий диалог. Зощенко:

— А никаких «опасных» вещей не было. Сталин ненавидел меня и ждал случая, чтобы разделаться. «Обезьяна» печаталась и раньше, никто на нее внимания не обратил. Но тут пришел мой час. Могла быть и не «Обезьяна», а «В лесу родилась елочка» — никакой роли не играло. Топор навис надо мной с довоенной поры, когда я опубликовал рассказ «Часовой и Ленин». Но Сталина отвлекла война, а когда он немного освободился, за меня взялись.

Нагибин:

— А что там криминального?

Зощенко:

— Вы же говорили, что помните наизусть мои рассказы.

Нагибин:

— Это не тот рассказ.

Зощенко:

— Возможно. Но вы помните хотя бы человека с усами.

Нагибин:

— Который орет на часового, что тот не пропускает Ленина без пропуска в Смольный?

Зощенко кивнул:

— Я совершил непростительную для профессионала ошибку. У меня раньше был человек с бородкой. Но по всему получалось, что это Дзержинский. Мне не нужен был точный адрес, и я сделал человека с усами. Кто не носил усов в ту пору? Но усы стали неотъемлемым признаком Сталина. «Усатый батя» и тому подобное. Как вы помните, мой усач — бестактен, груб и нетерпяч. Ленин отчитывает его, как мальчишку. Сталин узнал себя — или его надоумили — и не простил мне этого. (с сайта «Старого Ворчуна»)

И вот в результате такого пустяка Зощенко долгие годы находился под колпаком у спецслужб. На дне рождения у К. И. Чуковского он рассказывал об этом так:

Это было в 1935 году. Был у меня роман с одной женщиной — и нужно было вести дело осторожно, т. к. у нее были и муж, и любовник. Условились мы с нею так: она будет в Одессе, а я в Сухуми. О том, где мы встретимся, было условлено так: я заеду в Ялту, и там на почте меня будет ждать письмо до востребования с указанием места свидания. Чтобы проверить почтовых работников Ялты, я послал в Ялту «до востребования» письмо себе самому. Вложил в конверт клочок газеты и надписал на конверте: М. М. Зощенко. Приезжаю в Ялту: письма от нее нет, а мое мне выдали с какой-то заминкой. Прошло 11 лет. Ухаживаю я за другой дамой. Мы сидим с ней на диване — позвонил телефон. Директор Зеленого театра приглашает — нет, даже умоляет меня выступить — собралось больше 20 000 зрителей. Я отказываюсь — не хочу расставаться с дамой. Она говорит:

— Почему ты отказываешься от славы? Ведь слава тебе милее всего!

Я:

— Откуда ты знаешь?

Дама:

— Как же! Ведь ты сам себе пишешь письма. Однажды написал в Ялту, чтобы вся Ялта узнала, что знаменитый Зощенко удостоил ее своим посещением.

Я был изумлен. Она продолжала:

— Сунул в конверт газетный клочок, но на конверте вывел крупными буквами свое имя.

Я:

— Откуда ты знаешь?

Дама:

— А мой муж был работником ГПУ, и это твое письмо наделало ему много хлопот. Письмо это было перлюстрировано, с него сняли фотографию, долго изучали текст газеты... и т. д.

Таким образом, вы видите, что власть стала преследовать меня еще раньше, чем это было объявлено официально». (с сайта «Старого Ворчуна»)

* * *

Советская власть умела увлекать народ на подвиги. Не случайно победа на фронтах гражданской войны осталась именно за ней. Но у молодой Советской Республики имелся кроме белой армии и еще один очень серьезный противник. Бандитизм стал угрозой не только обывателям, но и государству в целом. Только за 1921 и первое полугодие 1922 г. отряды милиции 3096 раз вступали в вооруженные схватки с бандформированиями. Было задержано 4 тыс. контрреволюционеров и около 16 тыс. бандитов. В боях с бандами милиция Российской Федерации потеряла за полтора года 1340 сотрудников.

Милиции приходилось вести самую решительную борьбу не только с бандитизмом, но и с давней бедой русского народа — пьянством, которое зачастую идет рука об руку с преступностью. В стране хлеб выдавался по карточкам, зато самогона было, хоть залейся. Во многом этому способствовала экономическая ситуация. Сельским жителям было гораздо выгоднее продавать не зерно, а изготовленный из него самогон. Борьба с распространением этого зелья потребовала от милиции концентрации больших сил. Например, только за

период с 1 ноября по 15 декабря 1922 г. Московской милицией «произведено в целях искоренения самогонки 5807 обысков, из них более 3 тысяч с результатом (найден самогон и самогонные аппараты). А в 1924 г. в Уральской области было изъято у населения 15563 самогонных аппарата и свыше 18 тысяч ведер «огненной воды».

* * *

Однако, как это всегда бывает в жизни, героизм и самоотверженность идут рука об руку с ленью и хамством. Правда когда с этими пороками начинали бороться по-революционному жестко, то получались перекосы и перегибы. Как в следующей истории:

Однажды старый большевик, политкаторжанин, член ЦКК Сольц ехал на заседание ЦК как всегда на трамвае. На остановке выход из вагона ему загородил пьяный верзила и обозвал его «жидёнышом». Стоявший рядом милиционер лениво предложил пьяному пропустить «пархатого старика».

Сольц возмутился поведением представителя советской власти, и тогда милиционер отволок Сольца, который так и не представился, в отделение милиции.

В отделении милиции Сольца допросил дежурный милиционер, признал, что милиционер нехорошо выразился про «жида», но вот оскорблять красных милиционеров никому нельзя. Сольц потребовал встречи с начальником отделения, но тот не стал его слушать и велел отправить окончательно распоясавшегося пассажира трамвая в камеру. Тогда Сольц потребовал разрешения позвонить Дзержинскому, на что все отделение громко расхохоталось, мол, у Дзержинского других дел нет. Только после этого Сольц трясущимися руками достал свое удостоверение: немая сцена.

Через двадцать минут в отделение милиции прибыл Дзержинский и приказал заколотить помещения досками. Буквально через час в ОГПУ был отдан приказ о ликвидации этого отделения и вычеркивании его из списка московских отделений милиции.

В сороковых годах, уже после войны, Сталин приказал восстановить это отделение милиции. (с сайта «Анекдоты Старого Ворчуна»)

* * *

Понятно, что будь на месте Сольца какой-нибудь еврейский сапожник, Дзержинский и пальцем бы не пошевелил для его защиты. И надо полагать, что подобные истории в трамваях случались не раз. Не случайно эта словно списана с современного анекдота:

Едет в трамвае маленький, хилый еврей. Рядом стоит здоровый детина.

— Извините, вы мне наступили на ногу!

Тот ноль внимания.

— Вы мне на ногу наступили... Мне очень больно!

— Молчи, жидовская морда!

Рядом стоит милиционер. Несчастный к нему обращается:

— Товарищ милиционер! Он мне на ногу наступил, мне больно очень...

Милиционер:

— Убери ногу! Жид прав.

* * *

Однако нынешние милиционеры могут не опасаться, что их отдел забьют досками за неуважительное отношение к гражданам. Нынешние руководители государства на трамваях не ездят.

ОХ, КАК МНОГО ВРАГОВ НАРОДА

Отгремели пушки на фронтах гражданской войны. Постепенно переловили скрывавшиеся в лесах и городах банды. Жизнь начала входить в мирное русло. Народ, разрушив до основания старый государственный строй России, начал строить свой — социалистический. Вот тут-то понадобились настоящие специалисты, «строители» светлого будущего. А они оказались в дефиците.

Новая милиция тоже начала создаваться, можно сказать, с нуля, на пепелище старой полицейской структуры. Прежние стражи порядка, отдавшие много лет своему делу, оказались «социально вредными элементами». А те, кто пришел служить в рабоче-крестьянскую милицию подчас кроме «правильного» классового происхождения не имели ничего — ни опыта, ни образования. Романтика закончилась. Теперь требовалось не столько из маузера стрелять и шашкой махать, сколько уметь работать головой. А для этого нужны были знания. Но знания имеют свойство сеять в душе зерна сомнения. А власти нужны были не сомневающиеся ни в чем тупые исполнители. Власти некогда было сомневаться, ей необходимо было удержать завоеванное. И если для этого требовались жертвы, то они приносились.

Восстановление разрушенной экономики требовало времени. Перебои с продуктами и товарами приобретали угрожающие размеры. В 1928 г. на них была введена карточная система. Но и она не решила всех проблем. Тогда принялись добывать продукты и товары не экономическим, а репрессивным путем. И одной из главных движущих сил при этом стали

органы внутренних дел. Но справедливости ради надо сказать, что в борьбе с врагами народа сотрудники милиции выступали в основном лишь как исполнители. Идеиная и руководящая роль в этой борьбе принадлежала совсем другим людям.

После речи Сталина на ноябрьском пленуме ЦК партии 29-го года был взят курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства, кулачество подлежало уничтожению как класс.

Определенной формой давления на кулаков и зажиточных крестьян стали так называемые «твердые задания» по продаже государству зерна, льносемени, пеньки, конопляного семени, вообще продуктов сельского хозяйства. Цифры назначались такие, что, как правило, не выполнялись, и тогда их судили по 61-й статье Уголовного кодекса. О трех таких процессах написал адвокат Меньшагин:

«В повестке дня было три дела. Первым рассматривалось дело Веникова. Старик. С длинной бородой. Больше семидесяти лет ему от роду. Его обвиняли по третьей части 61-й статьи Уголовного кодекса в злостной неспасе назначенной ему в продажу государству пеньки (волокна от конопли). Свидетелем по всем трем делам, которые там рассматривались, проходил председатель Гостомльского сельского совета Калинин. Вот этому самому Веникову было дано задание — сдать 16 пудов пеньки, а он сдал 8. В обвинительном заключении было указано, что он не выполнил это твердое задание по кулацкой вражде к советской власти. На суде я задал вопрос свидетелю Калинин: а сколько он (Веников) собрал? Он подумал и говорит: «Да, пожалуй, пудов шесть он собрал». Я говорю: «А сдал?».

— Сдал восемь. — Так, значит, он сдал больше, чем собрал! А почему же вы дали шестнадцать?

— Так он же кулак! — был ответ.

И всё. Как будто бы этот ответ не требовал никаких дальнейших пояснений. Суд назначил Веникову 10 лет ссылки в соединении с принудительными работами. Так что это была не простая ссылка, а там, куда его направят, он должен был выполнять работы по заданию местных соответствующих властей.

Вторым слушалось дело Жукова. По сумме сельскохозяйственного налога, который он платил, видно было, что его хозяйство отнесено было к числу середняцких хозяйств. Он тоже обвинялся в невыполнении твердого задания по сдаче пеньки. Ему надо было 10 пудов сдать, а он сдал 6. Я спросил председателя сельсовета Калинина, который тоже проходил свидетелем по делу:

— Почему же ему так назначили? Сколько он собрал?

— Он так и собрал, как сдал.

— А почему назначили?

— Он был урядником в царское время.

Хотя уже прошло с 17-го по 29-й год двенадцать лет, т. е. даже по 30-й. Тринадцатый год шел, как он перестал быть урядником, но считалось, что он вроде как урядник, должен зерно сдавать. Этому дали два года лишения свободы в обычных так сказать тюрьмах-лагерях.

Третьим было дело председателя сельского совета Пронина, который был предшественником Калинина на этой должности. Он обвинялся по 109-й в злоупотреблении служебным положением, которое выразилось в том, что он в прошлом году недооблагал сельскохозяйственным налогом кулацкие хозяйства. Но при мне был текст закона о

сельскохозяйственном налоге, и я в своем выступлении продемонстрировал суду, что он брал так, как предусмотрено было законом. А изменились ставки в сторону повышения уже в этом году. А его судят, исходя из того, что он должен был, что ли, предчувствовать изменения... Ему дали три года лишения свободы».

* * *

А вот один любопытный документ из той эпохи:

18 декабря 1934 года Кинельский райком ВКП(б) выпустил постановление «Об отравлении четырех свиней в колхозе имени Калинина в с. Сколково.»

Из постановления:

«Райпрокурору Павлову в течение трех дней закончить и провести показательный процесс над председателем колхоза т. Харитоновым, который, размахивая бумажкой из бактериологической лаборатории института, пытается доказать, что свиньи отравлены микробами. Сам того не понимая в написанной по-латыни бумажке, в которую он верит больше, чем в политику партии в борьбе с классовым врагом, в борьбе за развитие социалистического животноводства. Горе-коммунист Харитонов до сих пор не может понять, что большой ущерб нанесен в результате потери классовой бдительности и проникновения на ферму классового врага (микроба)».

* * *

В 30-е годы появились органы внесудебных репрессий — «тройки» в составе первого секретаря ЦК ВКП(б) союзной республики (крайкома, обкома), начальника управления НКВД и прокурора соответствующего уровня, а без секретарей партии — «двойки». А в 1934 года те же «тройки», только под названием «Особое совещание» появились в НКВД. Репрессивной машине был дан полный ход. В инструкциях регламентирующих деятельность троек, их задача определялась почти, что производственной терминологией — изъятие социально-вредного элемента. И это самое изъятие было поставлено на поток. Конвейер репрессий заработал.

Особо отличившихся сотрудников НКВД в ту пору награждали топорами. На одной стороне у них было написано: «Бей левых!», на другой: «Бей правых!», а на обухе: «Бей всех!». Народ эти тенденции воспроизвел в анекдотах:

В 30-е годы мужик заполняет анкету, и дошел до вопроса «Как спите с женой?» Что писать? Напишешь «слева» — пришьют левый уклон. «Справа» — правый уклон. «Сверху» — возвышение над массами. «Снизу» — идешь на поводу у масс. Написал: «сплю отдельно, занимаюсь онанизмом». Ему дали 10 лет «за кулацкий уклон и растрату семенного фонда».

* * *

Служащий пришел на работу на пять минут раньше. Его посадили за шпионаж. Другой служащий пришел на пять минут позже. Его посадили за саботаж. Третий пришел минута в минуту. Его посадили за антисоветскую агитацию — он носил швейцарские часы.

* * *

Вопрос анкеты: «Были ли вы репрессированы? Если нет, то почему?»

* * *

В 1934 году наступил, пожалуй, самый «черный» период в истории российской милиции, который олицетворяется с руководством органами внутренних дел известной тройки министров: Ягода-Ежов-Берия. В этом году второй раз с момента образования советского государства органы внутренних дел и госбезопасности были объединены в одно ведомство. Ранее такое слияние осуществлялось в 1922-23 г.г., когда НКВД и ГПУ возглавлял Ф. Э. Дзержинский. На сей раз руководителем объединенного ведомства стал Генрих Ягода.

С его назначением начал стремительно раскручиваться маховик репрессий. Понятно, что когда с повышенной скоростью движется конвейер с «врагами народа», разбираться в их действиях особенно некогда. Поэтому и дела даже на виднейших государственных деятелей стряпались тяп-ляп. О нескольких судебных огрехах рассказывается на сайте «Старого Ворчуна»:

Во время судебных процессов над троцкистами в тридцатые годы произошел ряд «проколов» из-за некомпетентности сотрудников охранительных органов, которые писали за обвиняемых их показания. Так во время суда над Каменевым и Зиновьевым один из обвиняемых показал, что он ездил в Копенгаген для встречи с сыном Троцкого Львом Седовым и останавливался в отеле «Бристоль».

Через неделю после расстрела обвиняемых, которым, между прочим, за разоблачение троцкизма, как идейного течения, обещали сохранить жизнь, взорвалась «бомба». В датских газетах было опубликовано официальное сообщение о том, что отель «Бристоль» был снесен за много лет до указанных на суде событий!

* * *

Нечто похожее произошло и во время суда над Пятаковым, Радеком и компанией. Пятаков на суде произнес показания о том, что он в указанное время летал на немецком самолете в Осло для встречи с Троцким. Все обвиняемые были опять расстреляны, а вскоре в норвежских газетах было опубликовано опровержение: в указанный Пятаковым месяц в Осло вообще не приземлялся ни один иностранный самолет.

* * *

Следователем по делу Каменева был некто Черток. Работая с Каменевым он позволял себе многие чудовищные вещи. Два года Каменева и Зиновьева кормили соленой рыбой, но практически не давали воды. В камерах даже в жару сильно топили печи. У заключенных начались приступы... Через месяц после расстрела Каменева за ним пришли. Со словами: «Я вам не Каменев, меня вы не сломите!» — Черток выбросился с балкона.

* * *

Главным идейным вдохновителем механизма по уничтожению собственного народа был конечно Великий Вождь, товарищ Сталин. Только рассказывать об этом было очень опасно. Даже за любой из приведенных ниже анекдотов запросто могли «намазать лоб зеленкой».

Сталину доложили, что обнаружился его двойник.

— Расстрелять! — приказал Сталин.

— А, может, сбрить усы, товарищ Сталин?

— Ха-рошая мысль! Сбрить усы и расстрелять!

* * *

Пушкин на приеме у Сталина.

— На што жалуетесь, таварищ Пушкин?

— Жить негде, таварищ Сталин...

Сталин снимает трубку:

— Моссовет! Бабровныкова мнэ! Таварищ Бабровныков? Тут у мэня таварищ Пушкин, штоб завтра у нэво была самая лучшая квартыра!

— Што ешо у вас, таварищ Пушкин?

— Не печатают меня, таварищ Сталин...

Сталин снова снимает трубку:

— Саюз писатэлей! Фадэева мнэ! Таварищ Фадэев? Тут у мэня таварищ Пушкин, штоб завтра напэчаталы его самым балшым тыражом!

Пушкин благодарит и уходит. Сталин снова снимает трубку:

— Таварищ Дантэс? Таварищ Пушкин уже вышел!

* * *

Однако понятно, что таким огромным числом врагов народа, какой каждый год обнаруживался в государстве, не под силу было справиться даже самому товарищу Сталину. И в этом ему помогали верные соратники, партия и правительство. Частенько они даже учили НКВД как лучше организовать работу по выявлению врагов народа. Вот один любопытный документ:

Из зашифрованной телеграммы, направленной секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД

10 января 1939 г.

...ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и нераскрывающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод.

(Известия ЦК КПСС. 1989. N 3. С. 145.)

Правда, почему-то в числе этих самых врагов народа оказывались самые близкие соратники товарища Сталина, но мудрый Вождь всегда правильно разбирался, кто из них виноват, а кто нет.

Во второй половине 30-х годов к загородному дому Буденного подъехали машины. Из них выскочили вооруженные люди и оцепили дачу. Маршал приказал адъютантам занять круговую оборону. В окна выставили пулеметы и открыли огонь. Прибывшие залегли, прячась за деревья. Сам Буденный побежал к телефону и позвонил Сталину. Сталин спросил:

— Полчаса продержишься?

— Думаю, продержусь.

Через полчаса прибыла еще одна машина и гости были отозваны. Сталин позвонил Буденному и, узнав, что все в порядке, сказал:

— А пулеметы ты сдай.

Два пулемета Буденный сдал, но четыре все-таки оставил на чердаке.

* * *

К академику Варге — личному советнику Сталина по экономике — пришли трое военных.

— Вы арестованы.

Под предлогом сборов Варга вышел в кабинет и позвонил Сталину:

— За мной пришли.

— Позовите старшего по званию.

Руководитель группы доложил:

— Капитан Петров слушает.

— Товарищ капитан, покиньте квартиру академика.

— Товарищ Сталин, я исполняю приказ товарища Берия арестовать академика Варгу.

— Товарищ капитан, попросите к телефону следующего по званию.

Трубку взял лейтенант, послушал, вытащил из кобуры наган и застрелил капитана.

Поредевшая группа захвата взяла своего бывшего начальника за ноги и поволокла к выходу.

* * *

Пришел к Сталину академик Капица и говорит:

— Арестован физик Ландау, а он мне нужен.

Сталин смотрит на Берия. Берия говорит:

— Ландау арестован как шпион.

Сталин пожимает плечами. Капица говорит:

— Но он мне нужен.

Берия отвечает:

— Ландау признался в диверсионной деятельности.

Сталин разводит руками. Капица не отступает:

— Ландау мне нужен.

Берия говорит:

— Уже состоялся суд и признал Ландау виновным.

Сталин теряет терпение:

— Слушай, Берия! Видишь, он человеку нужен. Раз нужен — дай!

* * *

Директор уральского завода Малышев получил приказ прибыть в Москву. Прибыл. Поскребышев велел ждать в приемной. Через несколько часов мимо прошел Сталин, буркнул:

— Вас еще не расстреляли?

Малышев сидел еще два часа, опять появился Сталин и опять спросил:

— Вас еще не расстреляли?

Малышев продолжал сидеть. Через несколько часов вышел Поскребышев и сказал:

— Можете быть свободны.

Оказалось, Сталин получил донос — у танков, выпускаемых Малышевым, броня недостаточно прочна, и пока Малышев сидел в приемной, в лаборатории шла экспертиза, в конце концов подтвердившая, что броня соответствует ГОСТу.

* * *

Понятно, что в царившей тогда атмосфере страха, попасть в немилость к Сталину было сродни самоубийству. В этой связи есть одна очень интересная актерская история:

В первоначальном варианте пьесы «Человек с ружьем» была сцена, в которой Сталин, роль которого исполнял Рубен Николаевич Симонов, приходит в кабинет к Ленину. Однажды актеров пригласили исполнить эту сцену на правительственном концерте в честь юбилея Советской власти. Гримировались и одевались актеры дома. И вот в таком виде Борис Щукин и Рубен Симонов отправились в Большой театр на концерт. В то время еще не было тонированных стекол и на окнах старенького «Форда» висели занавески. Подъезжая к театру, водитель Симонова нарушил правила дорожного движения и появившийся милиционер остановил автомобиль, и стал кричать на шофера:

— Что ты прешь!?! Сейчас Сталин приедет! Вылезай!!! — и стал буквально вытаскивать бедолагу из машины.

Наблюдавшие эту картину актеры решили, что пора выручать водителя, и тогда Рубен Николаевич отодвинул занавеску, представ перед ретивым служителем закона в гриме Сталины и при полном «параде», и тихо, но уверенно сказал:

— Товарищ милиционер, подойдите пожалуйста сюда.

Милиционер вытянулся в струнку, а вошедший в роль Симонов продолжал:

— Вы знаете, что останавливая мой автомобиль, вы облегчаете покушение на меня. Вы знаете сколько у меня врагов. Я выбрал такой простой автомобиль, чтобы дезориентировать противников.

Обезумевший милиционер стал извиняться, на что «самозванец» ответил:

— Я вас прощаю, но я не знаю, что по этому поводу скажет Владимир Ильич?

— А с вами, батенька, я поговорю попозже, — вступил в игру Щукин, придвигаясь к окну.

В конец обалдевший милиционер просто лишился чувств, а актерский автомобиль проследовал дальше.

После сыгранной на концерте сцены к актерам подошел человек и попросил их проследовать за ним. Их привели в ложу к товарищу Сталину. Иосиф Виссарионович, даже не обернувшись, сказал:

— Слышал о вашей шутке с милиционером. Можете его навещать в Кремлевской больнице, палата 26.

* * *

Истребление собственного народа путем репрессий безусловно легло пятном на органы НКВД, которые уподобились топору в руках палача. Однако простые милиционеры отнюдь не отличались кровожадностью. Они честно и мужественно выполняли свою работу, борясь с криминальной нечистью. И старались поступать справедливо с обычными людьми.

Как-то мой сосед по кабинету в УБЭП ГУВД Свердловской области Александр Юдин принес мне копию любопытного архивного документа. При его чтении сразу обращаешь внимание на то, каким «высоким штилем» составляли бумаги простые сельские милиционеры. Так сказать на внешнюю оболочку. И только спустя какое-то время начинаешь понимать скрытый смысл заключенный в нем.

Изнасилование в советское время каралось очень строго. И на зону попадало немало людей из-за того, что по пьяни перепихнулись с дамой, а потом отказались на ней жениться. И вот этот простой сельский милиционер проявляет сочувствие к односельчанину, не отправляя его в суд по статье за изнасилование. Но в то же время во имя справедливости совсем не может оставить его без наказания, а потому все же отправляет его в суд, но по гораздо более мягкой статье о нанесении телесных повреждений. А поскольку на Руси мужики баб бьют из покон веков, то вероятно, обвиняемого строго не накажут. А теперь этот самый документ:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Добрянка 27 июня 1940 г.

Я, старший милиционер 1-го участка Добрянской милиции УРОВЕНКОВ, рассмотрев материал по обвинению гр-на Бандюкова Григория в преступлении, предусмотренном, ст. 153 УК,

НАШЕЛ:

Предварительным следствием выявлено следующее: фактами 19 октября в субботу под воскресенье вечером сестры БАРЫШНИКОВЫ пошли погулять на хутор к БАНДЮКОВУ, но не к нему, а к его сестре. Следовательно старшая сестра БАРЫШНИКОВА осталась спать с гр-ном ЗАГУРКИНЫМ, для какой цели не установлено. БАРЫШНИКОВА же Анастасия отправилась домой и пригласила БАНДЮКОВА Григория провести ее по дороге домой.

В пути следования идущие присели, где гражданин БАНДЮКОВ выходя из приличия набросился привлекать к себе БАРЫШНИКОВУ и целовать, одновременно нацеливая на предназначенные действия, но БАРЫШНИКОВА возражала при направлении органических сил дабы получить освобождение.

Принимая во внимание показания свидетеля МАЦУРА, где имеются показания, что гр-ка БАРЫШНИКОВА в момент прихода МАЦУРЫ, который видел собственными глазами и оцезрел, что БАНДЮКОВ находился на ней без штанов в движении с глупым лицом и шипением, что доказано документально, т. к. принимая во внимание, что БАРЫШНИКОВА издавала звуки и мычала как убитая, то предусматривается, что ей это нравилось, т. е. она и он получили взаимное удовольствие, а поэтому нужно считать факт физического изнасилования на предмет половой совокупности не доказанным.

Но еще раз принимая во внимание, что гр-ка БАРЫШНИКОВА получила на задних конечностях синяки и кровоподтеки, а поэтому БАНДЮКОВУ Григорию предъявить обвинение по ст. 153 УК.

ПОСТАНОВИЛ:

Что дело без суда не обойдется, а потому направить дело в суд.

СТ.МИЛИЦИОНЕР УРОВЕНКОВ.

* * *

Уничтожение лучших людей своей страны путем борьбы с врагами народа стало сворачиваться только после смерти тирана. Культ личности некогда великого Вождя Народов был развенчан, а сам он лишен последней привилегии — места в мавзолее. Так, что на его могиле вполне мог бы оказаться венок с надписью: «Посмертно репрессированному от посмертно реабилитированных!». А на могиле ближайшего сподвижника Вождя вполне могла бы оказаться надпись: «Здесь покоится враг народа, агент английской разведки и сексуальный маньяк Лаврентий Павлович Берия».

МИЛИЦИЯ ОТ ХРУЩЕВА ДО ЕЛЬЦИНА

Победа в Великой Отечественной войне досталась очень непросто. Многие милиционеры ушли на фронт, и многие сложили свои головы на полях сражений. А тем, кто остался в тылу тоже пришлось несладко. Как это часто бывает, в период тяжелых испытаний для страны поднимает голову криминальный мир, чувствуя удобный момент для поживы. В 1942 г. преступность в СССР выросла на 22 % по сравнению с 1941 г., в 1943 г. — на 20,9 % по сравнению с 1942 г., в 1944 г. соответственно — на 8,6 %, причем наибольший прирост происходил за счет тяжких преступлений убийств, разбоев и грабежей. Снова привычным явлением стало появление вооруженных банд. Только в 1945 г. наметилось снижение уровня преступности.

Однако Победа принесла мощный импульс во все сферы деятельности. Коснулось это и милиции, куда пришло на работу много бывших фронтовиков. «Если уж мы раздавили фашистскую Германию, то неужто не задавим какую-то уголовщину», — решили они и рьяно взялись за дело. И действительно спустя несколько лет криминалитет удалось загнать по таким глухим норам, что заговорили и о полном искоренении преступности.

Впрочем, это был больше идеологический лозунг, характерный для периода правления Н. С. Хрущева. Тогда много чего такого говорили от обеспечения всех семей отдельными квартирами, до построения коммунизма в СССР. И такое хвастовство нередко шло только во вред. Так получилось тогда и с милицией. Решили, что раз скоро преступность сама загнетса, а мелких хулиганов вполне по силам переловить дружинникам, то органы внутренних дел надо сокращать. И в 1956 г. численность центрального аппарата Главного управления милиции МВД СССР по сравнению с 1954 г. была сокращена на 48,8 %.

Куда ни кинь, всюду клин. При Сталине старались сгущать краски, выдумывать группы вредителей, а от этого спускали планы по их поимке. При Хрущеве же стали лакировать действительность, показывать оперативную обстановку лучше, нежели она есть на самом

деле, вот и извольте теперь работать больше с меньшими силами.

Никита Сергеевич запомнился народу своими экспериментами. С кукурузой, с животноводством. Вот и милицейский анекдот из его эпохи тоже связан с нововведением:

После того как Хрущев ввел промышленные и сельскохозяйственные совнархозы, пришла женщина в сельскую милицию:

- Муж обещал убить меня молотком.
- Не по нашей части. Вот если бы серпом...

* * *

При Л. И. Брежневе, как известно, у нас в стране был застой. Но только не в милиции. Ей застаиваться было некогда, хотя в целом работа по сравнению с нынешними временами была поспокойней. И, может быть, даже умней. Хотя дураковки, особенно связанной с политикой, хватало и тогда. Вот и в анекдотах того времени милицию частенько привязывают к политике. Например:

В ГУМе потерялся ребенок. Милиционер его утешает:

- Ничего, сейчас объявим по радио, и родители твои найдутся.
- Объявите, пожалуйста, по «Би-Би-Си» — мои родители другого радио не слушают.

* * *

- Что-то давно тебя не видно. Где ты работаешь?
- В КГБ. Но это — между нами.
- А что же вы там делаете?
- Занимаемся недовольными советской властью.
- Ха! А что, есть довольные?
- Есть, но ими занимается ОБХСС.

* * *

На зоне один зек спрашивает другого:

- Ты политический?
- Да.
- А кем работал?
- Сантехником.
- А как вышло, что ты политический?
- Да вызвали меня как-то в горсовет. Раковина у них в туалете сломалась. Ну, я посмотрел и сказал, что пора менять всю систему...

* * *

Ну а почти весь юмор, связанный с Ю. М. Андроповым, имеет такую правоохранительно-политическую окраску, памятуя об его чекистской биографии:

- Какую музыку любит Андропов?
- Камерную.

* * *

Андропову дали нобелевскую премию по физике — он доказал, что стук распространяется быстрее, чем звук.

* * *

— Товарищи члены Политбюро, проголосовавшие за избрание Юрия Владимировича Андропова, могут опустить руки и отойти от стенки!

* * *

Диктор советского телевидения оговорился: «Поздравляю с новым 1937 годом!»

* * *

В связи с избранием Андропова Генеральным секретарем Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о переименовании ЦК КПСС в ЧК КПСС.

* * *

Переименования: Кремль — Андрополь; Москва — Чекаго; СССР — КГБ (коммунистическое государство будущего).

* * *

Новая единица времени: 1 Андроп = 10 лет.

* * *

Придя к власти, Андропов сформулировал задачу, стоящую перед сельским хозяйством, следующим образом: сажать, сажать и еще раз сажать!

* * *

- За что борется Андропов?
- За мир и госбезопасность во всем мире!

* * *

- Вы слышали? Андропов сломал руку!
- Кому?

* * *

Естественно, что и милиции в этот период приходилось работать с оглядкой на КГБ. Тем более, что представители госбезопасности заняли ведущие кабинеты в МВД, вплоть до министерского.

Период К. У. Черненко прошел практически незамеченным, зато уж горбачевская перестройка запомнилась всем, кто имел счастье в то время работать в органах. Вдруг с началом рыночных реформ на свет Божий, откуда ни возьмись, появились организованная преступность. Складывается впечатление, что власть сама не знала чего хотела. Бросалась из крайности в крайность. Например, вдруг озаботились борьбой с пьянством, тем самым помогая криминальным группировкам сколачивать на бутлегерстве свой первоначальный капитал. В общем, на волне гласности перестройка сначала всколыхнула надежды и чаяния народа, но быстро охладила их отсутствием какого либо улучшения жизни для большинства людей.

- Что будет после перестройки?
- Перестрелка.

* * *

Время горбачевской борьбы за трезвость народа в небольшом городке примерного гражданина А. судят за хранение самогонного аппарата. В процессе суда не было доказано, что А. самогон гнал. Однако все равно получил «3 года условно». После вынесения приговора А. встал и обратился к судьям с просьбой... Он попросил дать ему «15 лет условно». Судьи поинтересовались, за что? За изнасилование малолетних, сказал он. «А вы их насиловали?» — «Нет, но аппарат имею!»

* * *

До 1917 года, стук в дверь:

— Откройте милиция!

Все прячут книжки под стол, бутылки на стол, сидят — пьют...

Через 70 лет, после 1987 года, стук в дверь:

— Откройте милиция!

Все прячут бутылки под стол, книжки на стол, сидят — читают...

* * *

Перестройка была временем массовых митингов по всяким поводам. Иные митинги заканчивались арестом их участников:

— Был на митинге?

— Был.

— В машину.

— Был на митинге?

— Был.

— В машину.

— Был на митинге?

— Был.

— В машину.

— Был на митинге?

— Не был.

— Быстро на митинг. И в машину.

* * *

90-е годы порой называют периодом криминальной революции в России. И не безосновательно. Организованные преступные сообщества вышли из тени. Сначала они за счет рэкета и других преступлений обрели финансовое благополучие, потом легализовали свои доходы, создав на них фирмы и купив предприятия. В результате криминальные авторитеты повсеместно стали превращаться в бизнесменов и устремились во власть. Ситуация усугублялась тем, что наряду с развитием организованной преступности небывалых масштабов достигла обычная. Порой создается такое впечатление, что перестройка отпустила некие тормоза, сдерживавшие криминальные наклонности людей. Кажется, что все черное и злобное, таившееся в потайных уголках человеческих душ вдруг вырвалось наружу. В сравнении с четко спланированными заказными убийствами и кровавыми разборками организованных преступных группировок, ставшими обыденными явлениями в России конца XX века самые изощренные преступления прошлого выглядят чуть ли не детскими шалостями.

На фоне всех этих напастей в эпоху Б. Н. Ельцина развал милиции мало кого беспокоил. Если уж легко и просто развалили государство, которое создавали 70 лет, то стоит ли обращать внимание на проблемы одной отдельно взятой государственной структуры. Милиция превратилась в нелюбимую падчерицу. Как бы она ни работала, ее теперь только ругали. И лицом-то она не пригожа, и делает все не так, и манеры у нее плохие. В общем одна надежда у бедняжки осталась на добрую фею, да на сказочного принца...

Зато уж воровать при Ельцине стали так, как Русь еще не видала, хотя всегда страдала этим пороком. Рыночная экономика выплеснула на поверхность огромное количество различных махинаций. Из основных можно вспомнить аферы с чеченскими авизо, многочисленные подделки ценных бумаг, бум с хищениями цветных металлов, лжепредпринимательство, лжеэкспорт и еще многие и многие другие. Настоящий шок в стране вызвал крах многочисленных финансовых пирамид, изрядно опустошивших карманы граждан.

Мы обманули вас в 1991 и стреляли в вас в 1993, мы кинули вас с МММ и ваучерами, мы подставили вас в 1996 и 1997. Мы отняли у вас последнее в 1998, но у нас опять кончились бабки.

ПОЖАЛУЙСТА, ЗАПЛАТИТЕ НАЛОГИ.

* * *

Милиционер: — Гражданин, Вы почему нецензурно выражаетесь в общественном месте?!

— Я... Я... Я ругаю правительство!

— А... Ну тогда извините.

* * *

Офис. Переговоры бизнесменов и банкиров. Открывается дверь, заходит молодой человек.

— Можно вас перебить?

— Нет. Нам некогда.

— Это не займет много времени, у меня «Калашников»

* * *

Откинулся зек с зоны. На дворе начало 90-х, по слухам уголовники теперь на воле хозяевами жизни стали. Решил в ресторан зайти. «Ну! — думает, — Порядки поменялись, посмотрю как?!»

Стоит, смотрит. Заходит мужик, весь в наколках и с золотой цепью на шее, ноги на стол и кричит:

— Официант!

Тот к нему на полусогнутых:

— Чего изволите?

— Бутылку шампанского и двух блядей!

— Сию секунду!

Бывший зек подумал: «Понял». Заходит, ноги на стол и кричит:

— Официант!

Тот на полусогнутых:

— Чего изволите?

— Чайник чифиру и двух пидоров!

* * *

Встречаются в Государственной Думе сразу после выборов два новоиспеченных депутата: один — бизнесмен, другой — прокурор. Бизнесмен:

— Ну, вот я заработал денег, покупая и продавая, организовал себе предвыборную кампанию и так вот пришел сюда. А ты — прокурор, госслужащий, бюджетный работник: откуда бабки на выборы?

— А я отпускные получил.

— Ну, ни фига у вас отпускные-то!!!

— Так ведь как: кого отпустишь, такие и отпускные...

* * *

Группа наиболее авторитетных депутатов Госдумы внесла на обсуждение законопроект «О понятиях», конкретное принятие которого, в натуре, повысит, блин, правовую культуру

нашего населения.

* * *

Полночь на кладбище. Из могилы раздаются жуткие звуки. Отряхиваясь, наружу вылезает скелет и стучится в соседнюю.

— Гоги, слющй, выходы, пайдем па Москве пагуляем, шашлик покушаем, вина выпьем, да?

Из второй могилы выкарабкивается скелет Гоги, и они вразвалочку направляются к выходу. Вдруг Гоги стучит себя костяшками по черепу, бежит к могиле и взваливает на спину могильную плиту.

— Вах, дорогой, зачем плита тащишь?

— Э-э, генацвалэ, нельзя нам по Москве бэз дакумэнтэв!

* * *

Из сообщений американской прессы:

«Спецслужбы США расследуют дело об отмывании через Bank of New York незаконных денег кремлевской администрации и других преступных организаций России»

* * *

Ну а анекдоты о периоде правления В. В. Путина еще впереди. Нужно время, которое расставит все на свои места. Правда, народ не любит ждать и сочиняет свои веселые истории и сейчас....

Спит Владимир Владимирович, и снится ему Иосиф Виссарионович. Спрашивает Путина Сталин:

— Могу я тебе как-нибудь помочь, а?

— Почему у нас все плохо, экономика разваливается и т. п... Что мне делать?

Сталин, не задумываясь, отвечает:

— Расстрелять все правительство и покрасить стены Кремля в голубой цвет.

— Но почему именно в голубой?

— Я так и предполагал, что дискуссия будет только по второму вопросу!

* * *

В правоохранительной сфере самым громким достижением нового президента стало то,

что он прижал к ногтю некоторых олигархов. И народ тут же отреагировал на это шутками:

Собрался Б. А. Березовский на ПМЖ в Канаду. На прощальном банкете генеральный прокурор его спрашивает:

— Борис Абрамович, а посидеть на дорожку?

* * *

НОВЫЙ СЛОГАН: «Юкос — нам 10 лет». Внизу подись: «Не возражаю. Генеральная прокуратура».

* * *

Что ж руководители у нас умные. Красиво говорят. Можно сказать афоризмами сыплют. И это вселяет надежду на лучшее будущее.

За амнистию голосовать не буду. Бесполезно. Люди подлежат уничтожению или перевоспитанию...»

(Владимир Жириновский, лидер ЛДПР)

* * *

«Какой политический террор? Мы — самая свободная страна в мире! Воровать меньше надо, тогда стрелять не будут».

(Владимир Колесников, заместитель генпрокурора РФ)

* * *

«Все должны раз и навсегда для себя понять: надо исполнять закон всегда, а не только тогда, когда схватили за одно место....»

(Владимир Владимирович Путин, президент России)